

В сборник включены материалы выступлений преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в IX Международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Конференция объединяет исследователей в сфере гуманитарных наук России, Китая и сопредельных стран.

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Многие проблемы, затронутые в представленных статьях, являются дискуссионными, вызывают неоднозначные оценки, но именно в этом и заключается основной характер конференции, как важного научного мероприятия, в рамках которого российские и китайские исследователи – представители академической и вузовской науки Российской Федерации и Китайской Народной Республики – могут обмениваться мнениями по ключевым проблемам развития и взаимодействия России и Китая.

РОССИЯ И КИТАЙ

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы международной
научно-практической конференции

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ХЭЙХЭСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАНЬКАЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ БГПУ
ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА «ИНТЕРПЛЮС»

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИМЕНИ А.М. ГОРЧАКОВА

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Материалы IX международной
научно-практической конференции
(Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.).

Выпуск 9
Часть 7

Благовещенск
Издательство БГПУ
2019

Р 76 **РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА:** материалы IX международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Выпуск 9. Часть 7 / Отв. ред. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – 196 с.

Редакционная коллегия:

А.А. Барбарич, проректор по научной работе БГПУ;
Н.В. Кухаренко, директор Института Конфуция БГПУ;
Д.П. Волков, директор ЦСИКН Амурской области;
Д.П. Болотин, председатель Амурского отделения РИО;
С.В. Кухаренко, директор ИНДАТР;
О.А. Шеломихин, канд. ист. наук, доцент;
А.В. Друзяка, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Буяров, канд. филос. наук, доцент;
А.В. Баранов, канд. ист. наук, доцент;
И.Л. Григорьева, канд. филол. наук, доцент;
М.А. Иванова, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Кузнецов, канд. ист. наук, доцент;
А.А. Киреев, д-р ист. наук, профессор;
Н.В. Киреева, д-р филол. наук, профессор.

В сборник включены материалы выступлений преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в IX научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Конференция объединяет исследователей в сфере гуманитарных наук России, Китая и сопредельных стран.

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Многие проблемы, затронутые в представленных статьях, являются дискуссионными, вызывают неоднозначные оценки, но именно в этом и заключается основной характер конференции как важного научного мероприятия, в рамках которого российские и китайские исследователи – представители академической и вузовской науки Российской Федерации и Китайской Народной Республики – могут обмениваться мнениями по ключевым проблемам развития и взаимодействия России и Китая.

Часть 7 включает материалы секции «Россия и Китай в системе современных международных отношений: глобальные и региональные аспекты взаимодействия».

*Редакция не несет ответственности за точку зрения автора,
а также стилистическое оформление текста*

***Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета***

Выход сборника материалов конференции
приурочен
к 70-летию образования КНР,
70-летию установления российско-китайских
дипломатических отношений,
30-летию сотрудничества
Благовещенского государственного
педагогического университета
и
Хэйхэского университета

РОССИЯ И КИТАЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Алферов Павел Олегович, студент
Кафедра международных отношений
Дальневосточный федеральный университет
alferov_pavel1997@mail.ru

Золотухин Иван Николаевич, научный руководитель, канд. полит. наук, доцент
Кафедра международных отношений
Дальневосточный федеральный университет
zolivnik@mail.ru

ОПЫТ КНР ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С НАРКОТРАФИКОМ В РАМКАХ ШОС

УДК 327

***Аннотация.** В статье рассматриваются методы борьбы с незаконным оборотом наркотиков, которые успешно применяются на территории Китайской Народной Республики, а также опыт международного сотрудничества Китая по противодействию наркотической угрозе. Предложены способы применения данного опыта для повышения эффективности борьбы с наркотрафиком в странах-участницах Шанхайской организации сотрудничества.*

***Ключевые слова и фразы:** КНР, ШОС, наркотрафик, наркоконтроль.*

Pavel Alferov, Student
Department of International Relations
Far Eastern Federal University
alferov_pavel1997@mail.ru

Ivan Zolotukhin, *scientific adviser, Cand. Sc. in Politics, Associate Professor*
Department of International Relations
Far Eastern Federal University
zolivnik@mail.ru

THE PRC EXPERIENCE FOR COOPERATION IN COMBATING DRUG TRAFFICKING IN SCO

Abstract. *The article discusses the methods of combating illicit drug trafficking, which are successfully used in the territory of the People's Republic of China, as well as the experience of China's international cooperation in countering the drug threat. The ways of using this experience to improve the fight against drug trafficking in the countries of the Shanghai Cooperation Organization are proposed.*

Key words and phrases: *PRS, SCO, drug trafficking, drug control.*

На сегодняшний день проблема наркотрафика имеет глобальный характер. Мировое сообщество осознало необходимость совместной борьбы с наркоугрозой в 1909 году, когда была созвана Шанхайская опиумная комиссия. В настоящее время борьба с наркоторговлей осуществляется как в общемировом масштабе на уровне ООН, так и через существующие региональные организации и международные соглашения. Одной из ключевых организаций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, занимающихся вопросами противодействия наркоугрозе, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

С момента своего основания в 2001 году и до текущего момента борьба с наркотрафиком является одной из приоритетных задач организации по обеспечению региональной безопасности. В Циндаоской декларации глав государств-членов ШОС эта задача была вновь подтверждена, а также была принята новая Антинаркотическая стратегия ШОС на 2018-2023 гг. [4]. Практические мероприятия по выполнению указанных в документах целей принесли определенные результаты – в период с 2011 года по первую половину 2017 года антинаркотическими ведомствами стран-участниц ШОС было изъято 60 тонн героина и свыше 1400 тонн марихуаны, 1500 тонн гашиша и 300 тонн опия [5]. Однако несмотря на принятые организацией меры, количество наркозависимых в государствах-членах остается значительным.

Основными причинами роста количества наркозависимых в странах ШОС является их близкое расположение к странам, активно занимающимся производством наркотиков, тяжелое социально-экономическое положение в некоторых государствах-членах организации, а также высокий уровень коррупции. В первую очередь экспортерами наркотиков для государств-членов ШОС являются страны «Золотого полумесяца» во главе с Афганистаном, выступающим главным производителем героина в мире. В 2017 году 328 тысяч гектаров в Афганистане было засеяно опийным маком [6]. Другим активным поставщиком наркотиков для ШОС является группа стран «Золотого треугольника», в который входят Мьянма, Лаос и Таиланд. В частности, в 2013 году на территории этих стран было произведено более 1,4 млрд. таблеток метамфетамина [6].

Одной из стран-участниц ШОС, имеющей богатый опыт в сфере борьбы с незаконным распространением наркотиков, является КНР. Впервые начав борьбу с наркоугрозой в XVIII веке [1], Китай прошел долгий путь от жестких наказаний за контрабанду и производство наркотиков к комплексному подходу, который включает контроль над медицинскими учреждениями, а также меры по профилактике наркомании и реабилитации наркозависимых. Реализация механизмов и способов борьбы с наркотрафиком, доказавших свою эффективность на территории Китая, может способствовать более эффективному противодействию данной угрозе на уровне взаимодействия в рамках ШОС.

Одним из методов препятствования проникновению наркотиков на территорию стран-участниц организации может стать организация таможенного контроля и контроля со стороны сил внутренней безопасности по принципу трех линий [3]. Первой линией является государственная граница государств. Второй линией являются важнейшие узлы коммуникации – аэропорты, морские порты, железнодорожные вокзалы. На этом этапе сотрудники таможенных служб сталкиваются с большим потоком людей, товаров и почтовых отправлений. Третьей линией выступают внутренние территориальные таможенные подразделения. В отличие от двух первых линий сотрудникам территориальных служб приходится иметь дело с намного меньшим количеством потенциальных наркокурьеров. В результате ведения борьбы с наркотрафиком по принципу «трех линий» таможенным органам КНР удалось изъять 5100 кг наркотических веществ в 2013 году [3]. Введение подобных принципов организации противодействия проникновению наркотиков на территорию стран-участниц ШОС может быть обсуждено на Совещании руководителей компетентных ведомств, наделенных полномочиями по борьбе с наркотиками.

Поскольку пять членов ШОС имеют общую границу с Афганистаном, который активно поставяет наркотики в страны-участницы организации, представляется целесообразной реализация в этой стране инфраструктурных проектов, направленных на усиление экономического сотрудничества с Афганистаном и повышение уровня жизни населения. Одним из подобных проектов, который осуществляется КНР совместно с Пакистаном, является подключение Афганистана к Китайско-Пакистанскому экономическому коридору (КПЭК) в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [2]. Реализация данного проекта привлечет новые инвестиции в Афганистан, повысит уровень экономического развития данной страны, а значит, позволит снизить экономическую заинтересованность афганского населения в производстве наркотиков. Афганистан занимает важное место в деятельности ШОС по обеспечению региональной безопасности, более того, с 2012 года данное государство имеет статус наблюдателя в организации. Вовлечение ШОС в подобные инфраструктурные проекты может способствовать снижению количества поставляемых наркотиков в таких проблемных странах, как Афганистан. Но для успешной реализации такой инициативы, как КПЭК, нужно учитывать как возможные противоречия внутри организации между Индией и Пакистаном, так и вмешательство внерегиональных акторов, таких как США.

Таким образом, реализация китайских методов борьбы с наркотрафиком на уровне ШОС может помочь данной организации повысить эффективность своей деятельности по противодействию наркоугрозе. Предложенные методы позволяют комплексно бороться с незаконным оборотом наркотиков, осуществляя контроль на внутригосударственном уровне и сокращая поставки наркотических веществ и их прекурсоров извне.

Список литературы, источников и электронных ресурсов:

1. Диченко, А. А. Борьба с незаконным оборотом наркотиков в КНР: история, современность, международный аспект // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 2. – С. 136-143.
2. Замараева Н. А. Китайско-пакистанский экономический коридор - первый этап реализации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. – №23. – С. 289-307.
3. Николаев А. М. Борьба таможенных органов КНР с контрабандой наркотиков // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2015. – №3. – С. 87-95.
4. Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] URL: rus.sectesco.org/load/442935/ (дата обращения 13.02.2018).

5. ШОС и ООН: вместе против наркотиков. В Вене прошло совместное антинаркотическое мероприятие [Электронный ресурс] URL: <http://rus.sectesco.org/news/20180312/392387.html> (дата обращения 13.02.2018).
6. 2018 International Narcotics Control Strategy Report [Электронный ресурс] URL: <https://www.state.gov/documents/organization/278759.pdf> (дата обращения 14.02.2018).

Аристова Людмила Борисовна, канд.экон.наук, старший научный сотрудник
Центр экономических исследований
Институт востоковедения РАН, г. Москва
aristova3@gmail.com

Семенова Нелли Кимовна, канд.полит.наук, старший научный сотрудник
Центр экономических исследований
Институт востоковедения РАН, г. Москва
semenovanelli-2011@mail.ru

ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ: КОНСТРУКТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО ДИАЛОГА В ФОРМАТЕ РФ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – КНР

УДК 339.924

Аннотация. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-014-00027А: «Россия и Китай в Евразии: транспортные измерения безопасности». Данная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации сухопутной составляющей китайской инициативы «Один пояс-один путь» - Экономического Пояса Шелкового Пути. В статье также проводится анализ разнонаправленных взглядов экспертов. Есть мнение, что осуществление совместных инфраструктурных проектов по линии России – ЦА – КНР может благоприятно повлиять на экономику региона в целом и национальные экономики стран – участниц. Также существует позиция, что геополитические последствия создания новых транзитных коридоров неблагоприятны для российского государства – они будут выражаться в его дальнейшей коммуникационной дезинтеграции с государствами региона и блокировании российских интересов, рисках и угрозах для экономики России и стран Центральной Азии, участников транспортных проектов.

Ключевые слова и фразы: КНР, РФ, Евразия, международные транспортные коридоры, сотрудничество, противоречия, риски.

Ludmila Aristova, Cand. Sc. in Economics, Senior Research,
Economic Research Department,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
aristova3@gmail.com

Nelli Semenova, Cand. Sc. in Political Science, Senior Research,
Economic Research Department,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
semenovanelli-2011@mail.ru.

«ONE BELT – ONE ROAD»: CONSTRUCTIVE AND NEGATIVE FACTORS OF DEVELOPMENT OF THE TRANSPORT DIALOGUE IN THE FORMAT RUSSIA – CENTRAL ASIA – CHINA

Abstract. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-014-00027A: "Russia and China in Eurasia: Transport Measures of Security." This article is devoted to the peculiarities of the implementation of the land component of the Chinese initiative "One Belt - One Way" - the Silk Road Economic Belt. The article also analyzes the multidirectional views of experts. There is an opinion that the implementation of joint infrastructure projects through Russia - Central Asia - People's Republic of China can favorably influ-

ence the economy of the region as a whole and the national economies of the participating countries. There is also a position that the geopolitical consequences of creating new transit corridors are unfavorable for the Russian state - they will be expressed in its further communication disintegration with the states of the region and blocking Russian interests, risks and threats to the economy of Russia and Central Asian countries, participants of transport projects.

Key words and phrases: *China, Russia, Eurasia, international transport corridors, cooperation, contradictions, risks.*

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 19-014-00027А.

Намерение России расширить сферу сотрудничества в области создания транзитных коридоров с Китаем в транспортной сфере наталкивается на несовпадение интересов, проявление конкуренции и соперничества, в частности в центральноазиатском регионе. Существует мнение, что геополитические последствия создания новых транзитных коридоров неблагоприятны для российского государства – они будут выражаться в его дальнейшей коммуникационной дезинтеграции с государствами-членами ШОС, блокировании российских интересов в регионе и «выдавливании» России из традиционных зон ее политического влияния [8,10]. Для России последствия стремительного транспортного усиления Китая будут весьма негативными: основные грузопотоки пойдут по международным транспортным коридорам, построенным, в основном, не на российской территории [2].

Регион Центральной Азии имеет геополитическое значение для России в связи с восстановлением ее статуса как крупной политической силы в регионе. Отсюда политика западных стран в содействии строительству на территории региона транспортных и инфраструктурных проектов в обход РФ (МТК «ТРАСЕКА», железные дороги и др.) [11].

Образование новых независимых государств в ЦА после 1991 г. (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан) привело к необходимости по-новому решать региональные политические и экономические задачи, а также строить новые взаимовыгодные отношения с соседями и Россией. Характер отношений между Россией и Центральной Азией всегда имел важнейшее значение для региона, учитывая его транзитную нагрузку в связях между странами Запада и Востока.

Разрушение единой сети железных дорог после распада СССР не только обострило многие экономические проблемы постсоветских государств, но и способствовало возникновению ряда тенденций, негативно влияющих на региональное влияние современной России. Так, значительные отрезки Транссибирской магистрали попали под юрисдикцию Казахстана, где в рамках сотрудничества с Китаем построены новые железнодорожные ответвления, обеспечивающие прямое сообщение с соседними странами, минуя территорию России.

В этой связи китайская инициатива Экономического Пояса Шелкового Пути (ЭПШП) открывает новые возможности для стран-участниц и, как представляет китайская сторона, предполагает получение прямой выгоды для этих стран. В рамках проекта «Экономического пояса Шёлкового пути» рассматривается создание трёх трансевразийских экономических коридоров: северного (Китай — Центральная Азия — Россия — Европа), центрального (Китай — Центральная и Передняя Азия — Персидский залив и Средиземное море) и южного (Китай — Юго-Восточная Азия — Южная Азия — Индийский океан).

В процессе осуществления проекта предполагается не только создание автодорог, железнодорожных линий, мостов, обслуживающих логистических центров, инфраструктурных объектов, но и строительство объектов энергетики, промышленности, прокладка коммуникационных линий вдоль трассы и др. В связи с этой задачей КНР предоставляет инвестиции для осуществления транспортных проектов, проходящих по территории Центральной Азии. В период 13 пятилетки (2016-2021 гг.) КНР вводит в строй проекты «Китай – Монголия – Россия», «КНР – Западная Азия» (часть трансевразийского экономического коридора «Цен-

тральный»: Китай — Центральная и Западная Азия — Персидский залив и Средиземное море), «КНР – Пакистан» [10].

Энергосистемы, транспортно-энергетические связи объединят страны региона для развития торговых путей. Известно, что торговля транспортно-коммуникационными услугами в современном мире происходит в 2 раза быстрее, чем рост товарных услуг. Для России, торгующей в настоящее время минеральным сырьем, будущий транзитный ресурс в связях с Европой и Азией может стать важнейшей частью дохода бюджета [9].

Сотрудничество Китая и России в сфере транспорта в рамках ЭПШП может проводиться в различных областях транспортной инфраструктуры. Основными пунктами в транспортных проектах являются:

- транспортный коридор Китай – Монголия – Россия;
- строительство автомобильной трассы и железной дороги КНР и РФ на Дальнем Востоке;
- расширение эксплуатации МТК «Приморье-1» и «Приморье-2»;
- проведение высокоскоростной магистрали Пекин – Москва.

Данный проект был бы полезен для обоих государств, но пока не получил соответствующего оформления.

Проекты «Приморье-1» и «Приморье-2» [6] в настоящее время уже действуют, но возможности их недостаточно освоены. По мнению китайских специалистов, необходимо еще инвестировать эти проекты для улучшения работы дорог, увеличения грузопотоков и пропускной способности. Для китайской стороны обе дороги представляют значительный интерес. Они (дороги) могут служить для вывоза товаров северо-востока КНР через российский Приморский край к портам Тихого океана. В настоящее время пропускная способность этих дорог составляет 40–45 млн. тонн в год, что недостаточно. В 2017 г. подписано Соглашение между РФ, КНР и Монголией о взаимодействии в области улучшения работы этих железных дорог. Модернизация действующих транспортных объектов в рамках проекта ЭПШП привлекает страны к участию в реализации совместных с КНР проектов.

В начале XXI в. объем товарооборота между странами Европы и АТР составлял около 600 млрд. долл. Большая часть его доставляется морским путем по Индийскому океану, что удлинняет время пути (более 30% мировой торговли). Из 6 млн. контейнеров, идущих ежегодно из стран АТР в Европу и обратно, 99% доставляются морем, только 1% - по территории РФ и РК (по Транссибу) 95% грузов из КНР в Европу идет морем; в Россию также 90% импорта из Китая доставляется морем, но не сушей (из Шанхая в порт Роттердам), затем в прибалтийские порты [9]. Осуществлен проект железнодорожно-автомобильного перехода из Китая. В РК запланирован новый проект – возведения крупной трассы, строительство которой уже начато. Это автобан «Западная Европа – Западный Китай». Современная трасса с видеорекамерами, электронными указателями и т.д. Общая протяженность автокоридора (С.-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Оренбург – Актобе – Кызыл Орда – Шымкент – Тараз – Кордай – Хоргос – Урумчи – Ланьжоу – Ляньюньчан) 8,5 тыс. км (2,2 тыс. км по России, 3,4 тыс. км по КНР, 2,5 тыс. км по Казахстану). Реализация проекта позволит часть грузов из Китая в Европу переориентировать с морского транспорта (45 дней) на автомобильный (11 дней). Стоимость проекта около 5,5 млрд. долл. Из них 2/3 составят займы международных финансовых организаций под гарантию правительства Казахстана [4].

По оценке экономистов Казахстана проект не может быть во многом выгодным, так как грузоперевозки морем стоят дешевле, чем пересечения различных госграниц. Кроме того, крупнейший железнодорожный перевозчик Германии концерн Deutsche Bahn предполагает в ближайшее время открыть железнодорожное грузовое сообщение с Китаем по новому пути (за 16 суток), который пройдет южнее Монголии, по территории РК, России, Белоруссии и Польши [9].

При совершенствовании сферы железных дорог трудности России в сфере транзита состоят и в том, что на территории РФ имеются дороги с широкой колеёй (1520 см). Разноко-

лейность дороги с дорогами Европы и Китая будет препятствовать быстрой перевалке товаров. Китайская сторона давно заинтересована в проведении узкоколейной магистрали по территории, например, Казахстана (Республика Казахстан-РК), но такая трасса может иметь не только выгодное экономическое значение, но и опасное для РК и РФ военно-стратегическое значение. Дорога разделит в широтном плане территорию РК, в случае военных конфликтов сможет быстро доставить военную технику и грузы из КНР к возможным местам военных действий [9].

На состояние и осуществление экономических проектов стран ЦА в ближайшие годы будет влиять состояние их экономик, а также введение в строй инфраструктурных проектов (энергетических и транспортных) при поддержке со стороны Китая. Сегодня эти проекты связаны непосредственно с реализацией ЭПШП. Китай планирует создание основной части этой инфраструктуры в Казахстане.

Осуществление совместных инфраструктурных проектов по линии России – ЦА – КНР может благоприятно повлиять на экономику региона в целом и национальные экономики стран – участниц: рост предприятий, занятость населения, доходы от транзитных перевозок, модернизация путей, мостов, станций, возведение новых объектов энергетики, расширение сотрудничества стран в сфере торговли и др. МТК окажет влияние на создание промышленных центров по ходу ВШП, будут пересмотрены в сторону снижения железнодорожные тарифы до уровня фрахтовых ставок морского транспорта, что приведет к снижению издержек по перевозкам грузов, времени доставки. Введение логистических хабов позволит увеличить объем грузоперевозок и пассажиропотоков, сократит время в пути. Все это способствует консолидации районов РФ, КНР, Казахстана и других стран ЦА. Более эффективно будут развиваться регионы Восточной Сибири России, Западного Китая, близлежащие к МТК ВШП, за счет новых железнодорожных и автомобильных трасс.

Но надо иметь в виду, что, осуществляя проект ЭПШП, Китай преследует, прежде всего, свои национальные интересы: стоит задача развития центральных и западных регионов КНР, составляющих 86% всей территории КНР, 58% населения и только 15% ВВП [10]. По мнению китайских экспертов, «проект должен способствовать открытости и взаимодействию между восточными, центральными и западными регионами, что подразумевает сдвиг «открытости» вглубь от прибрежных провинций, а также регионов по долине Янцзы к внутренним районам. Этот момент очень важен с учетом программы выравнивания уровней жизни в Китае» [12]. Другими словами, китайская инициатива направлена не столько вовне, сколько внутрь самой китайской экономики и китайского общества.

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что Китай четко придерживается намеченной цели и действует в соответствии с «Концепцией и планом действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [13]. В документе содержатся принципы, структура, приоритеты и механизмы сотрудничества по строительству Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути 21-го века, но при этом отсутствует описание конкретных проектов, за исключением упоминания АБИИ, Фонда Шелкового пути и нескольких мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества [5].

К сожалению, до сих пор нет окончательной разработки плана проекта ЭПШП. Нет данных числа стран, присоединившихся к проекту, нет четкого плана карты дорог участников, не установлены сроки реализации стройки. Планируется окончание в 2030 г. Сложность существует и в финансировании.

Не проработаны данные о протяженности железных дорог по отдельным странам и районам, по объему контейнеров и т.д. Большие общие затраты не включают четко затраты отдельных стран. Нет данных в оценке объемов и видов импортизации из Европы товаров для КНР (в основном, продукты машиностроения). До сих пор большой объем товаров идет из КНР в Европу, чем обратно, лишь 20% вагонов из Европы заполнены. Инвестиции КНР привязывают страны к значительным долгам, которые в будущем будет трудно выплатить. В целом, Китайская сторона уменьшила инвестиционные средства в 2017-2018 гг. в проекты

других стран, учитывая эти обстоятельства. В 2017, 2018 г. основные грузопотоки из КНР приходились на морские перевозки (до 90%). Перевозимые товары по другим видам транспорта будут расти медленно, так как по железным дорогам путь доставки короче. Возможно, использование со временем Северного морского пути также благоприятно скажется на перевозках и, в частности, созданы положительные стороны для России [10].

Россия вместе с другими странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) предложила более 40 совместных транспортных проектов на сумму 30 млрд. долл. Проекты предполагают софинансирование с КНР. Есть мнение, что каждый доллар, вложенный в Экономический пояс Шелкового пути, даст возврат в размере 20 центов. Но все зависит от проекта, по некоторым из них ожидаемые сроки окупаемости превышают 20 лет [3].

По мнению российских экспертов, в действительности Россия становится все менее значимым партнером для Азиатско-Тихоокеанского региона, тогда как значение последнего для нашей страны, по мере смещения сюда центра мировой экономической активности, неизбежно возрастает. В этой связи российскому руководству необходимо отказаться от упования на мифические геополитические, ресурсные, транспортные и иные преимущества, которые способны автоматически гарантировать ей место среди влиятельных региональных держав. Многие из этих преимуществ уже утрачены либо потеряли свое определяющее значение. Поэтому перспективы полноценного включения РФ в экономические и интеграционные процессы ЦА сегодня в первую очередь обуславливаются созданием национальной высокотехнологичной транзитно-транспортной системы и использования того минимума возможностей, которые не утрачены окончательно, создание логистических центров [7].

По мнению китайских экспертов, сотрудничество Китая и России развивается в стабильном ритме и не зависит от изменения международной обстановки и внешних факторов. В стратегической концепции «Экономического пояса Шёлкового пути» (и «Морского Шёлкового пути 21-го века») Россия является одной из основных «станций», объединяя Китай и Европу [1]. Здесь четко просматривается логика китайско-российского сотрудничества: сотрудничество не является временным выбором при особых условиях, оно обусловлено географическим расположением двух государств, их мощью, ответственностью перед мировым сообществом при участии в международных делах.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия». ИВ РАН. – М.: Белый ветер, 2017.
2. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Сводный аналитический доклад при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-07-00038. ИВ РАН, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://book.ivran.ru/f/aristova-lb-semenova-nk-2-yachast-geopoliticheskij-shans-rossii--transportnaya-sistema-v-formate-rf.pdf> (Дата обращения: 18.02.2019).
3. Зубков И. Будет как Шелковый // Российская газета - Федеральный выпуск № 276(7144).
4. Казахстану принадлежит 2452 км дороги в рамках проекта коридора Западная Европа - Западный Китай [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caravan.kz/news/kazakhstanu-prinadlezhit-2452-km-dorogi-v-ramkakh-proekta-koridora-zapadnaya-evropa-zapadnyjj-kitajj-37856/> (Дата обращения: 19.02.2019).
5. Китай опубликовал план действий по реализации инициатив о строительстве «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути 21-го века» [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0329/c31521-8870617.html> (Дата обращения: 15.02.2019).
6. Коридоры Дальнего Востока: планы развития МТК Приморье-1 и Приморье-2 [Электронный ресурс]. URL: http://dorinfo.ru/99_detail.php?ELEMENT_ID=50913.

7. Лузянин С.Г. Россия – Китай: асимметрия или гармонизация отношений? [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-kitay-asimetriya-ili-garmonizatsiya/> (Дата обращения: 15.02.2019).
8. Сазонов С. Л. Место России и ДФО в системе евроазиатских транспортных коридоров ключевые слова [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.ekonoom.ru /sazonov-s-l-1-mesto-rossii-i-dfo-v-sisteme-evroaziatskih-trans.html> (Дата обращения: 28.01.2019).
9. Семенова Н.К., Аристова Л.Б. Развитие транспортного диалога в формате «РФ – ЦА – КНР» // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2016): материалы Девятой междунар. конф., 3-5 окт.2016 г., Москва: в 2-х т. / Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова Рос. акад. наук; [под общ. Ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна]. – Т. 2: Секции 5-13. – М.: ИПУ РАН. – 2016. – 442 с. – С. 52-57.
10. Строганов А. О. Новый шелковый путь: вызов российской логистике // Азимут научных исследований: экономика и управление. Выпуск №: 4 (Декабрь) 2016 г.
11. Транспортные и инвестиционные проекты [Электронный ресурс]. URL: <https://mydocx.ru/6-28856.html> (Дата обращения: 18.02.2019).
12. Gao Hucheng. Creating the New Ground of Opening Up [Electronic resource] // Key Speech by Minister Gao Hucheng at the Series Seminar on the Outlook of the 13th Five Year Plan. — 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201604/20160401298984.shtml> (Дата обращения: 18.02.2019).
13. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road [Электронный ресурс]. URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (Дата обращения: 18.02.2019).

Бояркина Анна Владимировна, канд. полит. наук, доцент
Академический департамент английского языка
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
aboarkina@gmail.com

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор
Кафедра политологии
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
prof.pecheritsa@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ С КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИЕЙ «ПОЯС И ПУТЬ»

УДК 327

Аннотация. В статье рассматривается проблема сопряжения инициативы «Пояс и путь» и реализация возможностей инвестирования на Дальнем Востоке России. Цель статьи — показать особенности реализации инициативы «Пояс и путь» как глобального геоэкономического интегратора на современном этапе, выяснить преимущества сотрудничества наших стран в приграничных районах. Проект «Пояс и путь» вышел за рамки Евразийского континента, это означает, что для Российского Дальнего Востока открываются новые интеграционные возможности совместного строительства инфраструктуры с привлечением китайских технологий и научных кадров. Авторы приходят к выводу, что благодаря политической инициативе руководства России может быть ликвидирована отсталость Дальнего Востока от европейской части страны. В то же время некоторые западные, российские и китайские эксперты критически относятся к успеху развития Дальнего Востока в сотрудничестве с инициативой «Пояс и путь».

Ключевые слова и фразы: инициатива «Пояс и путь», Китай, Дальний Восток России, внешняя политика КНР, Евразийский экономический союз, международный транспортный коридор «Приморье-1», «Приморье-2».

Anna Boyarkina, Cand. Sc. in Politics, Associate Professor
Academic Department of the English language
Far Eastern Federal University
Oriental Institute - School for Regional and International studies
aboarkina@gmail.com

Vladimir Pecheritsa, Professor, Doctor in Historical Sciences, Full Professor
Department of Political Studies
Far Eastern Federal University
Oriental Institute - School for Regional and International studies
prof.pecheritsa@gmail.com

THE PERSPECTIVES OF COOPERATION OF THE RUSSIAN FAR EAST WITH THE CHINESE INITIATIVE “BELT AND ROAD”

Abstract. The article examines possible perspectives for the relations between the initiative “Belt and Road” and the realization of investment opportunities in the Russian Far East.

The purpose of the article is to show the peculiarities of the implementation of the “Belt and Road” initiative as a global geo-economic system at the current stage. In connection with the implementation of the Chinese mega project “Belt and Road” and its “synergizing” with Russia’s Eurasian Economic Union (EAEU), new opportunities are opening up, including the joint construction of infrastructure involving Chinese investment, technology and scientific personnel. According to the authors, participation of the subjects of the Far East will make it possible to eliminate the backwardness of this region by actively participating in international integration projects in the Eurasian space.

Key words and phrases: *China, One Belt One Road initiative, Russian Far East, China’s foreign affairs, Eurasian Economic Union, international transport corridors Primorye-1 and Primorye-2.*

Китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века» [16] после ее обнародования Председателем КПК Си Цзиньпином осенью 2013 г. широко обсуждается не только в КНР, но и в России [25, с. 8]. Цель строительства «Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» заключается в проведении Китаем новой решительной евразийской и морской геополитики. Для Поднебесной открываются новые возможности и перспективы расширения существующих сегодня международных экономических проектов [28]. Другими словами, цель строительства «Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» состоит в укреплении экономических связей, углублении сотрудничества и расширении пространства развития стран Евразии [27, с. 451]. Си Цзиньпин выдвинул пять необходимых критериев или пять «усилений».

1. Усиление политического сотрудничества. Путем консультаций выработать программы и меры по развитию регионального сотрудничества.

2. Усиление строительства единой дорожной сети. Модернизировать дороги, которые смогут стать транспортным коридором от Тихого океана до Балтийского моря, из Центральной Азии до Индийского океана, а затем создать транспортные коридоры по всей Азии.

3. Усиление торговых связей. Упрощать коммерческие процедуры с акцентом на устранение торговых барьеров и принимать меры по сокращению торговых и инвестиционных расходов.

4. Усиление валютных потоков. Укреплять денежное сотрудничество, уделять особое внимание валютным расчётам, которые могли бы снизить операционные издержки и уменьшить финансовые риски при одновременном повышении экономической конкурентоспособности.

5. Усиление связей между народами. Активизировать дружественные контакты народов, укреплять их взаимопонимание и традиционную дружбу [27, с. 451].

Эксперты Института Дальнего Востока Российской академии наук выделяют несколько причин интереса к данной инициативе [25, с. 8; 28]. Во-первых, лидер Китая выступил с данными инициативами, что свидетельствует о высоком государственном уровне принятия; во-вторых, они носят географически масштабный, наднациональный характер со стратегическим видением конечных целей. В-третьих, инициативам уделяется большое внешнеполитическое внимание, например, организовано проведение специального дипломатического совещания по развитию отношений с соседними странами в 2013 г., создание Совета государственной безопасности в том же году [25, с. 8].

К концу 2014 г. новая идея сухопутных и морских путей чаще стала называться «Один пояс — один путь» или «Пояс и путь» и заняла одно из центральных мест в международной политике КНР, обретая все более четкие контуры. Это, в частности, нашло отражение в материалах Центрального дипломатического совещания по вопросам иностранных дел, которое прошло 28–29 ноября 2014 г. [25, с. 8]. 28 марта 2015 г. параллельно с ежегодным форумом в Боао, где о «Поясе и пути» вновь активно говорили с участием практически всех высших руководителей КНР, была обнародована развернутая программа под названием «Концепция и

план действий по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века»» [25, с. 8–9].

Географические рамки проекта обозначены предельно широко и размыто, поскольку сказано, что он охватывает Азию, Европу и Африку. Существуют три главных маршрута «Экономического пояса Шелкового пути»: 1) из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); 2) из Китая через Центральную Азию, Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю; 3) из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану [8, с. 25].

Необходимо отметить, что от реализации проекта в России будет развиваться европейская транзитная зона и оптимизируется строительство инфраструктуры российского Дальнего Востока, а взаимодействие стран-участниц проекта придаст новый импульс поступательному росту китайской экономики [28].

Несмотря на то, что проект «Экономический пояс Шелкового пути» реализуется пять лет, уже выделяют несколько этапов его развития. На первом этапе китайское руководство выдвинуло проект в 2013 г. Второй этап «Пояса и пути» ознаменован учреждением кредитно-финансовой площадки, т.е. Фонда Шелкового пути, выделяющего крупные инвестиции в инфраструктурные проекты в странах вдоль «Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути». Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) учрежден по инициативе лидера КНР в октябре 2013 г. в целях поощрения финансового взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, строительства инфраструктурных проектов и активизации интеграционных процессов [26, с. 54].

Разработка инициативы происходила на третьем этапе. Начиная с 2013 г. проведено много международных конференций на высоком уровне с приглашением экспертов из ЕС, США, России, Белоруссии, Казахстана и других стран, на которых обсуждались принципы выдвинутых проектов. В марте 2015 г. китайское правительство публикует документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века» [27, с. 452].

Четвертая стадия реализации предполагает заключение международных договоров и создание сети партнерских отношений со странами вдоль Шелкового пути. С 2014 г. правительство КНР совершает целенаправленные поездки в страны ЕС, Россию, среднеазиатские страны и Монголию [27, с. 454].

В последние годы в политической науке развернулась широкая дискуссия вокруг реализации «Пояса и пути» с возможностью сопряжения с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)¹. Когда в 2013 г. лидер КНР Си Цзиньпин предложил строительство данной инициативы, В.В. Путин объявил развитие Дальнего Востока и Сибири национальным приоритетом России на XXI век. Позднее руководители Китайской Народной Республики и Российской Федерации поддержали идею сопряжения Евразийского экономического союза. Именно сочетание реализации китайской инициативы и новых возможностей развития, освоения и инвестирования в дальневосточные территории способствует наведению сухопутного, морского, экономического и цивилизационного моста между Востоком и Западом. Однако существует проблема совмещения проектов евразийской интеграции с инициативой «Экономического пояса Шелкового пути» и ЕАЭС [28].

Российское и китайское руководство крайне заинтересовано в укреплении стратегического взаимодействия и совместной направленности наших стран на эффективное стратегическое развитие, которое обеспечит безопасность на евразийском континенте и станет фундаментом для сопряжения ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути». Кроме того, реализуя эти два крупнейших проекта, обе страны находят новые пути экономического роста и конкурентных преимуществ [26, с. 64].

¹ Бывшая организация ЕврАзЭС, упразднена в 2014 г.

Каковы перспективы взаимодействия Дальнего Востока России с китайской стратегией «Пояс и путь» и как проходит на современном этапе сопряжение по строительству объектов инфраструктуры китайской инициативы «Пояс и путь» и Дальнего Востока?

Высшее руководство Российской Федерации осознает важность развития Дальнего Востока и еще в 2009 г. определило в качестве приоритетного направления развития освоение и развитие Дальнего Востока. 23 сентября 2009 г. председатель КНР Ху Цзиньтао и Президент РФ Д.А. Медведев одобрили «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)», в которой были оговорены 205 совместных проектов в приграничных регионах двух стран. Цель Программы — гармоничное сочетание подъема Северо-Восточных провинций со Стратегией развития регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири России. Важное место в Программе отводилось проектам развития транспортной инфраструктуры между РФ и КНР, включая проекты реконструкции и расширения приграничных портов, транспортной сети и т.д. [24, с 150].

В рамках реализации проекта «Пояс и путь» китайское руководство возлагает большие надежды на стратегическое взаимодействие с Дальним Востоком. По мнению посла КНР в России Ли Хуэя, в настоящее время «сотрудничество между Китаем и Россией по развитию Дальнего Востока переживает период бурного роста». Китай является крупнейшей страной-поставщиком для Дальнего Востока России, вторым по величине импортером для региона и основным источником иностранного капитала. Все больше китайских предприятий становятся резидентами территорий опережающего развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ) [23]. В 2017 г. объем торговли между КНР и Дальневосточным федеральным округом увеличился на 30,6% и превысил \$7,7 млрд долл. [3] Концепция «Пояс и путь» эффективно стимулирует дальнейший геоэкономический рост Китая и укрепляет его взаимосвязь с внешним миром [5, с. 87]. В 2017 г. объем транзитных китайских грузов через южные регионы Дальнего Востока вырос в 4 раза, созданы новые экономические модели, в т.ч. трансграничная кооперация [9].

Договоренность с Китаем о строительстве железнодорожного моста через Амур была достигнута еще в 2008 г. и явилась частью глобального проекта «Пояс и путь», в реализации которого российский Транссиб играет важную роль, а с появлением моста она возросла бы еще больше [7]. Мост «Нижнеленинское – Тунцзян» должен способствовать более дешевым перевозкам для российских экспортеров, повысить транспортную доступность нескольких дальневосточных регионов (путем запуска транспортного коридора «Приморье-1») и обеспечить рост товарообмена между Россией и Китаем [29].

В 2013 г. между Россией и Китаем было подписано межправительственное соглашение о строительстве трансграничного железнодорожного мостового перехода «Нижнеленинское – Тунцзян», строительство которого финансирует Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Из 2 км 200 м, которые по проекту составляет длина моста, Китай должен был построить 1900 метров, Россия – оставшиеся 300 метров. После подписания соглашения китайская сторона начала работы, а в России начали проводить межведомственные согласования и выбирать генерального подрядчика, что заняло более двух лет. За это время китайские строители завершили свою часть работ, а российские успели лишь заложить памятный камень. Определяющим фактором в выборе места строительства явилось нахождение в этом регионе Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината (ГОК), где добывают железную руду, перерабатывают в концентрат и везут на северо-восток Китая, где из концентрата производят железо и выплавляют сталь. Российскую и китайскую части железнодорожного моста между Россией и КНР «Нижнеленинское – Тунцзян» состыковали в октябре 2018 г. в Еврейской автономной области. Сообщается, что в ближайшее время будет закончен монтаж пролетного строения, соединяющего вторую и третью опоры. Эти работы уже выполнены на 80%. Реализация проекта позволит экспортировать в Китай железорудный концентрат Кимкано-Сутарского ГОК по кратчайшему транспортному пути [5]. С точки зрения взаимовыгодного китайского инвестиционного участия в программах модернизации до-

рожной инфраструктуры региона, включая строительство мостовых переходов Нижнеленинское— Тунцзян и Хэйхэ — Благовещенск. Такая инфраструктура в любом случае сохраняет свое ключевое значение не только для внутренних потребностей РФ, но и для транспортного обеспечения российско-китайской торговли, особенно ее регионального сегмента [25, с. 16–17].

Ключевым фактором на перевозки станут тарифы, определяющие экономическую эффективность проекта стоимостью более 10,5 млрд рублей, который финансируется из нескольких источников. Основную часть денег предоставляет Российско-китайский инвестиционный фонд, созданный Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation [7].

«Мы соседи, мы близко друг с другом, но нам не хватает инфраструктуры, чтобы реализовывать потенциал этой близости [7]. Масштабы совместных проектов между двумя странами продолжают расширяться в первую очередь в области трансграничной инфраструктуры», – сообщает бывший министр по развитию Дальнего Востока А. Галушка [22]. Развитие МТК в Приморском крае обеспечит потенциальный прирост ВВП России в размере 29 млрд руб., а налогов и сборов — до 5,7 млрд руб. ежегодно [1, с. 25].

Следует отметить, что двусторонние отношения между Россией и Китаем постепенно выходят на новый виток развития, не концентрируясь только на торговле и экспорте нефти и сырья. России необходимы инвестиции в высокотехнологичное производство с локализацией технологий и привлечением местных кадров от реализации проекта, считает исследователь Зуенко И.Ю. [11, с. 8] По его мнению, китайское правительство действует на выгодных для себя условиях, перераспределяя капитал для развития периферийных провинций. Страны-участницы инициативы «Пояс и путь» размещают китайские инвестиции с целью активизации и запуска избыточных производственных мощностей. КНР предоставляет рабочую силу, производит оборудование и материалы и беспроцентно поставляет их в эти страны, инвестиции поступают в страны в виде связанных кредитов [11, с. 8].

В мае 2014 г. правительство провинции Цзилинь и российская группа «Сумма» подписали рамочное соглашение о совместном строительстве Большого порта Зарубино, в котором утвердили структуру и трафик транспортировки китайских товаров через порт. В соответствии с данным рамочным соглашением, 9 июня 2014 г. Цзилиньская зерновая компания и группа «Сумма» заключили договор о намерениях по сотрудничеству в рамках крупномасштабного проекта по грузовым перевозкам Большого порта Зарубино. Более того, стороны достигли соглашения в вопросе транспортировки зерна Цзилиньской зерновой компанией через Большой порт Зарубино, а также оговорили и другие вопросы [2, с. 268.]

В апреле 2015 г. Россия официально присоединилась к деятельности АБИИ, созданной по инициативе Китая и важной для перспектив проекта «Пояса пути». Участие России в АБИИ способствует привлечению финансовых ресурсов банка для реализации масштабных инвестиционных проектов на территории Сибири и на Дальнем Востоке, а также даст возможность российским компаниям участвовать в тендерах по проектам банка. «Решение о членстве в АБИИ находится в русле стремительно развивающихся российско-китайских торгово-экономических отношений, что позволит Российской Федерации участвовать в проектах, осуществляемых нашими ключевыми партнерами в странах Центральной Азии, Монголии и Вьетнаме» [20].

С конца 2016 г. межправительственная комиссия по развитию Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, которую возглавляют вице-премьеры Юрий Трутнев и Ван Ян, содействует успешному ведению бизнеса в приграничных регионах и продвижению конкретных проектов. В ее состав включены представители Дальнего Востока и Байкальского региона, провинций Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономного района Внутренняя Монголия [9].

На первом Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Пояс и путь» в мае 2017 г. в Пекине было объявлено о намерении китайского Госкомитета по развитию и реформе вложить \$1,4 млрд в развитие сотрудничества между

Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком России [11, с. 8]. Это означает выход «Пояса и пути» на новый виток развития и его трансформацию в широкомасштабный международный феномен [18, с. 52].

Далее в 2017 г. создан и Российско-Китайский фонд развития регионов с капиталом 100 млрд юаней. Ядерная энергетика, медицина, инфраструктура и логистика выбраны в качестве приоритетных областей сотрудничества. Организован Центр привлечения и поддержки китайских инвесторов в ДФО по инициативе агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и Китайской ассоциацией по развитию малых и средних предприятий [9].

Но какие проблемы необходимо решить для успешного и эффективного сотрудничества для новых возможностей развития Дальнего Востока и комплексного логистического расширения инициативы КНР «Пояс и путь»? На самом ли деле Поднебесная заинтересована во вложении финансовых инвестиций на Дальний Восток России?

Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая 12 сентября 2018 г. на IV Восточном экономическом форуме во Владивостоке, подчеркнул «уникальность географических возможностей в связи с тем, что наши государства являются близкими соседями» [15].

Восточный экономический форум, который проводится во Владивостоке ежегодно с 2015 г., становится важной политико-экономической площадкой, на которой определяются ключевые направления интеграции и развития Дальнего Востока России, такие как энергетика, логистика, агрокультура, природные ресурсы, в пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Китайские и российские эксперты подчеркивают, что эффективная реализация «Экономического пояса Шелкового пути» невозможна без участия России и государств ЕАЭС.

Генеральный директор Фонда развития Дальнего Востока А.О. Чекунков видит в Дальнем Востоке России геоэкономическую позицию сопряжения проекта «Пояс и путь» и Евразийского экономического союза. На Дальнем Востоке для китайских инвесторов может стать привлекательным реализация главного практического проекта железнодорожного моста «Нижнеленинское – Тунцзян», автомобильного моста «Благовещенск – Хэйхэ», международных транспортных коридоров «Приморье–1», «Приморье–2», а также развитие островов Русский и Большой Уссурийский. Данные проекты имеют приоритетное и важное значение для ЕАЭС и для «Пояса и пути» [19].

Эксперты из КНР отмечают проблемы финансирования крупных газовых объектов. Так, необходимо усилить взаимодействие между различными финансовыми структурами стран, находящихся вдоль «Пояса и пути», в связи с тем что отсутствует координация между российскими и китайскими банками и направить усилия на сотрудничество между рынками капитала, в особенности, между крупными финансовыми центрами. Эксперты и бизнесмены также рекомендуют упростить сложную процедуру согласования с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций и другими финансовыми институтами [21]. Китайские партнеры отмечают сложную процедуру оформления документации в реализации транспортных коридоров «Приморье–1» и «Приморье–2», строительство сопутствующих инфраструктурных объектов вокруг коридоров, несовершенство координационных механизмов в области российско-китайского электроэнергетического сотрудничества и встреч на регулярной основе и продвижении работы по новым видам энергии и цифровизации электростанций [4]. Кроме того, предприниматели и административные органы не обращаются или обращаются нечасто к частным предприятиям КНР, которые могли бы придать новый импульс двустороннему торговому развитию [4]. Представители крупного российского бизнеса указывают на две проблемы в развитии двустороннего сотрудничества в области транспорта. Во-первых, отсутствие транспортного коридора с Дальнего Востока в Китай и обратно. Во-вторых, отсутствие пограничного автомобильного грузового перехода с Дальнего Востока [4].

Китайские ученые круги и бизнесмены понимают, что существуют проблемы в двустороннем сотрудничестве на Дальнем Востоке и выступают за принятие новых мер в их реше-

нии. Профессор Гао Фэй полагает, что китайским предприятиям следует сотрудничать с местными властями, организациями и гражданами, с целью обеспечить эффективную реализацию интеграционного проекта «Пояс и путь». Для разрешения юридических споров в Шэньчжэне и Сиане открыты в 2018 г. международные коммерческие суды и Международный коммерческий экспертный комитет, «беспристрастно и нейтрально оценивающий» спорные ситуации, возникающие в процессе сопряжения инициативы с Евразийским экономическим союзом [15].

После проведения ВЭФ в 2018 г. Минвостокразвития Российской Федерации и Министерство коммерции Китайской Народной Республики подписали новую программу развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционных сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 гг. Программа посвящена привлечению китайских инвестиций на российскую территорию за счет ресурсов, льготных режимов и снятия барьеров, в том числе инфраструктурных. Правительствами КНР и России принято решение отказаться от совместного развития Дальнего Востока, Восточной Сибири и Северо-Востока Китая. Принятая в 2009-м г. предыдущая программа предполагала развитие Дальнего Востока, Восточной Сибири и Северо-Востока Китая в рамках одного макрорегиона, в котором так и не были реализованы проекты малого бизнеса [17, с. 1].

Новая программа подробно описывает условия льготных режимов на Дальнем Востоке для китайских инвесторов, при этом для проектов вне ТОР обещано прямое выделение средств на создание инфраструктуры (если их объем не превышает 10% стоимости основного инвестпроекта). Всем проектам предложено «адресное сопровождение» для снижения рисков. Всего заявлено 32 проекта на \$4,2 млрд (Китай лидирует по числу проектов среди иностранных участников). Помимо этого авторы документа надеются на привлечение высокотехнологичных компаний из КНР на остров Русский, где размещают свои штаб-квартиры и R&D-подразделения [17, с. 1].

В отношении международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2» можно сделать вывод, что они придадут импульс развитию экономики Приморского края. В то же время существуют серьезные сомнения в их будущей востребованности и целесообразности капиталовложений [13].

Насколько необходимо и выгодно России развитие МТК? В сложившейся сейчас ситуации через коридоры будет осуществляться обслуживание грузов из КНР, которые будут возиться китайским транспортом, и новой железнодорожной ветки до порта Зарубино, как считают в министерстве, нужно построить с китайской колеей. Роль России состоит в предоставлении своей логистической инфраструктуры и оказании сопутствующих услуг [13]. Существует большая вероятность, что через международный транспортный коридор «Приморье-1», соединяющий порты Приморья и провинции Хэйлунцзян, и «Приморье-2», соединяющий порты Приморья и провинции Цзилинь, китайские предприятия смогут осуществлять трансграничные грузоперевозки, сокращая транспортные расходы. Кроме того, примыкающие территории России станут развиваться, что обеспечит выгоду и КНР, и России.

Тем не менее причину в задержке или невыполнении проектных работ российской стороны эксперты видят в кредитно-финансовых операциях. Проекты реализуются частными компаниями среднего бизнеса, в то время как в КНР крупные государственные корпорации списывают долги государственным банкам, поэтому тоже существуют задержки в строительном плане. До сих пор не построены железнодорожные ветки из Хайлара (海拉尔) в Хэйшаньютоу (黑山头), из Хуньчуня (珲春) в Дуннин (东宁) [12].

Как и в России, лучше всего на китайской стороне реализовали те проекты, которые уже были запущены к сентябрю 2009 г. – прежде всего, имеющие общегосударственное значение (например, скоростная автотрасса Чанчунь – Хуньчунь, являющаяся частью государственного шоссе G-12). В Северо-Восточном Китае наблюдается сейчас экономическая рецессия и недостаток инвестиций. Необходимо отметить, что инвестиции поступают преимущественно из развитых прибрежных регионов КНР, а на российские капиталовложения надежд нет [12].

Другой пример потенциально выгодного сотрудничества между нашими странами — Китайская государственная корпорация China Railway, которая рассматривает российский Дальний Восток в качестве одного из приоритетных рынков по расширению своей основной деятельности. Генеральный директор компании Чжан Цзунъянь считает, что российскому региону необходима разветвленная сеть железных и автомобильных дорог, а также строительство мостов и других транспортных объектов. В связи с тем что возможности наших стран в сфере технологий, опыта, а также производства не совпадают, обе стороны могут взаимодополнять и заимствовать. Это также может усилить кооперацию предприятий двух стран и реализацию взаимно выигрышного взаимодействия [21]. Например, Китай может предоставить свои технологии, инженеров и привлечь китайских инвесторов.

Европейский эксперт по финансам и экономике Северо-Восточной Азии Кр. Дэвоншир-Эллис полагает, что возрождается торгово-экономическое развитие российского региона, которое, однако, осложняется присутствием Северной Кореи и отставанием в экономическом росте Приморского края России. Но ситуация меняется, и существует возможность дальнейшего более активного инвестиционного сотрудничества между Северо-Востоком КНР и российским Дальним Востоком. В частности, Дэвоншир-Эллис отмечает, что целью «набега» Китая на Дальневосточную территорию является его заинтересованность в стратегическом развитии провинций Хэйлунцзян и Цзилинь, не имеющих выхода к морю, а инвестиционные проекты и объекты инфраструктуры на Дальнем Востоке смогут обеспечить выход Поднебесной к Тихоокеанским рубежам России [29].

И Сибирь, и Дальний Восток России содержат огромные запасы нефти и газа, что побуждает Китай и Россию развивать российские арктические морские порты и начинать осваивать Северный морской путь как жизнеспособный маршрут для поставок нефти и газа из Крайнего Севера России в Китай и за его пределы. Первая коммерческая партия сжиженного природного газа прибыла с арктического полуострова Ямал в Индию в начале 2018 г, в то время как компания «Maersk» отправила свой первый коммерческий контейнеровоз из Владивостока в Европу [29]. По мнению эксперта, Сибирь и российский Дальний Восток обладают энергетическими и другими особо важными природными ресурсами. Владивосток он считает главным региональным городом, переживающим подъем в экономике, с хорошо развитой зоной свободной торговли и свободным от налоговых сборов портом. Это объединяет развитие бизнеса с туризмом и включает в себя крупную деятельность казино, привлекающую игроков со всей Северо-Восточной Азии. Россия также предоставляет 8-дневную электронную визу по прибытии в город. В то время как Пекин и Сеул уже давно переживают сезон зимнего туризма, Владивосток можно поставить с этими городами в один ряд по критерию привлекательности этого «загадочного» места для предпринимателей и инвесторов [29].

Ученый из ИДВ РАН С.В.Уянаев уверен, что «Пояс и путь» официально не является интеграционным проектом и «не дублирует и не соперничает с ЕАЭС и ШОС, он может предоставить интеграции в рамках СНГ новые преимущества» [25, с. 24]. Следует отметить, что Китай считает развитие Дальнего Востока составной частью своей трансконтинентальной инициативы, что означает интеграцию в нее значимых для России программ совместного подъема российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая [6]. Такой подход виден и в Концепции от 28 марта 2015 г., где говорится о задаче «усилить сотрудничество» трех провинций Северо-Востока с дальневосточными регионами РФ и о других векторах регионального сотрудничества [25, с. 24].

Группа ученых из Центра социально-экономических исследований Китая и ДВ РАН определяют проблемы во взаимодействии двух стран в транспортно-инфраструктурной области, финансово-экономической кооперации и торгово-экономической кооперации на двустороннем уровне [1, с. 17–25]. Проанализировав факторы риска в сопряжении инициативы «Пояс и путь» и ЕАЭС, а значит и с Дальним Востоком, ученые пришли к выводу, что у Российской Федерации отсутствует на данный момент долгосрочная интеграция транспортной системы с инфраструктурной сетью КНР, что безусловно ограничивает вхождение российской транспортной сети в евразийскую транзитную инфраструктуру. Существует недостаток

в реализации совместных инфраструктурных проектов и оптимальных вариантов встраивания приграничного российско-китайского транспортного взаимодействия в модель евразийской инфраструктурной интеграции [1, с. 24].

С одной стороны, местные власти северо-восточных провинций Китая финансово поддерживают развитие транспортного комплекса Дальневосточного федерального округа. Например, строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Хуньчунь – Владивосток, модернизация пограничных контрольно-пропускных пунктов. России необходимо с помощью Китая обеспечить эффективную пропускную способность участка Дальневосточной железной дороги Забайкальск – Гродеково, тихоокеанских портов РФ, куда направляется значительная доля грузов, произведенных в северо-восточных и центральных провинциях КНР, для последующей их транспортировки в Европу и восточные порты КНР [1, с. 24–25].

Российские исследователи полагают, что на фоне создания китайских альтернативных маршрутов транзитных перевозок в направлении Азия — Европа российскому руководству следует разработать эффективные географические, транспортные преимущества, которые позволят гарантировать ей место среди стран, обеспечивающих наполняемость своих транспортных сетей евроазиатским транзитным потоком грузов. Китай и другие морские державы АТР уже практически выдавили Россию с рынка евразийского грузового транзита. В этой связи российские ученые высказывают опасения в отношении затянувшейся выжидательной позиции Москвы по вопросу развития дальневосточной транспортной инфраструктуры [1, с. 24].

Отметим, что до тех пор пока Российская Федерация не внедрилась в глобальную транзитную инфраструктурную сеть китайского проекта, КНР будет доминировать на рынке морского евразийского транзита, что приведет, вероятно, к отсутствию конкурентоспособной транспортной сети. Это окажет негативное влияние для планов превращения транспортной системы РФ в значимое звено транзитных перевозок по маршруту Европа — АТР. Невозможно ожидать того, что страны АТР одновременно захотят воспользоваться российским маршрутом для перевозки своих товаров в Европу, а китайские морские перевозчики и страны Центральной и Южной Азии «добровольно отдадут» весомую часть своего транзитного грузопотока России [1, с. 24].

Российский исследователь И.Ю. Зуенко приходит к заключению, что инвестирование остается сложной задачей, так как для ее решения необходима длительная, кропотливая работа, направленная на изменение экономического положения самого Дальнего Востока. Этот регион должен стать самостоятельной федеративной политическо-административной единицей, выступающей «драйвером роста» с целью укрепления комплекса мер, названных «поворотом на Восток» [14, с. 1, 9–10]. Однако на практике нынешний уровень сотрудничества на местах не оправдывает тех ожиданий, которые высказывались на протяжении последних десятилетий. На самом деле, делает вывод Зуенко, ситуация обернулась почти полным отсутствием результатов [12].

Китайские ученые видят проблемы, осложняющие эффективное развитие инициативы, в снижении темпов глобализации, неблагоприятной международной экономической и торговой среды, ухудшающейся по причине тарифных войн с США, усилении конкуренции между крупными державами, росте политического популизма и нетрадиционных угроз безопасности. Китай должен повысить оценку риска и использовать «Пояс и путь» в качестве отправной точки для интеграционных процессов и устранения проблем безопасности китайских компаний, следующих стратегии «выхода за границу» [30, с. 87]. Безопасность за границей включает в себя широкий круг вопросов, решить которые непросто. В этой связи целесообразно создать многоуровневый механизм для координации действий [30, с. 96]. Кроме того, эти проблемы препятствуют развитию предпринимательства в приграничных районах. Для обеспечения возможности реализации предпринимательского потенциала необходимо создать благоприятные правовые и экономические условия для интенсивного развития бизнеса, стимулирующие формирование рыночных структур и конкурентной среды. На фоне улучшения российско-китайских отношений и повышения уровня приграничного и межрегио-

нального сотрудничества в последние годы эти проблемы могут быть решены путем совместных усилий [24, с. 152].

Итак, на самом деле и КНР, и России необходима двусторонняя кооперация, так как стратегическое сотрудничество с ключевым азиатским партнером для России окажется самым ценным преимуществом и откроет новые возможности выигрышного взаимодействия. Можно предположить, что такое сотрудничество действительно стимулирует дальнейшую практическую работу, которая, безусловно, будет соответствовать духу и букве двусторонних деклараций и учитывать интересы двусторонних отношений [24, с. 19].

Таким образом, на наш взгляд, в последние годы Россия непрерывно прикладывает усилия для развития Дальнего Востока: открыт Свободный порт Владивосток и территории опережающего развития, предоставляются льготные условия для инвесторов. С одной стороны, эксперты и аналитики считают, что приграничное расположение Дальнего Востока России к Китаю и стабильное сотрудничество открывают особые преимущества для укрепления и расширения экономического взаимодействия и не только на Дальнем Востоке. Благодаря инициативе «Пояс и путь» и развитию Россией Дальнего Востока, сотрудничество между РФ и КНР на Дальнем Востоке вышло на новый уровень. С другой стороны, некоторые ученые критически относятся к возможностям строительства трансграничной инфраструктуры на Дальнем Востоке, к тому, что в действительности политические решения руководства носят исключительно декларативный характер. Объекты строятся медленными темпами и недостаточно финансируются государственными структурами, не имеют поддержки вышестоящего руководства. Можно отметить, что на фоне создания китайских альтернативных маршрутов транзитных перевозок в направлении Азия — Европа российскому руководству следует разработать эффективные географические, транспортные преимущества.

Можно прогнозировать, что, когда будет закончено строительство мостов между Китаем и Россией, будет функционировать новый международный транспортный канал, который способствует укреплению торгово-экономического взаимодействия между Северо-Востоком Поднебесной и Дальним Востоком, а также привлечет инвестиции из Китая в такие сферы российской экономики, как строительство трансграничной инфраструктуры и энергетика, химическая промышленность.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений. Круглый стол в ИДВ РАН//Проблемы Дальнего Востока. № 5. 2017. С. 4–25.
2. Александрова М.В. Новое видение транспортного положения Северо-Востока Китая в свете концепции «Один пояс, один путь»//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Изд-во: ФГБУН ИДВ РАН. № 21. Т. 21. 2016. С. 256–272.
3. Башкатова А. Дальний Восток станет образцом российско-китайских отношений//Независимая газета. 15.10.2018.
4. Бизнес-диалог Россия – Китай//Восточный экономический форум. 12.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://forumvostok.ru/upload/iblock/6f5/6f5e6b31a61fd9eaf5e026a2fcb6ed86.pdf> (Дата обращения: 25.12.2018)
5. В ЕАО соединили российскую и китайскую части моста через Амур. 10.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20181010/1530366008.html> (Дата обращения: 26.12.2018)
6. Ван Ивэй. Три важных аспекта поездки Ли Кэцзяна в Россию//Жэньминь жибао. 17.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/foreast/20141017/223738019.html> (Дата обращения: 05.01.2019)
7. Голованов А. Мост плюс тариф равно//Информационно-аналитическое агентство. 30.11.2017. <https://www.eastrussia.ru/material/most-plyus-tarif-ravno/>

8. Денисов И.Е. Поднебесная смотрит на Запад//Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Вып.6, Т. 9. 2016. С. 20–40.
9. Дробышева И. От локальных проектов к трансграничной кооперации//Российская газета. 29.12.2017. Спецвыпуск №7463 (297).
10. Зуенко И.Ю. Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014—2017)//Россия и АТР. №1 (99). 2018. С. 118–132.
11. Зуенко И.Ю. Один пояс — два пути//Коммерсантъ. №85. 17.05.2017. С. 8.
12. Зуенко И.Ю. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества//Московский Центр Карнеги. 22.08.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (Дата обращения: 07.01.2019)
13. Зуенко, И.Ю. Придут ли китайские инвестиции в порты Дальнего Востока//Московский Центр Карнеги. 29.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71383> (Дата обращения: 07.01.2019)
14. Зуенко И.Ю. Российско-китайское сотрудничество: взгляд из региона//Контрапункт. №10, декабрь 2017. С. 1–12 [Электронный ресурс]. URL: http://www.counterpoint.org/wp-content/uploads/2017/12/zuenko_counterpoint10.pdf (Дата обращения: 05.01.2019)
15. Китай поддержит Дальний Восток//Российская газета. 12.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/09/12/reg-dfo/kitaj-podderzhit-dalnij-vostok.html> (Дата обращения: 25.12.2018).
16. Китаю и Казахстану нужно создать «экономический коридор Шелкового пути» – председатель КНР Си Цзиньпин//Russian.china.org.cn. 11.10.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-10/11/content_29958477.htm (Дата обращения: 02.01.2019)
17. Коростиков М., Едовина, Т. Для китайских инвестиций уточнили адреса//Коммерсант. №166. 13.09.2018. С. 1.
18. Ломанов А.В. Стратегия культурного влияния Китая в проекте «Один пояс, один путь»//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 52–63.
19. Ли Янь. Дальний Восток России является местом, где происходит состыковка «Пояса и пути» с ЕАЭС – гендиректор ФРДВ//Агентство Синьхуа. 15.05.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0515/c31521-9215790.html> (дата обращения: 20.12.2018).
20. Минфин: Россия стала соучредителем АБИИ//BaltInfo. 14.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baltinfo.ru/2015/04/14/Minfin-Rossiya-stala-souchreditelem-ABII-488961> (Дата обращения: 07.01.2019).
21. Невар В. China Railway рассматривает Дальний Восток в качестве приоритетного рынка//ТАСС. 17.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5570789> (Дата обращения: 06.01.2019).
22. Перекрестки Шелкового пути//Восточный экономический форум. 11.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://forumvostok.ru/upload/iblock/fa1/fa18b20309e9c59222be4997f87467ea.pdf> (Дата обращения: 21.12.2018).
23. Пятаков С. Ли Хуэй: Китай взял курс на углубление отношений с Россией//РИА Новости. 25.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20171225/1511528231.html> (Дата обращения: 06.01.2019).
24. Синь Жань. Влияние российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества на развитие предпринимательства в условиях мирового экономического кризиса//Вестник МГИМО университета. 2013. № 6 (33). С. 149–154.
25. Уянаев С.В. Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией//Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2015. С. 8–21.

26. Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути»: развитие, проблемы, перспективы//Проблемы национальной стратегии. 2016. №5 (38). С. 47–67.
27. Чернова А.Ф. Основные этапы реализации проекта «Экономический пояс Шёлкового пути»//Общество и государство в Китае. 2017. С. 450–456.
28. Эксперт: проект «Один пояс—один путь» говорит о новой геополитике КНР//ТАСС. 12.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4247033> (Дата обращения: 10.01.2019).
29. Devonshire-Ellis C. China's Siberian, Russian Far East Belt and Road Starts to Take Shape//Silk Road Briefing. Nov 8, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.silkroadbriefing.com/news/2018/11/08/chinas-siberian-russian-far-east-belt-road-starts-take-shape/> (Дата обращения: 27.12.2018).

Бракунов Михаил Дмитриевич, магистрант
МГИМО МИД России
старший преподаватель
ГАОУ ДПО ЦПМ
mikhailbrakunov@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО ЦЕНТРА МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА И РОЛЬ РОССИИ В ДАННОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 339.9

Аннотация. В статье рассматриваются главным образом экономические и политические, вторично – военные, идеологические и организационные возможности Китая по укреплению своего статуса как великой державы в рамках трансформации мирового порядка и системы глобального управления, становление Китая как альтернативного американскому центру мирового экономического порядка. Помимо этого, анализируется роль России как великой державы в процессе данных трансформаций и возможные форматы взаимодействия России и Китая по ключевым концепциям регионального партнёрства.

Ключевые слова и фразы: Китай, «Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы человечества», Россия, ЕАЭС, Большое Евразийское партнёрство, ШОС.

Mikhail Brakunov, graduate student,
MGIMO University
Senior teacher
Center of pedagogical skills
mikhailbrakunov@mail.ru

FORMATION OF CHINA AS AN ALTERNATIVE CENTER OF THE WORLD ECONOMIC ORDER AND THE ROLE OF RUSSIA IN THIS PROCESS

Abstract. The article deals mainly with economic and political, secondarily - the military, ideological and organizational capabilities of China to strengthen its status as a great power within the transformation of the world order and the system of global governance, the emergence of China as an alternative to the American center of the world economic order. In addition, the article examines the role of Russia as a great power in these transformations and possible formats of interaction between Russia and China on key concepts of regional partnership.

Key words and phrases: China, “One Belt, One Road”, “Community of shared future for mankind”, Russia, EAEU, Greater Eurasian Partnership, SCO.

В современном мире наблюдается активный процесс реализации основного глобального тренда – формирования нового международного порядка, которого уже нельзя причислить к постбиполярному [4, с.287-291]. Это новый полицентричный мир, в котором идёт активное укрепление ведущих держав – в том числе и Китая – и конструирование региональных подсистем, реализуемых ведущими державами – в том числе и в рамках китайской глобальной инициативы, которую принято суммарно выражать в инициативах «Один пояс, один путь» (一帶一路) и «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体).

Несмотря на новые глобальные тренды, в мире до сих пор доминирует так называемая парадигма «Вашингтонского консенсуса», состоящая из 10 рекомендаций по либерализации макроэкономической политики страны, подкреплённых экономическими (в том числе торговыми, финансовыми, банковскими и иными), а также военными (при слабости и недостаточ-

ности экономических) методами принуждения извне. Однако современная история международных отношений и международных экономических отношений доказала, что модель экономического, политического и военного принуждения и доминирования США не всегда эффективна.

В вышеописанных международных условиях возникает спрос со стороны развивающихся стран, стран с переходной экономикой и стран, не относящихся к статусу великих, на альтернативную модель экономического и политического сотрудничества. Именно такую парадигму выдвигает одна из великих держав, Китай, – так называемый «Пекинский консенсус», в основе которого лежат принципы управляемой экономической либерализации и который имеет практическое выражение в различных форматах экономического сотрудничества, в инициативе «Один пояс, один путь», а также глобальную инициативу построения «сообщества единой судьбы человечества» с всевозможными форматами политического взаимодействия. Именно такая концепция способствует становлению Китая как альтернативного центра мирового экономического порядка в противовес доминирующему американскому и, более того, позволяет наращивать ресурсы и подкреплять свои возможности в рамках реформирования и трансформации системы глобального управления.

Управляемая экономическая либерализация и открытость

В рамках концепции управляемой экономической либерализации главное значение имеют особенности внешнеэкономической политики Китая. Уже более сорока лет руководство страны реализует политику «реформ и открытости», которая на данном этапе выражается в открытости рынка Китая мировой экономике, совершенствовании торговой политики Китая, в улучшении инвестиционного климата, а также углублённой интеграции с мировой финансовой системой.

В рамках торговой политики руководство Китая уделяет большое внимание развитию гибких механизмов торговли товарами и услугами, либерализации таможенно-тарифной политики в рамках правил и норм ВТО, совершенствованию работы свободных экономических зон, в том числе развитию экспериментальных зон свободной торговли в Шанхае и в провинции Хайнань, пилотных зон свободной торговли в провинциях Хэнань, Хубэй, Ляонин, Чжэцзян, Шэньси, Сычуань и в городах центрального подчинения Тяньцзинь, Чунцин (здесь особую актуальность приобретают отрасли высокотехнологичного производства), а также портов свободной торговли в прибрежных городах Китая.

В рамках инвестиционной политики руководство КНР совершенствует инвестиционный климат страны (главным образом путём снижения таможенных пошлин, налога на прибыль корпораций, налога на добавленную стоимость и платежей за аренду и иных сборов, а также путём введения фискальных льгот и упрощения административных процедур), открывает новые отрасли экономики для иностранных инвесторов (отрасли альтернативной и возобновляемой энергетики, производства специальных транспортных средств, судов и авиации, горнодобывающие отрасли, международные морские и железнодорожные перевозки, сферы медицинских, образовательных и развлекательных услуг), уменьшает количество ограничительных мер для вложения инвестиций зарубежными акторами. Параллельно с этим руководство Китая расширяет квоты QFII (для квалифицированных иностранных институциональных инвесторов), RQFII (для квалифицированных иностранных институциональных инвесторов, делающих вложения в юаневые облигации) и QDII (для квалифицированных отечественных институциональных инвесторов, вкладывающих ПИИ за границу), а также вводит национальный режим в некоторых сферах и отраслях экономики [1, 5].

Более того, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай развивает такие торгово-инвестиционные фонды и программы, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шёлкового пути, Азиатский форум в Боао, Китайская международная выставка импортных товаров и услуг.

В рамках валютно-финансовой политики руководство Китая главным образом проводит меры по усилению конкурентоспособности собственных мировых финансовых центров и интернационализации юаня: развивает не только крупные финансовые центры мирового зна-

чения в Гонконге, Шанхае, Гуанчжоу, Пекине, но также и развивающиеся финансовые центры в Циндао, Чэнду, Шэньчжэне, совершенствует механизм торгов между биржами Гонконга и материкового Китая (Bond Connect), между биржами Лондона и Шанхая, механизм проведения клиринговых операций с юанем за пределами Китая. Вместе с этим министерства и ведомства КНР развивают собственную систему международных банковских переводов CIPS (China International Payments System), повышают количество транзакций с использованием юаня за рубежом путём реализации соглашений о валютных свопах между Народным банком Китая и Центральными банками стран-партнёров, увеличивают долю национальной валюты в расчетах по внешнеторговым контрактам, вводят фьючерсы, номинированные в юанях, на нефть и железную руду в торговлю на Шанхайской фондовой бирже, ослабляют прямой контроль Народного банка Китая над установлением курса национальной валюты, а также поддерживают развитие трансграничных форм электронной торговли (через собственные механизмы Alipay, WeChat Pay).

Весь перечень вышеописанных мер прямо свидетельствует, во-первых, о всё большей открытости экономики и финансового сектора Китая миру, о его интеграции с мировым рынком и оказании влияния на процессы в международных экономических отношениях, во-вторых, о применении новых механизмов в торговле, инвестиционной деятельности и на мировом финансовом рынке – что является ключевым в создании альтернативных способов регулирования мирового экономического порядка с помощью как внесения изменений в уже существующие глобальные институты экономического управления (МВФ, Всемирный банк, ВТО, G-20), так и функционирования собственных мировых финансовых центров, инвестиционных, торговых институтов и форумов как альтернативы Бреттон-Вудским финансовым институтам.

Глобальная инициатива «Один пояс, один путь»

Глобальная политика Китая по развитию внешнеэкономических отношений с зарубежными государствами заключена в инициативе «Один пояс, один путь», который включает в себя проекты Экономического пояса шёлкового пути (ЭПШП) и Морского шёлкового пути XXI века (МШП). В рамках данной концепции Китай осуществляет региональное и глобальное сотрудничество со странами Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Западной, Центральной и Восточной Европы (формат взаимодействия “16+1”), Африки и Латинской Америки в проектах строительства инфраструктуры (всех видов, преимущественно транспортной), расширения связей в торговой, инвестиционной, финансовой, банковской, гуманитарной, социальной, туристической сферах. Более того, в рамках инициативы «Один пояс – один путь» предусмотрена экономическая, финансовая, продовольственная и гуманитарная помощь наименее развитым странам Африки, Латинской Америки и Азии.

Большое внимание в реализации торговых потоков по ЭПШП и МШП уделяется развитию инфраструктуры и транспортно-логистических путей в государствах-партнёрах (китайско-пакистанский экономический коридор, проекты по модернизации производства, инфраструктурному строительству в странах Африки). Более того, Китай заключает концессионные договоры на владение и пользование морскими портами (порт Гвадар в Пакистане, Пирейский порт в Греции), планирует строительство трансокеанского канала через Никарагуа (для обхода Панамского канала) и транспортного канала через Мьянму, а также железнодорожного сообщения Китай – Таиланд, Китай – Лаос и другие проекты. К тому же Китай более широко подходит к вопросам безопасности как обеспечения гарантированного экономического присутствия в различных регионах мира (строит базы материально-технического снабжения – в Джибути с дислоцированием ВМС НОАК для гарантированного прохода через Баб-эль-Мандебский пролив, направляет ВМС в зоны действия морских пиратов, участвует в миротворческих операциях в конфликтных регионах мира, в том числе с применением частных военных компаний, а также создает мощный океанский флот).

Несомненно, данные маршруты создают для Китая возможный контролируемый доступ к Индийскому океану, Бенгальскому заливу, Аравийскому морю, Ормузскому проливу

(через который провозится до 80% объема нефти в Китай), Красному морю, Баб-эль-Мандебскому проливу, что позволяет Китаю обойти труднодоступные места (например, в Малаккском проливе, контролируемом ВМС США, или спорные территории и воды Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей), а в перспективе – открывает доступ и к водам Тихого, Атлантического и Северного Ледовитого океанов (с точки зрения интересов Китая в Арктике) и другим глобальным стратегическим транспортным маршрутам.

Для финансирования проектов в рамках ЭПШП и МШП, начиная от крупных инфраструктурных и заканчивая более мелкими проектами малого и среднего бизнеса, Китай в 2014 г. создал собственные финансовые институты: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шёлкового пути. Масштабное вложение инвестиций и предоставление кредитов по низким ставкам и на долгий срок Китай осуществляет, как правило, с требованием использовать технологии, технику и рабочую силу китайской стороны в странах-партнёрах.

Помимо этого, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и глобальной концепции построения «сообщества единой судьбы человечества» также обретает важность сотрудничество Китая со странами-партнёрами по политической линии как в двустороннем формате, так и на саммитах, форумах высшего уровня (АТЭС, G-20, Форум Шёлкового пути, Азиатский форум в Боао и другие), продвижение идей «глобализации по-китайски» в странах-партнёрах через различные механизмы мягкой силы и народной дипломатии: СМИ, общественные фонды и организации, образовательные (в том числе Институты Конфуция), культурные, гуманитарные, спортивные, туристические и иные проекты [8]. Важными моментами в данном контексте можно считать доклад Си Цзиньпина, посвященного глобализации, на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., а также его выступления по созданию международных отношений нового типа, включающих в себя принципы «взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела, взаимного выигрыша, равенства и справедливости» [2].

Все вышеперечисленные факты дают основание утверждать, что Китай занимается созданием собственного формата глобализации, глобального управления и региональной подсистемы с альтернативными правилами экономического и политического характера, трансформируя американский формат свободной торговли, финансового, банковского и валютного сотрудничества, а также формат политического сотрудничества с элементами демократизации и либерализации. Включение всё большего числа стран в активную фазу сотрудничества в рамках китайских инициатив «Один пояс, один путь», «Сообщества единой судьбы человечества» свидетельствует о широком запросе на новые правила построения мирового экономического и политического порядка.

Роль России как великой державы в процессе глобальной трансформации

В рамках построения Китаем собственной региональной подсистемы и продвижения строительства Экономического пояса Шёлкового пути для России возникают новые механизмы сотрудничества с Китаем как в мире, так и в Евразийском регионе. Главным образом это процесс сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества и в рамках соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР в целях предотвращения противоречий в конкурирующих позициях, особенно по торгово-экономическим вопросам (не затрагивают сферы миграции рабочей силы, поставки продукции военного назначения и некоторых видов машиностроения).

Однако необходимо отметить, что проекты двух стран – ЕАЭС и ЭПШП – асимметричны, то есть предполагается сопряжение региональной экономической интеграции с организационными институтами со стороны России и транспортно-логистического маршрута со стороны Китая, что является достаточно трудной задачей. Это доказывает отсутствие на данный момент конкретных осязаемых проектов и их результатов по сопряжению концепций двух стран.

Для преодоления данного разрыва необходимо создание институтов и механизмов двустороннего сотрудничества (предположительно, такой институт мог бы быть образован на базе региональной организации ШОС), развитие торговых (возможно, через создание зоны

свободной торговли между ЕАЭС и Китаем), финансовых (повышение роли Евразийского банка развития, Нового банка развития БРИКС), гуманитарных связей в областях, отличных от транспортно-логистических, участие в совместных инвестиционных проектах. Главное, что необходимо в связи с нарастанием сотрудничества России и Китая – это разработка и популяризация конкурентной стратегии и повестки России в Центральноазиатском и Евразийском регионе в рамках проекта Большого Евразийского партнёрства (с тем учётом, что ШОС уже не упоминается высшим руководством Китая в докладах, посвященных глобальному управлению, на съездах КПК и в Белых книгах). С культурно-гуманитарной точки зрения, взаимодействие России и Китая в региональном измерении может строиться в рамках «Великого чайного пути» как достаточно мощного культурно-исторического фундамента двусторонних и региональных многосторонних связей.

Таким образом, России как великой державе с собственной региональной подсистемой будет необходимо развивать конкурентные преимущества проекта Большого Евразийского партнёрства, управленческие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и реализовывать качественные проекты в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП по экономическим, торгово-инвестиционным и политическим, культурно-гуманитарным трекам.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Бракунов М.Д. Либерализация инвестиционной и финансовой политики Китая как фактор повышения конкурентоспособности страны // Финансовый бизнес. – 2018. – №4. – С. 59-64.
2. Доклад генерального секретаря Си Цзиньпина на XIX съезде КПК // Агентство «Синьхуанет». [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
3. Карлусов В.В. Раздел «Китай». Перспективы экономической глобализации / [А.С.Булатов и др.]; под ред. А.С.Булатова. - М.:КноРус, 2019. — 666 с.
4. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / [А.А. Байков и др.]; под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. — М.: Аспект-пресс, 2014. — 448 с.
5. Платонова И.Н. Роль иностранных капиталов в экономике Китая / И.Н.Платонова // Горизонты экономики. 2017. №6 (40) — С. 12–27.
6. Россия – Китай: формирование обновленного мира; монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников. Предисл. В.А. Никонов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018. - 328 с.
7. Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений на примере Африки и Латинской Америки. – М.: ИД «ФОРУМ», 2018. – 336 с.
8. Сафронова Е.И. Проект «Один пояс, один путь» - комплексный фактор «мягкой силы» Китая // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути» в контексте ШОС / отв. ред.-сост. В.А.Матвеев. – М.: ИДВ РАН, 2017. – 192 с.

Бурганова Инна Николаевна, канд. полит, доцент
Кафедра истории Отечества и социально-политических теорий
Оренбургский государственный педагогический университет
burganovain@yandex.ru

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И США: ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

УДК 327.5

Аннотация. В статье рассматриваются двусторонние отношения Китая и США в 10-е годы XXI в. Рассмотрены особенности политического диалога Вашингтона и Пекина в контексте Стратегии национальной безопасности США (2017 г.) и внешнеполитических шагов КНР. Исследованы экономические разногласия США и Китая.

Ключевые слова и фразы: Отношения Китая и США, внешняя политика Китая и США, национальные интересы США и Китая, «Трампономика».

Inna Burganova, Ph.D. in Political Sciences
Department of National History and Social-Political Theories
Orenburg State Pedagogical University
burganovain@yandex.ru

BILATERAL RELATIONS OF CHINA AND THE USA: OPPORTUNITIES OF A DIALOGUE IN THE NEW CONDITIONS

Abstract. The article discusses bilateral relations between China and the United States in the 10s of the XXI century. The features of the political dialogue between Washington and Beijing in the context of the US National Security Strategy (2017) and the foreign policy steps of the PRC are considered. The economic differences of the USA and China are investigated

Key words and phrases: The relations between China and the United States, China's foreign policy and U.S. national interests the United States and China, "Tramponomy".

Отношения Китая и США сегодня находятся в пограничном состоянии. Рассогласование интересов Вашингтона и Пекина наблюдается как в политической сфере, так и в экономическом сегменте. Во многом такая сложность находит объяснение в нескольких моментах. С одной стороны, транзитивное положение всей системы международных отношений, обусловленных желанием США свои ключевые позиции в мировой таблице о рангах и стремлением новых кандидатов (Китай) подвинуть Вашингтон. С другой – приход к власти новой Администрации в лице Д. Трампа в США демонстрирует смену внешнеполитических ориентиров Белого Дома в отношении остальных акторов международного сообщества, в том числе и Китая.

Внешняя политика США направлена на сохранение лидирующих позиций в мире. Такая позиция соответствует национальным интересам государства и подтверждена Стратегией национальной безопасности (принята в 2017 г.). В данном документе подчеркивается, что национальные интересы Белого Дома соответствуют следующим принципам:

- защита территории;
- содействие процветанию Америки;
- сохранение мира через силу;
- расширение влияния Америки [2].

С приходом к власти Д. Трампа создание данного документа продиктовано несколькими соображениями.

Во-первых, новой администрации было важно продемонстрировать собственное видение системы международных отношений и места в ней США.

Во-вторых, обозначить четкий вектор в сторону идеи: «Америка прежде всего» [1].

В-третьих, сделать упор на возможность использования силы в случае защиты американских интересов.

В Стратегии национальной безопасности 2017 г. обращается внимание на другие страны в контексте соперничества между ними и США. То есть для Вашингтона важно продвижение своих интересов в сфере политики и безопасности. Поэтому нивелирование значения китайской стороны в мире для Белого Дома является первоочередной задачей.

В целом Стратегия национальной безопасности США рассматривает действия Китая на международной арене, как один из вызовов для собственной безопасности. В частности, Китай называется «ревизионистской державой, которая, как и Россия, использует технологии, пропаганду и принуждение для формирования мира, несовместимого с американскими ценностями и интересами. Для Вашингтона опасения, связанные с Пекином, выражены вкладом КНР в строительство инфраструктуры по всему земному шару [3].

Что касается Китая, то его активность на международной арене носит более локальный характер. Пекин демонстрирует свои национальные интересы в области АТР. Начиная с 2012 г. китайская сторона наращивает свое присутствие по периметру своих границ. Особенно это заметно в двух морях: в Восточно-Китайском и Южно-Китайском. Шаги Китая обусловлены несколькими задачами:

Во-первых, задачей создания противовеса тем странам, которые препятствуют Китаю в продвижении его национальных интересов (Япония, Индия). Например, когда в Восточно-Китайском море в 2012 г. Япония национализировала острова Сенкаку (Дяюйдао), то Китай в ответ ввел постоянный облёт и объезд данных островов при помощи своих судов и самолётов [4].

Во-вторых, с целью расширения «жизненного пространства». В 2013 г. КНР установил в Восточно-Китайском море воздушную идентификационную зону. Поэтому все самолеты, пролетающие через данную зону, должны сообщать властям Китая свои параметры и цели полёта. Причем данная зона включила в себя спорные территории, что вызвало протесты со стороны Японии, США, Южной Кореи и других стран [4].

Территориальные претензии Китая с 2012 г. растут. Китай начал насыпать искусственные острова в районе архипелага Спратли (Наньша). Для США такие шаги Китая вызывают дополнительное беспокойство [4]. С конца 2015 г. Вашингтон осуществляет операции FONOP с прохождения американских боевых кораблей в территориальных водах спорных островов. Фокус политики Китая носит разнонаправленный характер. Если в 2014-2015 гг. можно заметить акцент на США, в 2016 г. на АТР, то в последнее время, если более подробно рассматривать концентрацию внешнеполитических действий КНР, то он больше направляет свои усилия на реализацию идею «великого Китая».

Зонально такая стратегия осуществляется через:

1) активизацию взаимодействия с государствами меньшего радиуса (Бангладеш, Пакистан) с помощью предоставления траншей, оружия;

2) создание военных баз в Южно-Китайском море и в Джибути.

Содержание национальных интересов Китая можно увидеть в книге 79 речей Си Цзиньпина (2014 г.) [4]. Для Пекина краеугольным камнем национальной безопасности выступают три «кита»:

1) равный и справедливый миропорядок;

2) территориальная целостность;

3) полная защита национальных интересов. КНР.

Китай сталкивается с постоянной альтернативой – политика и/или экономика.

В первом случае КНР предстоит поиск стратегических союзников, что влечет за собой вступление в определенные альянсы. Данный вариант может привести к и/или реализации экономических целей.

Обеспокоенность США внешнеполитическими шагами Пекина в Азиатско-Тихоокеанском регионе можно увидеть в том, что Белый Дом принял решение разместить на военно-морской базе в Австралии контингент американских морских пехотинцев. 2,5 тысячи солдат будут находиться в наиболее близком расположении от Китая (г. Дарвин). Также в Австралии, на Кокосовых островах имеются американские беспилотные самолеты-разведчики, а в Бризбене находятся американские военные корабли США.

Сложность взаимодействия Китая и США проявляется также в экономическом секторе.

Новый экономический курс США («Трампономика») находится в разрезе с китайским видением глобальных финансово-экономических отношений. Дело в том, что Вашингтон даже в экономической сфере действует в соответствии со своими национальными интересами. До прихода к власти Д. Трампа американская администрация Б.Обамы делала упор на глобализм. Как итог – это нашло отражение в появлении таких негативных явлений, как безработица; перемещение производств в другие страны из-за более дешевого сырья, дешевой рабочей силы; сокращение реальных доходов рядовых американцев [6].

При Д. Трампе для решения указанных проблем США стали применять в одностороннем порядке протекционистскую политику. Для Белого Дома данные меры должны были стать «панацеей» в создании новых рабочих мест в США, привлечении необходимых инвестиций на внутренний американский рынок [5].

В первую очередь такие меры отразились на двусторонних связях Пекина и Вашингтона. Для США необходимость использования протекционистской политики объяснялись с точки зрения нарушения правил добросовестной торговли [6], поскольку Китай зачастую применяет демпинг при захвате новых рынков. Для КНР данные меры выступили прямой угрозой неисполнения принципов ВТО. Китай вообще придерживается открытого экономического курса, нацеленного на расширение глобализационных проектов. Китай планомерно выступает против протекционизма. Экономика Поднебесной завязана на расширении объемов собственной торговли и увеличении экономического роста [5].

Эскалацию экономического противостояния между Китаем и США можно увидеть на примере компании Huawei. Американцы «наказали» данную фирму за поставки оборудования Ирану, которые запрещены из-за санкций к этой стране. Проблема в том, что такие действия США отразились на фондовых индексах многих компаний.

Инициацию договоренностей между Китаем и США можно ожидать после выхода Вашингтона из соглашения РСМД. С одной стороны, указанные действия Белого Дома развязывают ему руки в наращивании своего вооружения. С другой – недавние заявления американской стороны говорят о желании расширить количество участников нового договора РСМД. То есть сделать его более многосторонним, куда войдет и Китай.

Выводы

1. Важность коммуникации между Китаем и США не вызывает сомнений. Взаимозависимость обеих сторон особенно видна на уровне торгово-экономических отношений. Для КНР американская территория выступает важнейшим пунктом сбыта дешевых китайских товаров. США заинтересованы в продаже своих интеллектуальных товаров промышленного назначения китайским потребителям.

2. Возрастание трения между американской и китайской сторонами связано с несколькими обстоятельствами: 1) противостояние за мировое лидерство между государством-гегемоном (США) и потенциальным игроком, претендующим на пальму первенства (Китай); 2) приход к власти администрации Д. Трампа поставил во главу угла национальные интересы США, что изменило общую конфигурацию отношений между Пекином и Вашингтоном в сторону конфронтации.

3. Отображение КНР в Стратегии национальной безопасности США 2017 г. демонстрирует некоторые тенденции. С одной стороны, действия Китая на международной арене для

Белого Дома выступают вызовом и угрозой. С другой – четкий вектор в сторону принципа «Америка прежде всего» показывает использование превентивных действий США для нивелирования значения КНР.

4. Возможности диалога между Поднебесной и США потенциально можно ожидать на уровне создания нового договора РСМД, поскольку американцы в последнее время заявляют о многостороннем формате такого соглашения, куда США хотят пригласить и китайских партнеров.

5. Непростые отношения между КНР и США обусловлены активными действиями Поднебесной в акватории Южно-Китайского моря. Пекин стремится к локализации данной территории для ее включения в призму своих национальных интересов. К непосредственным формам такого включения являются насыпные острова, создание общей идентификационной зоны и т.д. США нивелируют шаги Китая с помощью прохождения своих военных кораблей.

6. Отношения Китая и США приобретут форму без конфронтационного диалога только при обоюдном желании обеих сторон.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Remarks by President Trump on the Administration's National Security Strategy. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-administrations-national-security-strategy/>.
2. The National Security Strategy of the United States of America <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
3. The National Security Strategy of the United States. The White House. December 18, 2017. Washington, 2017. – URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>.
4. Коростиков М.Ю. Динамика внешней политики КНР через призму национальных интересов <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-vneshney-politiki-krn-chez-prizmu-natsionalnyh-interesov>.
5. Пак С.-Ч. (2018) Протекционизм США и нарушение торгового баланса между США и странами Северо-Восточной Азии // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 2. С. 86–114 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-05.
6. Яковлев П.П. «Трампономика» и параметры глобальной нестабильности. – URL: http://www.perspektivy.info/book/tramponomika_i_parametry_globalnoj_nestabilnosti_2016-12-26.htm.

Гамерман Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук
Благовещенский филиал Финуниверситета при Правительстве РФ
egaterman@mail.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ И МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 327.8

***Аннотация.** Данная статья посвящена проблемам трансформации внешней политики после прихода к власти в КНР Си Цзиньпина, а также тому влиянию, которое она оказывает на региональную и международную безопасность. Особое внимание автор статьи уделяет самому глобальному, масштабному проекту Пекина последнего столетия – инициативе «Один пояс – один путь». В тексте данной работы анализируются последствия реализации этого мегапроекта и угрозы безопасности, связанные с ним.*

***Ключевые слова и фразы:** Китай, внешняя политика, безопасность, «один пояс – один путь», Си Цзиньпин*

Evgenii Gamerman, *Cand. Sc. In History*
Financial University under the Government of the Russian Federation, Blagoveshchensk Branch
egaterman@mail.ru

FOREIGN POLICY OF CHINA AT THE PRESENT STAGE AND ITS IMPACT ON REGIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY

***Abstract.** This article is devoted to the problems of foreign policy transformation after SI Jinping came to power in the PRC. As well as the influence that it has on regional and international security. The author of the article pays special attention to the most global, large-scale project of Beijing of the last century - this is the initiative "One Belt - One Way". The text of this paper analyzes the implications of the implementation of this megaproject and the security risks associated with it.*

***Key words and phrases:** China, foreign policy, security, "one belt - one way", Xi Jinping*

Внешняя политика Китая очень сильно трансформировалась с приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 году. Она все больше направлена не на создание «мирного окружения» Китая, а на активное включение во все глобальные и региональные процессы. Пекин уже не стремится дистанцироваться от международных проблем и все реже занимает нейтральную позицию по теме или иным вопросам.

В 2013 году, во время визитов в Казахстан и Индонезию, Си Цзиньпин объявил о начале реализации инициативы «Один пояс- Один путь» (а точнее, целого ряда инициатив), которая должна была стать прологом китайского экономического, а затем и политического доминирования в мире. По сути, проект является попыткой предложить видение глобализации и глобальных процессов по-китайски. В последующем эта инициатива нашла отражение в целом ряде политических документов Китая, таких как «План социально-экономического развития на 2015 год» (и последующие), «Докладе о работе правительстве» и других. Кроме того, за последующие 5 лет Пекин заключил соглашения о сотрудничестве в рамках реализации данной инициативы с более чем 80 государствами и организациями [1].

Инициатива «Один пояс - один путь» состоит из нескольких проектов. В рамках «Экономического пояса шелкового пути» предполагается создание трех трансевразийских экономических коридоров: северный (через Россию), центральный (Центральная Азия – Персидский Залив) и южный (Юго-Восточная Азия – Южная Азия) [2].

Причины появления и агрессивного продвижения Китаем инициативы «Один пояс – один путь»:

1. Стремление Китая таким образом решить собственные экономические проблемы - а) минимизация диспропорции в развитии западных и восточных провинций за счет активного вовлечения запада страны в реализацию инфраструктурных и торговых проектов; б) перенести избыточные собственные производственные мощности вовне, и прежде всего в Центральную Азию; в) решение проблемы безработицы.

2. Китай, таким образом, стремится усилить свои экономические и политические позиции в регионе Центральная Азия, где он усиленно конкурирует с США и Россией.

3. Реализация более активной внешней политики, реализуемой при Си Цзиньпине, дипломатии великой державы с китайской спецификой. Создание международных отношений нового типа.

Речь идет о создании, в первую очередь, транспортных коридоров из Китая в Европу. Но строительство всех трех коридоров приведет к тому, что нерентабельными будут все три. Вероятно, после перехода к процессу реализации своих планов Китай все-таки остановится на одном из трех вариантов. То есть, большая часть стран, которые сегодня рассчитывают на получение дивидендов от строительства и начала функционирования «Экономического пояса Шелкового пути», просто останутся ни с чем.

При реализации только одного из трех транспортных и экономических коридоров остается очень много вопросов и угроз безопасности. За кажущейся несомненной экономической выгодой всех стран-участниц, скрывается несомненная выгода Китая. При этом не совсем понятно, чем этот путь будет выгоднее, чем уже существующие сегодня морские контейнерные перевозки (считающиеся на сегодня самыми дешевыми и быстрыми). То есть должна быть несомненная экономическая выгода – либо осязаемая быстрота доставки (а при расстоянии 8000 км это не является аксиомой), либо дешевизна (что еще более нереально). Для центрально-азиатских государств вообще все это обернется сугубо транзитными перевозками и определенными пошлинами. Что, безусловно, даст финансовые вливания (не сильно значительные), но не даст осязаемого эффекта для экономического развития. Скорее всего, Европа получит всего лишь один из возможных способов доставки товаров из Китая и сопредельных территорий. И этого будет мало для того, чтобы окупить все затраты. При этом зависимость центрально-азиатских стран от китайского импорта и от транзитных перевозок значительно увеличится, что является прямой угрозой экономической безопасности этих стран. Надо полагать, что реализация проекта направлена не только, и даже не столько, на Европу (Китай не может не понимать невозможности конкурировать с морскими контейнерными перевозками), а скорее на сами страны Центральной Азии, на их еще большее вовлечение в Китайскую экономическую и политическую орбиту, на реализацию в этих странах транспортной, энергетической инфраструктуры. Кроме того, усиление присутствия Китая в регионе, увеличение объемов его экономических интересов, необходимость охраны транспортных узлов приведет в конечном итоге и к поднятию вопроса об охране этих интересов, и о размещении военной базы на территории одной из стран региона (что усилит уже не только экономические, но и военно-политические позиции Пекина).

Если вернуться к экономической составляющей безопасности, то здесь стоит отметить и тот факт, что большинство инфраструктурных проектов Китая в принципе не окупаются. И это то, с чем сегодня сталкиваются, например, страны Африки. И если для Китая это не является проблемой, так как они решают таким образом свои экономические задачи, которые ставят перед ним особенности плановой экономики, то для стран-реципиентов это превращается в неразрешимую задачу. Убыточные проекты по своей сути так и остаются убыточными.

Определенные опасения вызывает и начавшаяся в 2018 году торговая война между США и КНР, что делает реализацию инициативы «Один пояс - один путь» еще более политизированной.

Не стоит забывать и про угрозы экологической безопасности, которые неизбежно возникнут в ходе реализации транспортной и энергетической составляющей китайской инициативы. Пекин всегда во главу угла ставит экономические задачи, оставляя в качестве второстепенных экологические последствия. Для стран региона это может иметь катастрофические последствия (тем более, что водные ресурсы для большинства стран региона являются ключевыми).

Си Цзиньпин ведет очень активную дипломатическую деятельность, занимая первое место среди мировых лидеров по количеству поездок, встреч на высшем уровне, переговоров и подписания различных меморандумов и соглашений. Кроме того, Китай проводит очень большое количество международных мероприятий разного ранга и направленности на своей территории.

Визит китайского лидера в страны ЕС в марте 2019 года, наделавший много шума в западной и китайской прессе, является, с одной стороны, продолжением высокой дипломатической активности с целью продвижения положительного имиджа Китая и своих экономических проектов, с другой – имеет целый ряд особенностей.

В 2018 году, в год пятилетия с начала реализации инициативы «один пояс – один путь», стало все более очевидным, что данная инициатива так и не приобрела сколько-нибудь явные, зримые очертания; до сих пор не понятны ее окончательные масштабы. Кроме того, ведутся активные споры о последствиях для стран-участников от ее реализации. Инициатива все больше тормозится, вызывая критику со стороны стран, которые ранее ее поддерживали.

Все больше это напоминает глобальную геополитическую пирамиду, для жизнеспособности которой необходима поддержка все большего числа стран. В условиях торможения инициативы в 2018 году и легкого разочарования со стороны отдельных акторов Китай стремится еще больше расширить число участников. Визит в страны ЕС и, в частности, в Италию и Францию знаменует собой попытку вовлечь страны Европы в активное участие в данном проекте. Это даст новый импульс реализации инициативы, а также новые возможности для успешной конкуренции с США за европейские рынки. Включение одной из стран «Группы семи», в частности Италии, в проект «Один пояс – один путь» может стать переломным психологическим моментом для его реализации и снизит градус критики со стороны других стран. Если Пекину удастся склонить на свою сторону не только Италию, но и Францию (что очень маловероятно) – это будет огромная дипломатическая победа и весомая заявка на роль глобального лидера (или одного из них).

Что касается внешней политика Китая в целом, то ее можно охарактеризовать как сугубо утилитарную, прагматичную, основанную на политическом реализме и учете только своих национальных интересов. Политика Пекина сегодня во многом похожа на политику западных стран в XIX – начале XX вв. в отношении азиатских стран. Речь, конечно, сегодня не идет о захвате колоний. Но политика однозначно направлена на максимальное выкачивание необходимых для Китая ресурсов, вкладывание «лишних» денег в инфраструктурные проекты, которые в странах-реципиентах никогда не окупятся, создание максимально выгодных условий для собственного бизнеса на чужой территории. На сегодняшний день Восточная Сибирь и Дальний Восток интересны для Китая только как ресурсная база – строительство сначала нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий Океан, потом газопровода «Сила Сибири», скандально известное строительство завода на о. Байкал по розливу питьевой воды (как главного ресурса, которого будет не хватать в XXI веке), активная вырубка лесных насаждений на территории российских субъектов в Сибири и Дальнем Востоке. Все это – китайская политика в восточных регионах России. Никаких глобальных инвестиционных проектов, никаких высокотехнологичных производств и развития инфраструктуры (за исключением строительства мостов из России в Поднебесную) нет, и не будет. Китай на данном этапе получает максимальную выгоду от сложившейся системы российско-китайских отношений и ничего менять, выводить на новый уровень ему просто не нужно.

Таким образом, современная внешняя политика Китая все больше приобретает глобальные черты, с очень активной повесткой и стремлением быть вовлеченными в большин-

ство геополитических и геоэкономических процессов. Эта активность и даже некоторая агрессивность в достижении собственных целей не может не сказываться на состоянии региональной и международной безопасности, внося в ее повестку определенные коррективы.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Доклад о работе правительства. – URL: <http://russian.cctv.com/2017/03/17/ARTISbjDfIMg0p8PcrysNSff170317.shtml> (Дата обращения: 05.10.2018).
2. Экономический пояс Шелкового пути и евразийская интеграция: конкуренция или новые возможности? – URL: <https://www.ictsd.org/bridges-news> (Дата обращения: 04.10.2018).

Горбатко Анастасия Анатольевна, студент

Факультет Международных отношений

Институт бизнеса и делового администрирования

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

angorag96@gmail.com

Эпштейн Виталий Анатольевич, канд. социолог. наук, доцент

Кафедра мировой экономики и международных отношений

Институт бизнеса и делового администрирования

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

epshteinv@gmail.com

РОЛЬ «ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА» В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

УДК 327

Аннотация. Статья посвящена специфике «Тайваньского вопроса», проблеме независимости Китайской Республики, с учетом особого положения острова в современной системе региональной и мировой политики. Несмотря на оцутимое смягчение межбереговых противоречий при администрации Ма Инцзю, разногласия между Пекином и Вашингтоном по поводу Тайваня так и не были разрешены.

Ключевые слова и фразы: «Тайваньский вопрос», Китайская Республика, Тайвань, КНР, США, Демократическая прогрессивная партия, суверенитет.

Anastasiia Gorbatko, student of Foreign Regional studies (Focus: political and economic development of the countries of the East)

Institute of Business Studies (IBS-Moscow), International Relations department

Russian presidential academy of national economy and public administration (RANEPА, Moscow)

angorag96@gmail.com

Vitaly Epshteyn, Ph.D. in Sociology, Associate Professor

International Relations department,

Institute of Business Studies (IBS-Moscow),

Russian presidential academy of national economy and public administration (RANEPА, Moscow)

epshteinv@gmail.com

THE ROLE OF THE TAIWAN ISSUE IN SINO-U.S. RELATIONS

Abstract. The article is devoted to basic factors of the “Taiwan question”, the problem of Republic of China independence, taking into account the special position of the island in the modern system of regional and world politics. Despite the mitigation of intershore contradictions under administration of Ma Yingju, the disagreement between Beijing and Washington over Taiwan has never been resolved.

Key words and phrases: “Taiwan Question”, Republic of China, Taiwan, PRC, USA, Democratic Progressive Party, sovereignty.

Отношения между двумя берегами Тайваньского пролива на протяжении более чем полувека являются одной из ключевых геополитических проблем Азиатско-Тихоокеанского

региона [6]. Вопрос о независимости Тайваня¹, который Пекин продолжает относить к числу своих «ключевых интересов», КНР традиционно считает главным препятствием для развития отношений с США [4]. Однако с ростом экономической взаимозависимости Китая и США и приходом к власти в Тайбэе администрации Ма Инцзю в 2008 г. «Тайваньский вопрос» перестал быть главным раздражающим фактором в китайско-американских отношениях.

Его место заняли противоречия между Пекином и Вашингтоном, связанные с ростом глобальной мощи Китая и стратегией «возвращения США в Азию», поскольку эволюция «Тайваньского вопроса» зависит, прежде всего, от общего развития китайско-американских отношений.

Необходимо отметить, что статус Китайской республики отличается от других частично признанных образований. 17 стран, включая Ватикан, имеют дипломатические отношения с Тайванем как с Китайской республикой.

В истории Тайваня был период полной субъектности, дипломатического признания и членства в ООН, однако в 1971 г. Китайская Республика потеряла свое место в глобальной международной организации, а зона ее международной правосубъектности начала активно сокращаться [10]. Необходимо отметить, что разрыв дипломатических отношений большинства стран с Тайванем свидетельствует не о полном прекращении связей, а об изменениях в сфере экономических и политических ограничений [12]. Эти перемены в первую очередь вызваны влиянием континентального Китая и его «политики одного Китая» в отношении с другими государствами-членами ООН. Суть данной политики заключается в том, что дипломатические отношения с КНР возможны лишь при отсутствии таковых с Тайванем. Данной позиции вынуждены придерживаться США, страны Западной Европы, Канада, Австралия и Япония, чье влияние на мировой арене традиционно велико, а также многие другие страны. Выбор обусловлен, прежде всего, экономическими интересами и усилением роли континентального Китая, однако это не означает окончательного дезавуирования отношений между ними и Китайской Республикой.

Так, например, когда 6 и 7 февраля 2018 г. в результате трех подземных толчков у побережья уезда Хуалянь в северо-восточной части острова произошло разрушение пяти зданий, а число пострадавших составило более 300 человек, представители правительства Японии наряду с Римским Папой выразили официальное соболезнование правительству Китайской Республики. В ответ на это МИД КНР выступил с заявлением, в котором раскритиковал нарушение принципа «одного Китая», призвав Японию соблюдать принципы политических документов, подписанных Пекином и Токио [14].

Предпосылки тайваньской проблемы возникают ещё в период Гражданской войны в Китае, которая началась в 1927 г. и длилась до 1950 г. Вооруженный конфликт между Коммунистической партией Китая (КПК) и Китайской Национальной Народной партией (Гоминьданом) носил идеологический характер. Коммунисты переломили ход войны в результате успешных наступательных операций 1948 г., в результате чего лидер Гоминьдана Чан Кайши вынужден был отступить на Тайвань. Вследствие дальнейших военных успехов коммунистов все правительство Гоминьдана перебрасывалось на Тайвань, а боевые действия окончательно завершились в 1950 г. Именно с этого времени и берет свое начало проблема двух Китаев.

После провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. США не сразу признали правительство Мао Цзэдуна, но предполагали, что режим Чан Кайши в Китайской Республике обречен. В политической стратегии США более приоритетным направлением был поиск модели взаимоотношений с новым руководством, пришедшим к власти в КНР, и стремление предотвратить установление союзнических отношений между КНР и СССР. Ситуация кардинально изменилась после начала Корейской войны (1950-1953 гг.), в

¹ Тайвань – остров в Тихом океане, который вместе с прилегающими островами контролирует Китайская Республика. Население Тайваня (Китайской Республики) составляет около 23,5 млн человек, на август 2018 г. государство было признано 17 странами-членами ООН.

результате которой США, опасаясь потерять важный стратегический пункт – Тайвань, перешли к политике поддержки правительства острова.

В декабре 1954 г. США подписали с гоминьдановскими властями Тайваня договор о взаимной обороне [18], обязавшись предоставить военную помощь в случае «вооруженного нападения» или «коммунистических подрывных действий, направленных извне», и получили право держать на острове свои войска. При ратификации американский сенат одобрил резолюцию об использовании президентом США вооруженных сил для выполнения вытекающих из договора обязательств. Действие договора было ограничено обороной острова Тайвань и Пескадорских островов и не распространялось на архипелаги Цзиньмэнь и Мацзу, поэтому США не принимали активного участия во Втором кризисе в Тайваньском проливе 1958 г. При этом США всячески стремились предотвратить вторжение гоминьдановцев на материковую часть Китая, которое могло бы спровоцировать полноценную китайско-американскую войну. В результате этой политики США правительство острова вынуждено было сосредоточиться на вопросах экономического развития Тайваня, отодвинув на второй план курс на завоевание политического господства на всей территории Китая [4].

Во второй половине 1960-х гг., на фоне изменения международной обстановки и общего ухудшения советско-американских отношений, позиции сторонников Чан Кайши в США существенно ослабли. В 1966 г. Комитет Сената США по иностранным делам провел слушания, по окончании которых было принято решение о том, что представление о КНР и толкование стратегии китайской внешней политики ошибочны. В 1966 г. был основан Национальный комитет по отношениям между США и КНР, некоммерческая организация, целью которой было содействие развитию сотрудничества между странами. «Потепление» в отношениях между КНР и США в конце 1970-х гг. привело к визиту президента Р. Никсона в Китай [8], в ходе которого было опубликовано Шанхайское коммюнике сторон в 1972 г. [20], в двусторонних беседах с китайскими руководителями президент США согласился с официальной позицией Пекина о существовании только одного Китая и что Тайвань – часть Китая [5]. Ещё в октябре 1971 г. ООН проголосовала за передачу места постоянного члена Совета Безопасности от Тайваня к Китайской Народной Республике, признав КНР законным представителем китайского народа [15]. С этого момента союзный договор о взаимной обороне между США и Тайванем превратился в формальный документ.

В декабре 1978 г. президент Д. Картер заявил, что США признают пекинское правительство, что окончательно похоронило надежды Гоминьдана когда-либо вернуть себе контроль над материковой частью Китая.

Полноценные дипломатические отношения между КНР и США были установлены в 1979 г. [21], одновременно Вашингтон разорвал дипломатические отношения с Тайванем и вышел из союзного договора 1954 г., однако сохранил за собой право поддерживать торговые, культурные и другие неофициальные отношения с правительством Тайваня, который значительно преобразился в экономическом плане [13].

После установления дипломатических отношений с КНР 1 января 1979 г. Конгресс США принял «Акт о взаимоотношениях с Тайванем» [19], согласно которому США обязались противостоять любому применению силы в деле урегулирования тайваньской проблемы. Закон об отношениях регламентировал практические вопросы неофициального взаимодействия США с тайваньскими властями и содержал положения, касающиеся обеспечения Вашингтоном безопасности острова и продажи американского вооружения Тайваню, что говорило о том, что США продолжили политику вмешательства во внутренние дела Китая, препятствуя силовому воссоединению КНР и Китайской Республики. Положения данного документа полностью противоречили совместному коммюнике об установлении дипломатических отношений с КНР. В соответствии с этим актом был создан Американский институт на Тайване, выполняющий роль неофициального посольства США после разрыва дипломатических отношений. Естественно, что принятие «Акта о взаимоотношениях с Тайванем» вызвало сильнейшее недовольство официального Пекина.

14 июля 1982 г. президент США Р. Рейган выдвинул «Шесть принципов гарантии». Согласно данному документу на переговорах о третьем совместном коммюнике по вопросу продажи оружия Тайваню с КНР [16]:

- 1) США не будут устанавливать дату прекращения продажи оружия Китайской Республике;
- 2) США обязуются не проводить предварительные консультации с КНР в отношении продажи оружия Тайваню;
- 3) США не будут играть роль посредника между КНР и Тайванем;
- 4) США не будут пересматривать «Акт о взаимоотношениях с Тайванем»;
- 5) США не изменят свою позицию в отношении суверенитета Тайваня;
- 6) США не будут оказывать давление на Тайвань с целью заставить его вступить в переговоры с КНР.

В этом же году Госдепартамент США принял решение о подписании с КНР третьего коммюнике 17 августа 1982 г [22]. В данном документе речь шла о поставках вооружения Тайваню. В нем Вашингтон обещал, что поставка оружия на остров не будет превышать по количеству и по качеству объём 1978 г., а также согласился на уменьшение объёма продажи оружия Тайваню, что впоследствии должно было привести к полному прекращению поставок вооружений Китайской Республике [17].

После подписания данного коммюнике КНР смирились с «шестью гарантиями», которые США предоставили Тайваню. Не увенчались успехом и попытки Пекина противодействовать поставкам вооружения со стороны Вашингтона. Даже когда под воздействием угроз со стороны КНР с тайваньского рынка вооружений ушли Франция и Нидерланды, правительство США продолжило продажу вооружений Гоминьдану [11].

С того момента на политику Вашингтона в отношении Тайваня большее влияние оказывало не противодействие со стороны КНР, а фактор развития и процветания Китайской Республики как самостоятельного субъекта международных отношений.

Процесс демократизации и переход Тайваня от авторитарной диктатуры к демократии позволил населению в большей степени влиять на политику своего государства. В 1986 г. была создана вторая политическая сила Тайваня – Демократическая прогрессивная партия (ДПП), выступающая за независимость Тайваня. В 1996 г. состоялись первые прямые президентские выборы, а также проведена конституционная реформа, отменившая провинциальные правительства, в результате чего Тайвань мог считаться демократическим и независимым государством.

КНР крайне негативно отнеслась к проводимой на Тайване политике демократизации. С момента проведения первых демократических президентских выборов Народно-освободительная армия Китая (НОАК) проводила «испытания ракет» в прибрежном районе Тайваня, которые, в свою очередь, спровоцировали кризис в Тайваньском проливе в 1995-1996 гг., в результате которого США в марте 1996 г. разместил две авианосные группы вблизи побережья Тайваня [23].

Перемены в Китайской Республике вызвали воодушевление в политических кругах США и сблизили государства с идеологической точки зрения, превратив Тайвань в более выгодного сотрудника, чем КНР. В марте 2000 г. в ходе президентских выборов на Тайване победил представитель Демократической прогрессивной партии – Чэнь Шуйбянь.

Его победа ознаменовала демократическую передачу власти на Тайване от одной партии (партия Гоминьдан правила в течении почти полувека) к другой. В знак признания развития демократии в Китайской Республике президент США Б. Клинтон подтвердил, что «Тайваньский вопрос» должен быть разрешён только мирным путем и обязательно с согласия населения Тайваня.

Растиражированные СМИ события 1989 г., произошедшие на площади Тяньаньмэнь, выставили КНР в глазах мирового сообщества авторитарным государством, что, несомненно, отразилось на экономических и политических контактах с США и европейскими государствами.

Тем не менее, несмотря на недовольство США авторитарной политикой КНР, из-за доминирования экономических интересов в 1990-е гг. связи с КНР были восстановлены.

В отношении к «Тайваньскому вопросу» Вашингтон продолжил вести политику «стратегической неопределенности», с одной стороны, желая мирного решения проблемы и соблюдения союзнических обязательств по отношению к Китайской Республике, с другой – стремясь не испортить отношения с Китаем.

Двоякая позиция Вашингтона, сочетание официальных и неофициальных отношений и стремление «усидеть на двух стульях» привела к тому, что проблема Тайваня превратилась в латентную проблему американо-китайских отношений на десятилетия вперед.

В очередной раз на грань кризиса отношения между Вашингтоном и Пекином были поставлены в 2016 г., в связи со звонком, принятым или сделанным только что избранным на пост Президента США Дональдом Трампом. Первоначально в «Твиттере» лидера США было указано, что именно он позвонил Цай Инвэнь, позже появилась информация о том, что инициатива звонка исходила от неё [9]. Это стало первым с 1979 г. прямым контактом между лидерами США и Тайваня [7]. Позже Д. Трамп написал «твит» в своем микроблоге, в котором назвал Цай Инвэнь президентом Тайваня. В Пекине подобное поведение Трампа восприняли крайне болезненно. Ситуация осложнялась тем фактом, что сообщение в «Твиттере» о разговоре двух президентов по вопросу усиления связей в сфере экономики, политики и безопасности появилось вскоре после того, как Си Цзиньпин встретился с Генри Киссинджером, бывшим госсекретарем США, который в 1972 г. приложил много усилий для того, чтобы улучшить взаимоотношения между США и КНР [2], и являлся инициатором «политики разрядки» [3].

The Global Times выпустили редакционную колонку, в тексте которой говорилось, что Китаю придется вступить с Д. Трампом в решительную борьбу. Только когда Трамп совершит несколько ошибок, он поймет, что «нельзя задирать Китай и весь остальной мир» [3]. В статье утверждалось, что Трамп полагает, что может использовать политику «единого Китая» в качестве козыря, чтобы добиться от КНР экономических выгод. Официально представитель МИД КНР Гэн Шуан выразил «серьезную озабоченность» происходящим, заявив, что все случившееся скажется на китайско-американских отношениях.

Несмотря на реакцию КНР, Д. Трамп не удалил свое сообщение в микроблоге, а написал еще один «твит» о продаже американского вооружения Китайской Республике.

В интервью Fox News он сделал акцент на том, что Китай не имеет права диктовать свои условия США, а также, напомнил о существующих вопросах к Пекину: территориальные претензии КНР в Южно-Китайском море, поддержка КНДР и так далее.

Предсказать дальнейшие события в китайско-американских отношениях сложно.

С одной стороны, Д. Трамп может использовать «Тайваньский вопрос» как средство давления на КНР по аналогии с периодом Холодной войны, когда ВМС 7-го флота США могли демонстрировать свою силу в Тайваньском проливе и когда дружественные отношения с США были стратегически важны для Китая. С другой, КНР, претендуя в настоящее время на роль не только региональной, но и мировой державы, обладает серьезным военным потенциалом, постоянно увеличивая ассигнования на развитие авиации, флота, нового ракетного вооружения и морской пехоты [1]. Что делает любую попытку США использовать для давления на КНР свои ВМС и ВВС все более бесперспективной.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Военная модернизация в Китае набирает ход. Шижун Чэнь. 7.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2011/01/110107_china_military_modernisation (Дата обращения: 28.03.2019).
2. Входящий бесплатно. 06.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2016/12/14/trump_call/ (Дата обращения: 28.03.2019).

3. Генри Киссинджер впечатлен реакцией КНР на звонок с Тайваня Трампу. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3843947> (Дата обращения: 28.03.2019).
4. Зиновьев Г.В. История американо-китайских отношений и Тайваньский вопрос. - Томск: Томский государственный университет, 2007. – С. 347.
5. Истоки Тайваньского вопроса [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter10/chapter100601.htm> (Дата обращения: 28.02.2019).
6. Каимова А.С. К вопросу о «Тайваньской культурной идентичности». // Проблемы Дальнего Востока, Культура. – 2014. – № 1. – С. 134.
7. Как азиатское турне Трампа скажется на судьбе Тайваня? 03.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/11/03/740452-aziatskoe-turne-trampa> (Дата обращения: 28.03.2019).
8. Косов А.П. Политика США в отношении КНР в период президентства Р. Никсона. // Метаморфозы истории. – 2014. – №5. – С. 343-369. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/politika-ssha-v-otnoshenii-kr-v-period-prezidentstva-r-niksona> (Дата обращения: 01.03.2019).
9. Китай назвал звонок Трампу «детской уловкой Тайваня». 03.12. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38193949> (Дата обращения: 26.03.2019).
10. Лексютина Я.В. США и политика «Одного Китая». // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Том 10. – №5. – С. 99.
11. Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. – СПб.: СПбГУ, 2011. – С. 230.
12. Лычагин А.И., Комаров И.Д. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты. / Вестник РУДН. Сер. 17. Международные отношения. – 2017. – № 3. – С. 530-532.
13. Муратшина К. Г. Основные тенденции во взаимоотношениях Китая и США после прихода к власти «Пятого поколения» руководителей КПК. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 157-169.
14. На Тайване число жертв землетрясения возросло до 10 человек, 267 пострадали. 08.02.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/world/08feb2018/taiwan.html> (Дата обращения 26.03.2019).
15. Ознос Э. Век амбиций. Богатство, истина и вера в новом Китае. пер. с англ. М. Солнцева. – М.: Издательство АСТ: COPRUS, 2016. – С. 31.
16. Feldman H. President Reagan's Six Assurances to Taiwan and their Meaning Today. Webmemo, the Heritage Foundation. 2007. Oct.2, № 1653. – P. 2.
17. Joint Communique of the United States of America and the People's Republic of China. Joint Communique on Arms Sales to Taiwan. August 17, 1982. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp83b00551r000200010003-4> (Дата обращения: 27.02.2019).
18. Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of China. [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/chin001.asp (Дата обращения: 01.03.2019).
19. Taiwan Relations (public law 96-8, 22). 1979. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ait.org.tw/our-relationship/policy-history/key-u-s-foreign-policy-documents-region/taiwan-relations-act/> (Дата обращения: 25.02.2019).
20. 中华人民共和国和美利坚合众国联合公报 (一九八二年八月十七日发表. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china-embassy.org/chn/zmgx/zywj/lhgb/t705073.htm> (Дата обращения: 28.02.2019).
21. 中华人民共和国和美利坚合众国关于建立外交关系的联合公报. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china-embassy.org/chn/zmgx/zywj/lhgb/t705074.htm> (Дата обращения: 27.02.2019).

22. 中华人民共和国和美利坚合众国联合公报（一九八二年八月十七日发表）。[Электронный ресурс]. URL: <http://www.china-embassy.org/chn/zmgx/zywj/lhgb/t705073.htm> (Дата обращения: 27.02.2019)
23. 台湾海峡导弹危机. Тайваньский ракетный кризис, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2015-09/18/content_36623583.htm (Дата обращения: 01.02.2019).

Грозин Андрей Валентинович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья
Институт востоковедения Российской академии наук
andgrozin@yandex.ru

СИНОФОБИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ МИФОЛОГИИ К ИНСТРУМЕНТУ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ

УДК 327.8

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся трансформаций различных антикитайских мифологем, присущих некоторым группам обществ постсоветской Центральной Азии. Также автор рассматривает факты превращения феноменов общественного сознания в элемент информационного противоборства внерегиональных сил против расширения экономического партнёрства Китая с центрально-азиатскими республиками. Оцениваются краткосрочные перспективы использования медиа-ресурсов Центральной Азии для дальнейшей трансляции негативистских оценок политики Пекина в регионе.

Ключевые слова и фразы: Китай, КНР, Центральная Азия, Синьцзян, СУАР, Казахстан, Киргизия, антикитайские фобии, информационные кампании.

Andrey Grozin, Cand. Sc. in History, senior researcher,
Center for the study of Central Asia, Caucasus and Ural-Volga region
Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences
andgrozin@yandex.ru

SINOPHOBIA IN CENTRAL ASIA: FROM MYTHOLOGY TO THE TOOL OF INFORMATION WARFARE

Abstract. The article deals with the issues related to the transformations of various anti-Chinese mythologists inherent in some groups of post-Soviet Central Asian societies. The author also considers the facts of transformation of phenomena of public consciousness into an element of information confrontation of extra-regional forces against expansion of economic partnership of China with the Central Asian republics. Short-term prospects of using media resources of Central Asia for further broadcasting of negative assessments of Beijing's policy in the region are assessed.

Key words and phrases: China, PRC, Central Asia, Xinjiang, XUAR, Kazakhstan, Kyrgyzstan, anti-chinese phobias, information campaigns.

Настоящий текст основывается на результатах совместного исследования, проведенного А.В. Грозиным (Институт востоковедения РАН) и Юем Чжочао (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН), результатом которого стало написание монографии китайского и российского ученых «Политика Китая в отношении Центральной Азии» (СПб., 2018), посвящённой рассмотрению широкого круга проблем, касающихся актуального состояния и перспектив сотрудничества Китая со странами постсоветской Центральной Азии.

Центрально-азиатский регион (ЦАР), ключевой частью которого является пять постсоветских республик (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения и Киргизия), является чрезвычайно значимым пространством и для Российской Федерации (РФ), и для Китайской

Народной Республики (КНР). Без всякого преувеличения можно утверждать, что данное пространство способно стать как территорией гармоничного развития, сопряжения национальных интересов России и Китая, так и зоной, продуцирующей многочисленные конфликты, несущие прямые угрозы национальной безопасности РФ и КНР, разрывающие российско-китайское сотрудничество и ставящие под вопрос возможность реализации геополитических мегапроектов Москвы и Пекина – Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС) и инициативу «Один пояс, один путь» (OBOR).

Понимание данного положения вещей приводит геополитически и геоэкономически конкурирующий с Россией и Китаем «объединённый Запад», возглавляемый Соединёнными Штатами Америки, к выводам о том, что именно ЦАР является наиболее перспективной зоной для противодействия «мирному возрождению Китая» и российским интересам. Данное понимание в последние годы динамично меняется. Еще в 2014-2017 гг. общий западный подход можно было охарактеризовать как следующий: при общей стратегии «сдерживания Китая» на юге и востоке, «сдерживание» на западе сводилось к минимуму. Официальные лица США начали говорить о том, что усилия США и Китая в Центральной Азии (ЦА) не являлись взаимоисключающими. За последние годы мысли американских исследователей и чиновников о том, что значительные геополитические изменения и нестабильная ситуация в государствах ЦА создают предпосылки для усиления соперничества между Россией и Китаем за влияние в регионе, озвучивались многократно. США при этом никогда не демонстрировали готовность полностью «отдать» ЦА Китаю. Их основной целью всегда было дать политикам Центральной Азии возможность иметь дополнительно к российскому и китайскому вектору прозападный ориентир в качестве третьего, ключевого.

В 2018-2019 гг. происходит изменение западных (американских, в первую очередь) подходов к оценке своей стратегии в ЦАР. В западных средствах массовой информации (СМИ), вещающих на центрально-азиатские общества, в дополнение к запущенной ещё в 2014 г. антироссийской, разворачивается антикитайская информационная кампания.

При этом, по нашему мнению, в информационной борьбе с КНР Запад решил опереться на элементы антикитайских фобий и комплексов, существовавших/существующих в обществах региона.

В республиках Центральной Азии, несмотря на высокий уровень сотрудничества с КНР, имеет место феномен, когда официальные оценки и практическое экономическое партнерство, приносящее национальным экономикам многомиллиардные прибыли, вступает в противоречие с распространенными в обществе достаточно критическими мнениями в отношении партнерства с Китаем. Не будет преувеличением сказать, что между официальной линией в отношении КНР и массовым восприятием т. н. «китайского фактора» существует значительная разница. Официальный подход основывается на том, что присутствие бизнеса КНР в экономике и внешней политике стран ЦА – состоявшийся и бесспорный факт, который следует оценивать сугубо положительно, а массовое сознание подпитывается всякого рода мифами и фобиями. При этом природа последних остается феноменом малоизученным.

С определенной периодичностью в центрально-азиатское информационное пространство вбрасываются сообщения о «китайской угрозе». Подобных информационных волн было в странах региона немало, но для массового сознания наиболее заметными стали последние, связанные с обстановкой в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР. До этого в информационном пространстве ЦАР настолько масштабных антикитайских кампаний, развёрнутых более чем в одной стране региона, не отмечалось.

Наибольший масштаб синофобский дискурс в ЦА имеет в Республике Казахстан (РК) и Кыргызской Республике (КР). Также это явление фиксируется в Таджикистане. Информационное поле Узбекистана и Туркмении не позволяет говорить о каких-то заметных общественных антикитайских настроениях.

Стоит отметить значимый феномен всего «синофобского дискурса» в ЦА: наиболее громко о «китайской опасности» говорят преимущественно СМИ (печатные и сетевые) на национальных языках и эксперты, позиционирующие себя в качестве национал-патриотов.

Напротив, русскоязычная часть экспертного сообщества оценивает присутствие КНР в Центральной Азии с преимущественно более умеренных позиций.

Анализируя наиболее распространенные и при этом рационально подкрепляемые синофобские взгляды, казахстанский эксперт Досым Сатпаев условно выделил ряд основных критических точек зрения, связанных с оценкой «китайской угрозы» для республики. Представляется что данная градация полностью применима, как минимум, к общественным настроениям Киргизии и Таджикистана.

Пессимисты – сторонники тезиса о растущей из года в год угрозе Казахстану со стороны Китая, все время «бьющие в набат», обращая внимание на наличие уязвимых зон в отношениях двух стран. Интересно, что и методология, и даже конкретные носители данной точки зрения в Казахстане делают схожие выводы и по поводу «угрозы с Севера» (конечно, с некоторыми поправками). В странах ЦА антирусские и антикитайские настроения и мнения транслируют на общество националистически настроенные слои интеллигенции (журналисты, историки, различные активисты, блогеры, члены НПО и НКО). Акцент эта группа при этом делает на самые важные из потенциальных зон риска казахстано-китайских отношений.

1. Чрезмерный рост китайского влияния в топливно-энергетическом комплексе РК, представляющий, по оценкам данной категории общества, риск для национальной безопасности. Критики политики расширения партнерства с Китаем не доверяют официальным оценкам «китайского присутствия» в ТЭК Казахстана. Например, публицист национал-патриотического направления Расул Жумалы, повторяя получившие широкое распространение суждения о рисках, связанные с усилением и закреплением влияния китайских компаний в энергетическом секторе Казахстана (от 25 до 40 процентов), делает прозрачные намеки на значительную коррупционную составляющую, имеющую место в переговорах с КНР. С его точки зрения, не может не обращать на себя внимание то, что казахстанская сторона отдаёт предпочтение китайским компаниям, хотя их конкуренты часто предлагают более выгодные для Казахстана условия [1].

Однако ведущий казахстанский китаевед Константин Сыроежкин предлагает обратить внимание и на других иностранных инвесторов. «Когда мы говорим о присутствии того или иного иностранца в том или ином секторе, надо посчитать всех. Почему-то ни у кого не вызывает страхов, насколько велико американское присутствие. Две компании в нефтянке - это чистые 40 процентов, а в газе 65, и никто не говорит об американской экспансии» [16], – отмечает эксперт Казахстанского института стратегических исследований при президенте.

При этом антикитайские фобии активно подпитываются извне: различных алармистских прогнозов о том, как КНР «захватит нефть и газ» стран ЦАР в западных СМИ много и с каждым месяцем становится всё больше.

2. Казахстанская экономика с каждым годом все сильнее подсаживается на «иглу» инвестиций и кредитов Китая. Это же в разной степени относится и ко всем другим государствам Центральной Азии. Тематика «связанных китайских кредитов», якобы ставящая получающие их страны в экономическую, а в перспективе и в политическую зависимость от КНР, активно используется широким спектром западных СМИ в последние два года.

3. Экологическая ситуация в Восточном Казахстане будет ухудшаться из-за увеличивающегося забора воды из трансграничных рек со стороны Китая для развития своих северо-западных регионов. Тематика трансграничных вод активно используется сторонниками антикитайских взглядов в Казахстане в течение всех лет независимости. Интересно в этом плане полное совпадение антикитайской риторики казахских национал-патриотов и их российских «аналогов». Например, вот что об указанной проблеме пишет ресурс с известной репутацией «Спутник и Погром»: «Помимо территориального давления, экономического господства и контроля над месторождениями, Китай успешно захватывает водные ресурсы Казахстана. За последние годы казахские реки серьезно обмелели, потеряв порядка 20 млн куб. м. воды — КНР в чудовищных объемах поглощает воду из трансграничных рек Черный Иртыш и Или, угрожая не только водной безопасности Казахстана, но и России (Иртыш — главный приток Оби). Помимо того, что водные ресурсы сокращаются, их еще и отравляют китайские

пестициды, которые активно используются в сельском хозяйстве. На Иртыше китайцы построили огромное водохранилище, фактически контролируя подачу воды в Казахстан» [13]. В последнее время с точки зрения потенциального экологического урона критики в Казахстане и Киргизии оценивают программы переноса избыточных производственных мощностей КНР на территорию данных государств.

4. Многолетнее и особо «любимое» у пессимистов «демографическое пугало» Китая. Тематика ожидаемого демографического прессинга со стороны КНР занимает, безусловно, центральное место в текстах негативно настроенных по отношению к партнерству с Пекином авторов. При этом имеет место и рационализация данной темы: по мере расширения активности китайского бизнеса в странах ЦА объективно будет увеличиваться и количество граждан КНР на территории центрально-азиатских республик. Предположение о некоей «китайской демографической экспансии» и предложения ужесточить национальные законы о миграции ранее озвучивали отдельные казахстанские и особенно киргизские парламентарии.

5. Экономическое сотрудничество КНР с ЦА подчинено задачам развития китайской экономики. Растущий внутренний спрос на энергоресурсы в КНР закрепляет превращение Казахстана (как и других стран ЦАР) в «сырьевой придаток» уже не только западной, но и китайской экономики, закрепляя «сырьевой профиль» региона.

Во всех центрально-азиатских республиках сложился и существует ряд типичных по отношению к Китаю социальных групп.

Часть населения с устойчивыми синофобскими стереотипами рассматривает влияние КНР на Центральную Азию как стремление захватить её богатства и землю, уничтожить местную государственность и китаизировать население стран ЦАР. Эти группы остро критически относятся к региональным проектам КНР, расценивая такое сотрудничество как предательство национальных интересов. Для данной части населения характерна чрезвычайная недоверчивость к любой деятельности со стороны Китая.

Большая часть молодёжи и бизнес-сообщества региона воспринимает Китай как современное динамично развивающееся государство. По мнению казахстанского политолога Айдары Амребаева, соседство с Китаем эта часть населения рассматривает как хорошую возможность для развития бизнеса и получения достойного образования. Наличие китайских предприятий и инвестиций оценивается ими как положительный факт двустороннего сотрудничества. Кроме того, Китай рассматривается этими людьми как некий «противовес» влиянию других великих держав [5].

Экспертное сообщество региона в основном исходит из мнения о том, что влияние КНР на ЦА следует серьёзно и последовательно изучать, поскольку оно является многоаспектным, имеет разнообразные контексты и глубокую историю. С точки зрения большинства синологов региона это влияние должно находиться под государственным контролем и присутствовать только в тех областях, которые могут способствовать усилению экономического благополучия и социальному развитию Центральной Азии. Ученые ЦАР говорят о том, что региону необходимо равноправное партнёрство и прагматичное взаимодействие с Китаем.

Одновременно значительная часть населения, традиционно «не интересующаяся политикой», в целом индифферентно относится к вопросу влияния КНР на центрально-азиатские республики.

В Казахстане было проведено исследование проблемы китаеведов, по его итогам был опубликован доклад «Казахстанское видение Китая, китайцев и китайской миграции». Авторы, Азиз Бурханов и Ю Вен Чен, проанализировали публикации в казахстанской прессе за период с августа 2013 по январь 2015 г. Их главный вывод выглядел так: «Публикация негативных и стереотипных представлений о Китае и его народе носит повсеместный характер, что является проявлением сильного страха и враждебности» [3].

Безусловно, долгое время базисом антикитайской мифологии в регионе были мифы о скором и неизбежном демографическом поглощении Центральной Азии Китаем. Интересно, что в России сходная мифология о медленной «китаизации» российского Дальнего Востока «выпала» из сферы общественного интереса ещё в конце 90-х годов прошлого века.

В массовом сознании граждан ЦА присутствует устойчивый комплекс страхов и опасений в отношении Китая. По оценкам казахстанской государственной прессы 2004 года, «самый живучий из них – картина «людского селя» китайцев, готового захлестнуть наши просторы, стал настолько навязчивым, что может превратиться в перманентный геополитический кошмар» [4].

В условиях глобальной мировой экономики Китай и его соседи в ЦАР объективно не могли не оказаться вовлеченными в миграционные процессы. Расширение транспортных коммуникаций, появление новых связей, используемых для производства товаров, услуг, и активный обмен последними сделал население КНР и региона более подвижным. Процессы региональной интеграции, возрастающее объединение международного рынка труда и мировой экономики вывело миграцию в качестве самостоятельного фактора глобализации, имеющего как позитивные, так и негативные последствия.

Миграция способна выступать в качестве созидательного экономического и социального фактора, вызывающего приток новых бизнесов, динамичных и мобильных работников, их включение в рынок рабочей силы ведет к развитию экономики и общества. Негативные же стороны, как правило, связаны с криминализацией различных аспектов миграции. Осложняется ситуация и отсутствием в республиках ЦАР отлаженных механизмов контроля за миграционными процессами. Маловразумительная миграционная политика становится одним из значимых факторов, подпитывающих синофобские мифы.

Как отмечала известный казахстанский специалист по вопросам миграции Елена Садовская, представления, бытующие в обществе по поводу китайской миграции, «полны стереотипов, а реальная осведомленность о соседях очень низка... Как показал репрезентативный опрос, недавно проведенный среди городского населения республики, только 10,2% респондентов знакомы с китайской культурой, историей, обычаями и традициями китайского народа и лишь чуть более трети осведомлены о современной социальной и экономической жизни КНР» [9]. Согласно исследованию Е. Садовской, одна пятая из опрошенных казахстанцев относилась к китайским мигрантам плохо или очень плохо. Наиболее толерантны в отношении граждан Китая жители Алматы, наиболее негативное отношение демонстрировали западные области Казахстана, где больше всего представлены легальные трудовые мигранты из КНР. «В некоторых регионах формируется не просто негативное отношение к ним, а даже предубеждение» [9], - отмечала эксперт, называя это «тревожной тенденцией».

Основные миграционные потоки между КНР и ЦА традиционны и похожи на аналогичные в других странах. Единственное, что, по мнению многих экспертов, отличает их от международного опыта, это высокая степень мифологизированности.

Очевидно, что основная причина, которая вызывает тревогу общественности региона, не столько сама миграция китайцев в республики ЦА, сколько явный недостаток какой-либо внятной информации по данному вопросу. В Казахстане, например, долгое время широкое хождение имел тезис о том, что Пекин ведет некую целенаправленную политику по поддержке переселения из Китая на сопредельные территории вообще, и казахстанскую в частности. Статистики или фактов, которые могли бы убедить в обратном, ни одна из соответствующих государственных структур РК не предоставляют, что порождает разнообразные домыслы и слухи.

Другим распространенным в Казахстане и Киргизии мифом о китайской миграции в республику является миф о якобы большом количестве смешанных браков. Еще в середине 1990-х годов некоторые казахскоязычные СМИ писали о якобы «тысячах» таких случаев. Но, по данным казахстанских учёных, за все годы независимости страны смешанных браков было зафиксировано не более ста [9].

В связи с указанным мифом, в последние годы в Казахстане и Киргизии в спорах о так называемой «китайской демографической экспансии» термин «завоевание» сменил термин «ассимиляция». «Сегодня многие боятся ассимиляции, с учётом того, что казахские девушки и женщины могут выходить замуж за выходцев из КНР, после чего их дети формально счи-

таются уже китайцами» [3], – указывала казахстанская политолог и публицист Айгуль Омарова.

Конечно, идеализировать ситуацию и процессы, идущие в миграционных отношениях ЦАР и Китая, не стоит, поскольку КНР это демографический гигант, а, например, малонаселенный Казахстан (9-е в мире по величине площади территории государство с населением около 18.6 млн. человек в настоящее время [17]) с ним соседствует. В этой ситуации потенциально существует возможность демографического давления из КНР на РК. Пока же китайская миграция в Казахстан, Киргизию и Таджикистан не может рассматриваться как прямая угроза национальной безопасности республик.

По мере того как критический настрой части обществ стран ЦА в отношении КНР применительно к теме «демографической экспансии» под влиянием объективной реальности начал снижаться, в сферу общественного мнения Казахстана и Киргизии была введена относительно новая тема о т. н. «притеснения мусульман» в Синьцзяне.

Большинство материалов на эту тему первоначально приводят издания, финансируемые государственными институтами Запада (в первую очередь – «Радио «Азаттык»/«Радио «Свобода») [2; 7; 8], а затем они широко расходятся по блогосфере РК, вызывая многочисленные и весьма эмоциональные отзывы.

Стоит отметить, что по данным казахстанского китаевода Татьяны Каукеновой, среди 55 официально зарегистрированных этнических меньшинств КНР казахи занимают 17-е место по численности, а в СУАР, где проживает около 95% всех казахов Китая, они являются третьим по численности этносом. Т.Каукенова приводит следующие данные: «Проблему для казахов в Китае в первую очередь составляет то, что удельный вес их численности в регионе стремительно снижается на фоне непрерывного увеличения числа ханьцев, приезжающих из других регионов КНР. На момент образования КНР в 1949 году казахов там было почти в 1,5-2 раза больше, чем ханьцев. За прошедший период численность ханьцев выросла с 291 тысячи до 8,42 миллиона человек в 2012 году. В то же время уйгуры, численность которых в 1949 году достигала 3,29 миллиона человек, в 2012 году насчитывали 10,53 миллиона человек. То есть если численность казахов выросла примерно в 3 раза, а уйгуров - в 2,5, то численность ханьцев выросла примерно в 29 раз» [12].

Информация о т. н. «лагерях перевоспитания» в КНР появилась несколько лет назад в западных СМИ. Активно тема начала «прокачиваться» в СМИ Центральной Азии с весны 2018 года (активнее всего – практически еженедельно – на «Радио «Азаттык»).

Данные о количестве находящегося в центрах перевоспитания и подготовки у всех источников разные. Например, представители Комитета защиты киргизов в КНР (организация была создана в конце ноября 2018 г.) утверждают, что «только в одном районе Китая около 22 тысяч человек отправили в лагеря перевоспитания» [18]. Казахские активисты заявили уже о «50 тысячах киргизов» [10]. Источников активисты не называли, подтверждений указываемых цифр не представляли. Первые сообщения, касающиеся этнических казахов, проживающих в СУАР, появились еще в 2017 г. Они распространялись в казахстанском сегменте социальных сетей. Тема получила широкое звучание после появления в СМИ истории этнической казашки и гражданки Китая Сайрагуль Сауытбай. Она заявила, что бежала из КНР для «воссоединения с семьей, проживающей в Алма-Атинской области» [15], и попросила политического убежища в Казахстане. Параллельно с освещением ее истории в прессе появлялись сообщения о задержании этнических казахов в Китае якобы за получение двойного гражданства или даже вовсе без объяснения причин.

С осени 2018 г. похожая картина наблюдалась и в ряде СМИ Киргизии, активно начавших использовать антикитайскую риторику. И в Казахстане, и в Киргизии появились активные группы граждан, называющих себя «борцами за права этнических меньшинств» в Китае. Как отмечал генерал-майор спецслужб Киргизии Артур Медетбеков, «люди, которые подогревают антикитайские настроения, на самом деле не хотят защитить людей, которые якобы подвергаются гонениям в Китае. Они преследуют только свои собственные интересы, либо

отрабатывают деньги заказчиков. Поэтому они не патриоты и не сочувствующие. Ими движут псевдопатриотизм и псевдорелигиозность» [14].

По мнению киргизского медиа-эксперта Евгении Ким, ряд характерных признаков в освещении темы прав этнических меньшинств в КНР указывают на то, что в регионе с 2018 года была запущена антикитайская информационная кампания.

Освещение темы прав этнических меньшинств в СУАР имеет многочисленные признаки спланированной информационной кампании. У целенаправленного и последовательного освещения в СМИ определенной темы, с целью формирования общественного мнения наблюдается ряд инструментальных признаков. Среди них Е.Ким отмечает:

1. Выбор «площадки» для «разброса» информации в СМИ: первоисточниками сообщений о «нарушении прав меньшинств в СУАР» являются филиалы Радио «Свобода» в Центральной Азии, интернет-телеканал «Настоящее время» (проект Радио «Свобода» и «Голоса Америки») и ряд региональных площадок, получающих финансирование от международных доноров (в КР – мелкие киргизоязычные СМИ, дотируемые не из госбюджета, а из средств местных кланов и иностранных доноров);

2. «Разгон темы» в социальных сетях. Новостные материалы и никем не подтверждаемые сообщения от анонимных пользователей распространяются через сеть аккаунтов, аффилированных с иностранными СМИ, прозападной ориентации;

3. Поддержание «актуальности темы» через постоянное обновление информационных поводов - проведение мероприятий, организацию митингов, появление спикеров - экспертов, активистов, «пострадавших» и т.д. Громкость «крика» о мнимых нарушениях глушит сомнения в достоверности приводимой информации;

4. Стремление повысить «громкость» и значимость темы через искусственное подключение к тематике лидеров общественного мнения (написание публичных обращений к президентам Киргизии и Казахстана, заявления оппозиционных киргизских политиков и т.д.);

5. Подключение к освещению вопроса международных СМИ и вывод проблемы на региональный уровень – в Казахстане ряд сетевых СМИ активно воспроизводил антикитайские выступления активистов Киргизии [6].

Как указывает Е. Ким, проверить достоверность антикитайской информации в ЦА сложно (часто просто невозможно) по причине ограниченности источников информации. С одной стороны – «гражданские активисты» из ряда НПО и НКО в СМИ, рассказывающие про «угнетение мусульман». С другой - официальный Пекин, отрицающий случаи ущемление прав этнических меньшинств. Журналисту изначально в подаче материала приходится занимать определенную позицию при слабой мотивации официальных властей. Для общества же принципиально важно, чтобы было несколько каналов информации, которые можно сравнивать друг с другом. Другая причина - отсутствие заинтересованности в освещении проблемы со стороны официальных структур Казахстана и Киргизии избегающих любых оценок происходящих событий. Отсутствие достоверной информации и непредвзятых оценок создаёт поле для информационных манипуляций.

К настоящему времени в Центральной Азии тематика «защиты прав этнических меньшинств в Китае» выглядит как удобная площадка для проведения дальнейших информационных атак, в первую очередь в силу существования указанных выше антикитайских фобий у части населения ЦА.

Исходя из этого можно ожидать, что проведение антикитайских информационных кампаний в Центральной Азии будет продолжено. Этому способствуют, во-первых, интересы заказчика информационного противоборства: по мере роста напряжения в американо-китайских отношениях на контролируемых Соединёнными Штатами региональных информационных площадках объемы критики в адрес Китая будут расти. Во-вторых, поводы для информационного давления также сохраняются в силу того, что КНР, проводит активную, не подлежащую отмене политику по борьбе с экстремизмом и терроризмом, против исламистского радикализма. Следует иметь в виду и неартикулируемое, но явно существующее стремление части центрально-азиатских элит получить от китайской стороны новые бонусы

и, если удастся, пересмотреть ранее заключенные с Пекином экономические соглашения в свою пользу.

На настоящий момент тема «китайских лагерей» прочно введена в актуальную информационную повестку стран региона. Однако инициаторы кампании не смогли добиться значимой реакции от властей региона. Государственные СМИ Киргизии и Казахстана избегают упоминания данной темы. Дипломатия же КНР очень осторожная и гибкая, сохраняющая принцип невмешательства во внутреннюю политику других стран.

Внешние инициаторы кампании не смогли добиться реакции от властей ЦА и переходят к попытке влияния на общество и общественное мнение: в СМИ и социальных сетях активно обрабатывается тема «ущемления прав мусульман» в КНР.

В ближайшее время, очевидно, нарастающей критике будет подвергаться экономические проекты КНР в ЦА, китайская региональная кредитная и инвестиционная политика и весь комплекс китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества. Процесс идет по нарастающей и в ближайшее время не остановится.

Абсолютно ясны цели антикитайских информационных кампаний в ЦАР: закрепление негативного отношения граждан региона в отношении КНР и, в идеале, блокирование реализуемых Пекином региональных проектов в рамках инициативы ОВОР. Вероятно, рассматривается и перспективная возможность сложения на приграничных с западным Китаем территориях базы поддержки и распространения сепаратистских настроений.

В Киргизии и в Казахстане рассматриваемую тему многие эксперты также оценивают как элемент информационной войны против Китая развязанной и поддерживаемой Западом. Например, как отмечал А.Медетбеков, «антикитайские настроения в Центральной Азии – это полностью искусственное воздействие, совершаемое извне» [14]. Подобные оценки в экспертном сообществе ЦА распространены. Также и в Бишкеке, и в Астане эксперты в ходе личного общения не раз подчёркивали: ситуация, которая раскачивается вокруг «лагерей перевоспитания» и, шире, китайских экономических проектов в ЦАР в социальных сетях псевдопатриотами, может спровоцировать серьезный конфликт, небезопасный для государств региона.

Ряд киргизских и казахстанских экспертов считает, что если государственные структуры ЦА ответственные за информационную политику и идеологическую работу не поймут масштабность проблемы и не пресекут факты антикитайской информационной войны, то внутривластная стабильность стран региона окажется под угрозой. Стоит добавить, что в центральноазиатских государствах с четким контролем над внутренним информационным пространством – Узбекистане, Таджикистане и Туркмении - попытки развязывания антикитайской информационных кампаний результатов пока не дали.

Одновременно значительная часть центрально-азиатских и российских исследователей считает, что при том уровне экономического влияния в регионе, который имеется у КНР, проблема разворачивающихся антикитайских информационных кампаний, в конечном счете, не носит для Пекина изначально проигрышный характер – объективная реальность, в конечном счете, работает на позицию Пекина.

Положительные стороны партнерства центрально-азиатских республик с Китаем понятны и совершенно очевидны: новые производства, транспортные и энергетические мощности, новые рабочие места, растущий взаимный товарооборот и т.д. Имеющийся к настоящему времени опыт не дает оснований для чрезмерных опасений: власти центрально-азиатских государств имеют значительный опыт успешного экономического сотрудничества с КНР, полученного на протяжении двух последних десятилетий.

Но и «минусы» данного процесса очевидны и именно негативные моменты оказывают влияние на сохранение отрицательного общественного настроения в отношении сотрудничества стран ЦА с КНР. У политики Китая в регионе имеется немало уязвимых позиций. Они связаны, в первую очередь, с тем, что в течение многих лет отношения КНР со странами региона были разорваны, в результате чего возникла отчужденность, которую за короткий по историческим меркам период времени преодолеть нельзя. База двусторонних отношений еще не

стала достаточно прочной. Представление о Китае, его политике и экономическом развитии в общественном мнении региона пока строится по старым стереотипам. До последнего времени для части молодого и в значительной мере вестернизированного поколения жителей центрально-азиатских стран политическая культура и социальный статус КНР не отличались большей, чем Запад, привлекательностью [11].

Для разъяснения позиций и формирования положительного образа Китая в регионе необходимо целенаправленное и методичное продолжение не только экономического партнёрства, но и активного использования широкого инструментария «мягкой силы». Внешняя политика КНР через язык и культуру будет способствовать в дальнейшем выработке у народов Центральной Азии образа «Китая – близкого друга», а не «Китая – угрозы».

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Алимов М. Убить дракона... в себе [Электронный ресурс]. URL: <https://camonitor.kz/13545-ubit-drakona-v-sebe.html> (Дата обращения: 25.10.2014).
2. Бокаш Г. Подвергшиеся обвинениям за «трансграничную симпатию» [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-china-klimesh-interview/28824591.html> (Дата обращения: 31.10.2017) и др.
3. Джураева Ш. Китайская угроза для Средней Азии: действительная? Мнимая? [Электронный ресурс]. Ритм Евразии, 2017, 10 мая / URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2017-05-10--kitajskaja-ugroza-dlja-srednej-azii-dejstvitel'naja-mnimaja-30041> (Дата обращения: 31.08.2017).
4. Жылкыбаев О. Китайский айсберг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1100042640> (Дата обращения: 10.10.2004).
5. Исабаева С. Россия и Китай в Казахстане: на чьей стороне перевес? [Электронный ресурс]. URL: <https://camonitor.kz/32733-rossiya-i-kitay-v-kazahstane-na-chey-storone-pereves.html> (Дата обращения: 11.03.2019).
6. Ким Е. КНР проигрывает США борьбу за информационное поле Туркестана [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2536399.html> (Дата обращения: 12.12.2018).
7. Киао Лонг. В Китае задержано «более ста» друзей и одноклассников казахского имама Ахмета [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kitay-zaderzhania-po-delu-kazakhskogo-imama-akhmeta/28614153.html> (Дата обращения: 13.07.2017)
8. Лаханулы Н. «Это был мой долг – рассказать о положении казахов в Китае» [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/omirkhan-altyn-kazakhi-v-kitae-germanii-kurultai/28595913.html/> (Дата обращения: 04.07.2017)
9. Лебедев А. Китайская миграция в Казахстан - мифы, объективизм и субъективность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1192393800> (Дата обращения: 11.10.2007).
10. Масалиева Ж. Кыргызы в лагерях перевоспитания Китая. Их число достигает 50 тысяч [Электронный ресурс]. URL: https://24.kg/obschestvo/102959_kyirgyizyi_vlageryah_perevospitaniya_kitaya_ihchislo_dostigaet_50tyisyach/ (Дата обращения: 03.12.2018).
11. Тер-Погосян А. Политика Китая в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: http://ia-centr.ru/archive/public_detailsae90.html?id=860 (Дата обращения: 02.10.2007).
12. Шибутов М. Замена "экспорту невест": почему СМИ США волнует судьба казахов в Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2298267.html> (Дата обращения: 07.07.2017).
13. Яковлев Г. Вторжение Китая в Среднюю Азию [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnikpogrom.com/politics/55713/chinese-incursion/#.WM6l8I9SCUk> (Дата обращения: 28.05.2016).

14. Истерику заказывали? Кто оплачивает антикитайские митинги в Центральной Азии? [Электронный ресурс]. URL: <https://ca-times.org/politika/3605-isteriku-zakazyvali-kto-oplachivaet-antikitayskie-mitingi-v-centralnoy-azii.html> (Дата обращения: 16.01.2019).
15. Казахстан отказал в убежище соотечественнице из Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fergananews.com/news/33153> (Дата обращения: 06.10.2018).
16. Мифы и реальность китайского "присутствия" в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radiotochka.kz/news/full/1232.html> (Дата обращения: 27.11.2013).
17. Население Казахстана / Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: Отдел народонаселения [Электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/ru/kazakhstan> (Дата обращения: 24.03.2019).
18. Тема о памирских и прочих этнических киргизах [Электронный ресурс]. URL: <http://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=31468014&page=22> (Дата обращения: 28.11.2018).

Дрожащих Евгения Валерьевна, аспирант
Факультет мировой политики
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Jane3452@yandex.ru

РОЛЬ РОССИИ И КИТАЯ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ В КОСМОСЕ

УДК 327

Аннотация. В статье рассмотрено сотрудничество России и Китая в сфере космической безопасности. Являясь ведущими космическими державами XXI века, оба государства осознают открывающиеся благодаря наращиванию космических активов возможности и сопутствующие уязвимости. Несмотря на попытки США оставить в международно-правовой базе освоения космоса «серые зоны» для дальнейшей легализации военной космической деятельности, Россия и Китай последовательно выполняют свои обязательства по достижению стратегической стабильности и укреплению архитектуры безопасности. В данном исследовании представлены основные аспекты взаимодействия государств по предотвращению использования космического пространства в военных целях как на двусторонней основе, так и в рамках международных организаций.

Ключевые слова и фразы: Россия, Китай, ДПРОК, НПОК, МТДК, Группа правительственных экспертов ООН.

Evgeniia Drozhashchikh, Postgraduate Student
Faculty of World Politics
Lomonosov Moscow state University
Jane3452@yandex.ru

THE ROLE OF RUSSIA AND CHINA IN PREVENTING ARMS RACE IN OUTER SPACE

Abstract. The article elaborates cooperation of Russia and China in terms of space security. Being the leading spacefaring nations of today, both states are well aware of opportunities emerging due to expansion of space assets as well as vulnerabilities following. Despite the attempts of the United States to leave some loopholes in the space law for the further unhindered legalization of military space activities, Russia and China are consecutively fulfilling their commitments to achieve strategic stability and strengthen the global security architecture. The present research contains key aspects of longstanding Russia-China collaboration on a bilateral and multilateral basis to prevent turning outer space into the arena of future warfare.

Key words and phrases: Russia, China, PPWT, NFP, TCBMs, UN Group of Governmental Experts.

В течение почти двух десятилетий партнерские отношения России и Китая продолжают демонстрировать позитивную динамику, получив особый импульс в момент подписания двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 г. С тех пор заметно укрепились торгово-экономические связи государств, политические и культурно-гуманитарные контакты. Значительные успехи, достигнутые в этих сферах, систематизированы в вышедшей свет в ноябре 2018 г. монографии «Россия – Китай: формирование обновленного мира», авторство которой принадлежит директору Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянину [6]. Из работы эксперта следует, что «стратегическая устойчивость» в отношениях России и Китая, их глубина и интенсивность, наряду с совместными усилиями по созданию взаимосвязанных транспортных, технологических, инвестиционных, научных и

других сетей на евразийском пространстве, станут реперными точками будущих глобальных изменений. Реформаторский потенциал двух стран может стать ответом на запрос развивающихся стран в структурных изменениях системы глобального управления, что касается, в том числе, сферы безопасности. В этой связи актуальным представляется исследование взаимодействия России и Китая по вопросу создания общих правил безопасного поведения в космическом пространстве.

Оба государства являются лидирующими космическими державами. Безусловно, «первую скрипку» играет Россия, корни независимой космической деятельности которой уходят в 20-е годы XX века. Исторической вехой в советской и в целом мировой космонавтике стал запуск первого искусственного спутника Земли (ИСЗ) в октябре 1957 г. Именно это событие стало точкой отсчета масштабной космической гонки, в которую Китай влился в 50-е годы благодаря сотрудничеству с СССР, уже затем встав на собственные рельсы [19]. В частности, советские специалисты передали государству две модифицированные версии ракеты V-2, а именно R-1 и R-2, которые позволили инициировать «Проект 1059» [28, с. 90]. Их технические параметры легли в основу проекта баллистической ракеты серии «Дунфэн». Ее успешное испытание состоялось в 1966 г. Затем в 1970 г. прошло испытание баллистической ракеты дальнего радиуса действия «Дунфэн-4», и в этом же году с полигона Цзюцюань в провинции Ганьсу первая ракета-носитель Китая «Чанчжэн-1» (Дунфэн-4) стартовала с китайским спутником на борту – ИСЗ связи «Дунфанхун-1». С тех пор Китай демонстрировал гармоничную модель поддержания «независимости» (self-reliance and independence) собственной космической программы при сохранении международного сотрудничества, необходимого для «осуществления рывка страны вперед» [28, с. 97].

К концу прошлого года страны подошли со следующими показателями. На декабрь 2018 г. Россия обладала 152 функционирующими спутниками, в то время как Китай превысил отметку в 280 спутников [34]. За 2018 год страны совершили 20 и 39 орбитальных запусков соответственно [25]. Таким образом, Китай старается в максимально сжатые сроки нивелировать существующее отставание в области космической программы и обеспечить присутствие своей космической инфраструктуры наряду с ИСЗ стран «первого космического эшелона». На сегодняшний день Россия и Китай обладают широкой палитрой спутниковых систем: в их арсенале имеются спутники дистанционного зондирования Земли, навигации, управления, связи и телеметрии [26]. Оба государства продемонстрировали способность самостоятельно осуществлять пилотируемые космические полеты (СССР – в 1961 г., КНР – в 2003 г.). В то время как Россия (преемница СССР) имеет обширный опыт строительства многомодульных орбитальных станций (национальных и МКС), ее восточный партнёр планирует завершить проект собственной космической станции к 2020 г. [21]. Помимо этого, державы активно исследуют Солнечную систему, в том числе, совместными усилиями.

Так, в марте 2018 г. страны подписали Соглашение о намерениях по сотрудничеству в области исследования Луны и дальнего космоса, а также о создании Центра данных по лунным проектам [11]. Согласно документу, Россия и Китай будут совместно реализовывать российский проект по запуску орбитального космического аппарата «Луна-Песурс-1» в 2022 году и китайскую миссию посадки в область южного полюса Луны в 2023 году. Годом ранее представители «Роскосмоса» и Китайской национальной космической администрации подписали Программу сотрудничества в космической области на 2018-2022 годы, предусматривающую сотрудничество в сфере изучения Луны и дальнего космоса, создания элементной базы и материалов, дистанционного зондирования Земли, мониторинга космического мусора и др. вопросов, дополнением к которой служит Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области применения навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и Бэйдоу в мирных целях [11, 17].

Осуществляя двусторонние космические научно-технические проекты, Россия и Китай тесно взаимодействуют в вопросе продвижения повестки ответственного поведения в космосе, что можно проследить на примере двусторонней правовой базы, а также инициатив по предотвращению использования космического пространства в военных целях, выдвигаемых

странами на международных площадках. Прежде чем проанализировать их, ответим на вопрос, с чем связаны усилия России и Китая по привлечению внимания к проблеме мирного использования космоса.

Проблема международно-правового регулирования космической деятельности зародилась одновременно с появлением первых военно-космических программ СССР и США, поставивших под угрозу и без того хрупкий мировой порядок [7, с. 148]. «Средства выведения космических объектов создавались на базе боевых ракет оборонными предприятиями по заказу военного ведомства», в то время как первые экспериментальные космические аппараты создавались в целях осуществления разведки, навигационного, связного и геодезического обеспечения в целях национальной обороны [5, с. 46]. Помимо обеспечивающих космических систем военного и двойного назначения, уже в первой половине 60-х годов СССР и США приступили к активным разработкам ударных средств различного базирования для поражения космических аппаратов и объектов в других средах [5, с. 59].

Спрос на формирование норм освоения космоса продемонстрировала и гражданская космическая деятельность ввиду своих технических характеристик. Как отмечают профессор Уильям Мартель и докторант Тоши Йошинара, около 95% космических технологий – технологии двойного назначения [27], т.е. не могут быть однозначно разделены на сферы применения. По мнению Роджера Хандберга, профессора Университета Центральной Флориды, «чисто гражданская космическая деятельность изначально существовала лишь в форме теоретической концепции» – на деле именно военные контролировали процесс разработки космических технологий и финансировали изучение технологий запуска [22].

По этим причинам уже с 1950-х годов международное сообщество направляло значительные усилия на предотвращение сценария превращения космоса в арену гонки вооружений и вооруженных конфликтов. Первым шагом стало появление таких организаций, как Международная федерация аэронавтики, Комитет по космическим исследованиям при Международном совете по науке, Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях, Управление по вопросам космического пространства при Секретариате ООН [7, с. 149]. Параллельно с процессом институционализации были запущены переговоры по формированию договорно-правовой базы для регулирования деятельности в космическом пространстве. В ее основу легли соответствующие букве Устава ООН Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах 1963 г., Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (Договор о Луне), Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г., Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г., Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (Подробнее см. [7, с. 149-152; 5, с. 90-92]). Перечисленные документы наложили серьезные правовые ограничения на использование космоса в военных целях. Вдобавок к ним запрет на создание, испытания и развертывание систем или компонентов противоракетной обороны (ПРО) космического базирования, а также противоспутниковых систем (ПСС) космического базирования содержался в Договоре об ограничении систем ПРО, заключенном СССР и США в 1972 г. (США вышли из него в 2002г.)

Тем не менее, в космическом праве так и остался ряд «серых зон» – нерегулируемых видов космической деятельности. В настоящий момент не запрещено размещение в космосе любого оружия, не являющегося оружием массового поражения. Нет запрета на создание, испытание и развертывание в космосе ПСС, ПРО. Равно как и нет ограничений на ПРО и ПСС наземного, воздушного и морского базирования. Помимо этого, нет запрета на развертывание в космосе средств оптико- и радиоэлектронного подавления, оружия на новых физических принципах, на проведение военно-прикладных космических экспериментов [1].

В связи с наличием упомянутых лакун Россия и Китай, основными национальными приоритетами которых являются «суверенитет, безопасность и развитие», а также укрепление стратегической стабильности [6, с. 84-85], взяли на себя роль лидеров предотвращения дальнейшей милитаризации и вепонизации¹ космического пространства. Согласно имеющимся двусторонним договоренностям, государства «призывают к мирному использованию космоса, предотвращению размещения оружия и гонки вооружений в космическом пространстве (ПГВК), и с этой целью – к разработке соответствующей международно-правовой договоренности» [14], «подчеркивают важность подготовки соответствующего международно-правового акта в рамках Конференции по разоружению в Женеве» [15].

В последние годы договоренности на двусторонней основе стали наполняться более развернутыми формулировками. Так, согласно Совместному заявлению Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности 2016 г. [17], Россия и Китай отмечают возрастание угрозы появления оружия в космосе и превращения космоса в сферу вооруженного противостояния, что ведет к подрыву стратегической стабильности и, соответственно, международной безопасности. В этом контексте отмечается актуальность запуска переговоров по выработке международного соглашения, которое бы гарантировало сохранение космоса свободным от оружия. За основу предлагается взять российско-китайский проект *Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов* (далее – Договор). Подчеркивается важное значение инициативы о неразмещении первыми оружия в космосе, служащей задаче реализации предотвращения размещения оружия в космическом пространстве.

В заявлении 2018 года Россия и Китай подтверждают намерение продвигать разработку соответствующей международно-правовой базы на основе российско-китайского *Договора* с учетом угрозы вывода оружия в космическое пространство, «приветствуя принятую на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве»», а также выступают за то, чтобы «деятельность Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях выстраивалась с перспективой на укрепление международного космического права, практики его применения и нормативного регулирования космической деятельности для обеспечения глобального управления такой деятельностью на истинно международной основе под эгидой ООН» [16].

Упомянутые выше *Договор* о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов и инициатива о неразмещении первыми оружия в космосе являются краеугольными камнями попыток России и Китая призвать международное сообщество к формированию архитектуры космической безопасности в космосе. Выступление на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН («Саммите тысячелетия») Президента В.В. Путина с заявлением о необходимости предотвращения милитаризации космоса вызвало поддержку со стороны Китая, в то время как США отказались обсуждать вопрос укрепления правовых норм международной деятельности в космосе [7, с. 153].

Вслед за принятой в 2001 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/23 «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве», Россия и Китай представили на Конференции по разоружению в 2002 г. рабочий документ «Возможные элементы будущей международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов» [38]. В нем сформулированы общие, ключевые положения будущего договора, необходимого для обеспечения безопасности космических активов всех стран и предотвраще-

¹ Милитаризация космоса подразумевает использование государствами космических аппаратов для выполнения военно-вспомогательных задач (С4ISR) при проведении операций на конвенциональном театре военных действий, а вепонизация – развертывание боевых космических систем для применения в космосе или из космоса.

ния угрозы гонки вооружений в космосе. В целях достижения взаимного доверия, участникам договора предлагалось раскрывать содержание своих космических программ, открыто заявлять о месте расположения своих пусковых площадок, характеристиках космических аппаратов, запущенных в космос и других активностях.

Более развернутые материалы были представлены Россией и Китаем в 2006 г. в рамках рабочих документов [38, 35, 37] по транспарентности и мерам укрепления доверия в космической деятельности, по терминологии в сфере военной космической деятельности (с предложениями определений «космического пространства», «космического оружия», «космического объекта» и «мирного использования космоса») и по существующей системе международно-правового регулирования военно-космической деятельности.

В 2007 г. Россия и Китай, опираясь на эти заявления, представили юридическому подкомитету Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК). В 2008 г. проект Договора был внесен на рассмотрение членов Конференции по разоружению [23]. Согласно статье 2, страны-члены обязуются не размещать на околоземную орбиту любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве; не применять силу или угрозу силой против космических объектов; не содействовать и не принуждать другие государства, группы государств или международные организации к участию в деятельности, запрещенной Договором. Несмотря на схожую лексику данной статьи со статьей 4 Договора о Луне 1967 г., новацией является расширение сферы охвата Договора с ядерного оружия и любых видов оружия массового уничтожения до других видов оружия (оружия как кинетической, так и направленной энергии). В Договоре также содержатся предложения по определениям «космического пространства» (устанавливающегося выше 100 км над уровнем моря) и «оружия в космическом пространстве» (статья 1), в статье 4 отмечается, что содержание документа никоим образом не должно препятствовать космической деятельности стран в мирных целях.

Невзирая на широкую поддержку проекта Договора со стороны Евросоюза (прорабатывающего со своей стороны проект Кодекса поведения государств в космическом пространстве), стран СНГ, большинства стран Движения неприсоединения, Вашингтон предпочел отказаться от его подписания под предлогом национальной безопасности [5, с.112]. Представитель Белого Дома аргументировал позицию тем, что США выступают против каких-либо форм запрета или ограничения деятельности в космосе, тем более в отсутствие осуществимых верификационных механизмов исполнения положений документа [35].

Учитывая комментарии, полученные по тексту Договора, Россия и Китай повторили попытку выдвижения его текста на обсуждение Конференции по разоружению в 2014 г. Произшедшие изменения включают исключение дефиниции «космическое пространство», правки к другим определениям, расширение статьи 2 пунктом о запрете на участие стран в таких международных космических проектах, которые идут вразрез с положениями Договора. Более детально прописан механизм урегулирования возникающих споров между космическими державами [31]. Тем не менее, несмотря на предпринятые попытки по приданию документу максимально инклюзивного характера, идея заключения многостороннего соглашения, запрещающего вывод оружия в космос, так и не была выведена на полноценный переговорный процесс. Главной причиной тому стала несогласованность работы Конференции по разоружению, члены которой продолжают по сей день лоббировать свою собственную повестку дня.

Второй важной инициативой, выдвинутой Россией и поддержанной Китаем, является неразмещение первыми оружия в космосе (НПОК). Еще в 2004 г. Россия в одностороннем порядке взяла на себя аналогичное политическое обязательство, принятое годом позже членами ОДКБ. На 69-й сессии ГА ООН Россия вместе с единомышленниками (среди которых был Китай) инициировала ежегодную резолюцию о НПОК. Число ее соавторов и проголосовавших «за» неизменно росло и достигло отметки в 50 и 128 соответственно на 73-й сессии

ГА ООН в 2018 г. [10]. При этом к проголосовавшим «против» в 2014 г. США, Израилю, Украине и Грузии прибавились по весьма очевидным политическим причинам Австралия, Великобритания, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Франция и Эстония [2].

В резолюции A/RES/73/31 подтверждено стремление к предотвращению гонки вооружений в космосе, ведущую роль в котором должна сыграть Конференция по разоружению [30]. Авторы резолюции призывают к активизации сотрудничества по согласованию ДПРОК на основе предложенного Россией и Китаем документа в 2008 г. и стимулируют государства выразить приверженность обязательству о неразмещении первыми оружия в космосе. Для продолжения соответствующих дискуссий, согласно пункту 6, НПОК включено в повестку 74-й сессии ГА ООН в рамках сессии «Предотвращение гонки вооружений в космосе».

Параллельная работа ведется по мерам транспарентности и доверия в космической деятельности (МТДК) (как потенциальному верификационному механизму ДПРОК). Как отмечается на сайте МИД РФ, соответствующие резолюции ГА ООН ежегодно принимались по инициативе России и Китая в 2005-2010 годах [10]. По итогам работы Группы правительственных экспертов, выработавших рекомендации по внедрению положений МТДК в международную практику к 2013 г. [3], на протяжении нескольких лет резолюция ГА ООН по МТДК принималась консенсусом. Авторами резолюций A/RES/70/53 и A/RES/71/42 стали лидеры освоения космоса – Россия, Китай и присоединившиеся к ним США. В Докладе Генерального Секретаря ООН (A/72/50) приводится ответ Штатов на просьбу Управления по вопросам разоружения высказать мнения по вопросам МТДК. «Соединенные Штаты с удовольствием стали соавторами — вместе с Китаем и Российской Федерацией — резолюций 70/53 и 71/42, в которых Генеральная Ассамблея призвала государства-члены на регулярной основе проводить дискуссии, посвященные перспективам их осуществления, в Комитете по использованию космического пространства в мирных целях, Комиссии по разоружению и Конференции по разоружению» [8].

Данный ответ вселил надежду на возобладание среди лидеров космической гонки духа сотрудничества и прагматизма в разрешении вопроса предотвращения гонки вооружений в космосе, однако ненадолго. На заседании 73-й сессии ГА ООН «за» резолюцию проголосовали 180 стран, государство Палау воздержалось, Израиль и США выступили «против». Можно предположить, что последние не готовы участвовать в переговорном процессе, который может хотя бы несколько связать руки в отношении военно-космической деятельности. Приравнивая космические средства к инструментам мультиплицирования эффекта своих «кросс-доменных» операций [32], США еще не один год будут тормозить принятие обязывающих инициатив, препятствующих созданию нового театра военных действий.

Осознавая этот факт, Россия и Китай, равно как и в случае противодействия неконструктивному политическому и торгово-экономическому поведению США, единогласно выступают за продвижение повестки ПГВК на международных площадках. В этих целях в 2017 г. Россией и Китаем была выдвинута инициатива создания Группы правительственных экспертов ООН (ГПЭ) по проблематике предотвращения гонки вооружений в космосе. В ее развитие, согласно резолюции A/RES/72/250, Генеральная Ассамблея ООН, выражая сожаление по поводу тупиковой ситуации, в которую зашли дискуссии в рамках Конференции по разоружению (так и не принявшей собственную рабочую программу), обратилась к Генеральному Секретарю ООН с просьбой создать ГПЭ для проведения двух двухнедельных сессий (в 2018 г. и 2019 г.) в Женеве [24]. Их цель – формирование юридически обязывающего документа о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве, включая, в частности, предотвращение размещения оружия в космическом пространстве. Итоги работы ГПЭ будут представлены на 74-м заседании ГА ООН.

Таким образом, мы видим, что Россия и Китая на протяжении почти двух десятилетий совместно продвигают инициативы по международно-правовому закреплению режима космического пространства, свободного от оружия любого рода, демонстрируя общность подходов к обеспечению космической безопасности. Как ответственные акторы международных отношений, члены Совета Безопасности ООН, ведущие космические державы XXI века,

осознающие как открывающиеся возможности, так и уязвимости, присущие космической деятельности, оба государства последовательно реализуют политику недопущения военной деятельности в космосе.

Несмотря на постоянные препоны, чинимые США из соображений сугубо национальных интересов, как упоминалось выше, Россия и Китай неоднократно заручались многочисленной поддержкой других государств. Показательны в этом контексте ежегодные декларации лидеров стран БРИКС. С 2014 года в итоговых документах отражались приверженность стран-членов объединения использованию и исследованию космоса в мирных целях и призыв к проведению в рамках ООН инклюзивных многосторонних переговоров в целях выработки сбалансированного документа о предотвращении гонки вооружений в космосе на основе российско-китайского проекта ДПРОК [13]. В Йоханнесбургской декларации 2018 г. акцент был смещен на позитивные ожидания от создания Группы правительственных экспертов на фоне серьезной озабоченности стран «в связи с возможной гонкой вооружений в космическом пространстве и превращением космического пространства в арену для военной конфронтации» [13]. Поддержку российско-китайским инициативам высказывают с 2014 г. и коллеги по Шанхайской организации сотрудничества. Так, если в Душанбинской декларации главы государств-членов ШОС выступили за скорейшее начало переговоров по ДПРОК, а также за «содействие дальнейшей разработке и реализации международным сообществом мер по транспарентности и доверию в космической деятельности» [4], то в Циндаоской декларации Совета глав государств-членов ШОС 2018 г. Россия и Китай, совместно с Индией, Пакистаном, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном подчеркнули необходимость принятия практических мер по предотвращению гонки вооружений в космосе при непосредственном содействии со стороны ГПЭ ООН [20].

В заключение, эволюция вопроса сохранения космоса свободным для использования и исследования в мирных целях иллюстрирует, во-первых, прочность российско-китайского тандема, во-вторых, то, что декларируемые сторонами задачи реформирования системы глобального управления в пользу большей многополярности при центральной роли ООН [12] и противостояния вызовам глобальной и региональной безопасности [16] не просто закреплены на бумаге, но и находят практическое отражение. На фоне последних заявлений Президента США Дональда Трампа о создании Космических сил и ужесточении подхода к государствам-космическим соперникам [33], а также с учетом испытания Индией противоспутникового оружия [9], усилия России и Китая по урегулированию данного вопроса приобретают еще большую значимость. Остается надеяться, что выработка многостороннего юридически обязывающего документа о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов станет реальностью перед тем, как мы вступим в эпоху «звездных войн».

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Антонов А.И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – №4. – С. 190-197.
2. Военный космос [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/predotvrasenie-gonki-vooruzenij-v-kosmose/-/asset_publisher/wD2rNsftQhho/content/id/2344633 (дата обращения: 18.03.2019)
3. Группа правительственных экспертов по мерам транспарентности и укрепления доверия в космосе [Электронный ресурс]. URL: http://www.unoosa.org/pdf/gadocs/A_68_189R.pdf (дата обращения: 20.03.2019).
4. Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4750> (дата обращения: 20.03.2019).

5. Космос: оружие, дипломатия, безопасность / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 175с.
6. Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018. – 328 с.
7. Международные отношения России в «новых политических пространствах». Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / Отв. ред. А. Богауэров. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 272 с.
8. Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности [Электронный ресурс]. URL: http://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2017/a/a7265_0_html/A_72_065R.pdf (дата обращения: 20.03.2019).
9. МИД Индии выступил против гонки вооружений в космосе [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/kosmos/6264348> (дата обращения: 27.03.2019).
10. Предотвращение размещения оружия в космосе [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/predotvrasenie-razmesenia-oruzia-v-kosmose-spravka- (дата обращения: 18.03.2019).
11. Роскосмос и КНКА. Совместные исследования Луны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/24772/> (дата обращения: 10.03.2019).
12. Российско-китайская Совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 года [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902155> (дата обращения: 10.03.2019).
13. Саммиты и документы БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 10.03.2019).
14. Совместная декларация РФ и КНР о международном порядке в XXI веке 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/412066 (дата обращения: 10.03.2019).
15. Совместная декларация РФ и КНР по основным международным вопросам 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/240> (дата обращения: 10.03.2019).
16. Совместное заявление РФ и КНР 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5312> (дата обращения: 10.03.2019).
17. Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР об укреплении глобальной стратегической стабильности 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5098> (дата обращения: 10.03.2019).
18. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области применения глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и Бэйдоу в мирных целях [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/53430?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=китай&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 19.03.2019).
19. Тутнова Т.А. Развитие космической программы КНР в XX-XXI веке // История и современность. – 2014. – №1. – С. 161-181.
20. Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 20.03.2019)
21. China Hints At Surprise Space Station Launch, Says Its New Rocket Can Challenge SpaceX [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/jamiecartereurope/2019/03/05/china-hints-at-surprise-space-station-launch-says-its-new-rocket-can-challenge-spacex/#6f22894b3e80> (дата обращения: 06.03.2019).

22. Dick S.J., Launius R.D., eds., *Societal Impact of Spaceflight*. – Washington DC: Government Printing Office, 2007. – P. 353-369.
23. Draft Treaty on prevention of the placement of weapons in outer space [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/CD/1839> (дата обращения: 20.03.2019).
24. Further practical measures for the prevention of an arms race in outer space [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/A/RES/72/250> (дата обращения: 20.03.2019).
25. Gunter's Space Page: Orbital launches of 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://space.skyrocket.de/doc_chr/lau2018.htm (дата обращения: 18.03.2019).
26. Gunter's Space Page: Spacecraft by country [Электронный ресурс]. URL: https://space.skyrocket.de/directories/sat_c.htm (дата обращения: 18.03.2019).
27. Martel W., Yoshinara T. Averting a Sino - U.S. space race // *The Washington Quarterly*. – 2003. №26:4. – P. 19-35.
28. Moltz J. C. *Asia's Space Race: National Motivations, Regional Rivalries, and International Risks*. – New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2012. – 289 p.
29. New challenges in missile proliferation, missile defense and space security // *Center for Non-proliferation Studies. Occasional Paper № 12*. – 2005. – P. 49-55.
30. No first placement of weapons in outer space [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/A/RES/73/31> (дата обращения: 20.03.2019).
31. Proposed prevention of an Arms race in space (PAROS) Treaty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/proposed-prevention-arms-race-space-paros-treaty/> (дата обращения: 18.03.2019).
32. Space Domain Mission Assurance: A Resilience Taxonomy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hostedpayloadalliance.org/getattachment/Resources/White-Papers/Resilience-Taxonomy-White-Paper.pdf.aspx> (дата обращения: 18.03.2019).
33. Trump floats the idea of creating a 'Space Force' to fight wars in space [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnn.com/2018/03/13/trump-floats-the-idea-of-creating-a-space-force-to-fight-wars-in-space.html> (дата обращения: 18.03.2019)
34. UCS Satellite Database: In-depth details on the 1,957 satellites currently orbiting Earth [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ucsusa.org/nuclear-weapons/space-weapons/satellite-database#.WP5Jr31SCM9> (дата обращения: 18.03.2019).
35. U.N. Weighs a Ban on Weapons in Space, but U.S. Still Objects [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2008/02/13/world/europe/13arms.html> (дата обращения: 18.03.2019).
36. Working paper «Definition issues regarding legal instruments of the prevention of the weaponization of outer space» [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/CD/1779> (дата обращения: 20.03.2019).
37. Working paper «Existing international legal instruments and prevention of the weaponization of outer space» [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/CD/1780> (дата обращения: 20.03.2019).
38. Working paper «Possible elements for a future international legal agreement on the prevention of the deployment of weapons in outer space, the threat or use of force against outer space objects» [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/CD/1679> (дата обращения: 20.03.2019).
39. Working paper «Transparency and confidence-building measures in outer space activities and the prevention of placement of weapons in outer space» [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/CD/1778> (дата обращения: 20.03.2019).

Егорова Мария Владимировна, студентка 2 курса магистратуры
Амурский государственный университет
emv701@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И СТРАН «ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА» В РАМКАХ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАРКОТИКОВ

УДК 327

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения наркотиков в Юго-Восточной Азии в связи с наличием здесь такого наркотрафика, как «Золотой треугольник». С учетом этого была проанализирована внутренняя политика и наркоситуация стран, входящих в указанный наркотрафик, а также мероприятия, предпринятые в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества с таким региональным лидером, как Китай. Необходимо отметить высокую заинтересованность стран «Золотого треугольника» и Китая в снижении градуса актуальности проблемы наркотиков путем применения совместных усилий.

Ключевые слова и фразы: Китай, Лаос, Мьянма, Таиланд, «Золотой треугольник», наркотики, река Меконг

Maria Egorova, student of 2nd course of Master's programme
Amur State University
emv701@mail.ru

COOPERATION OF CHINA AND "GOLDEN TRIANGLE" COUNTRIES TO RESOLVE DRUG PROBLEM

Abstract. The present article is aimed to analyze the drug problem in South-East Asia because of drug traffic as "Golden Triangle" in the region. Due to this there were analyzed the internal policy and drug situation of countries, which included in this drug traffic as well as activities undertaken as a part of multilateral and bilateral cooperation with such major regional leader as China. It is necessary to notice that there are a high interest of "Golden Triangle" countries and China to reduce the degree of immediacy of drug problem through implication of joint efforts.

Key words and phrases: China, Laos, Myanmar, Thailand, "Golden Triangle", drugs, Mekong

Одной из особенностей современного мира, помимо набирающих обороты интеграционных процессов, является тот факт, что практически невозможно проводить политику изоляционизма. Положительная сторона данного явления – это выстраивание экономических, политических, культурных связей. Однако одна из оборотных сторон проявляется в росте транснациональной преступности, терроризме, международной наркоторговле. Это весьма четко можно увидеть на примере территории Юго-Восточной Азии, где расположен знаменитый наркотрафик «Золотой треугольник», результаты деятельности которого распространяется за пределы указанной территории, в том числе и на территорию Китая. Так, например, согласно данным доклада по борьбе с распространением наркотиков КНР, 90% изъятого героина (9,3 тонны) и метамфетамина (11,4 тонны) производится на территории «Золотого треугольника» [5]. Поэтому неудивительно, что для Китая важно предпринять доступные меры для решения и снижения градуса указанной проблемы в регионе, в том числе путем взаимодействия со странами данного широкоизвестного наркотрафика. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена растущей проблемой наркотиков и участием Китая и стран «Золотого треугольника» в ее решении.

Цель данного исследования – проанализировать взаимодействие Китая и стран «Золотого треугольника» в рамках решения проблемы наркотиков.

В рамках изучения указанной темы были использованы труды таких авторов, как С.И. Иоанесян, который рассматривает наркоситуацию в Юго-Восточной Азии и ее влияние на Россию. В свою очередь, И.Н. Комиссина анализирует наркоситуацию в Китае и возможные последствия для России. В труде Е.В. Колдуновой рассматриваются нетрадиционные угрозы безопасности в ЮВА, одно из которых является проблема наркотиков, из которой вытекает наркотерроризм. В своем исследовании А.М. Николаев уделяет внимание борьбе таможенных органов КНР с контрабандой наркотиков. Кроме этого, использовался также труд Парамесварана Прашанта (Parameswaran Prashanth), который изучает отношения между Китаем и Мьянмой через призму изменений наркоситуации в регионе.

В первую очередь следует определить, что понимается под «Золотым треугольником». Так, большинство исследователей сходятся во мнении, что наркотрафик сформирован на территории таких стран, как Лаос, Таиланд и Мьянма. Некоторые ученые расширяют ареал, добавляя китайскую провинцию Юньнань, а также гористый северо-восток Вьетнама [4, с. 46].

Как отмечает С.И. Иоанесян, истории «треугольника» уже более 100 лет. Взимаемые колониальными властями «опиумные налоги» с крестьян Индокитая были превращены в источники опиумного сырья. В 1960-1970-х гг. объем вывозимого наркотического сырья резко возрос на фоне идущей войны. Это послужило благодатной почвой для формирования незаконных наркоструктур и связанных с ними лабораторий по производству героина, марихуаны и других галлюциногенных средств [4, с. 46].

В Мьянме (до 1989 г. носила название Бирма) после окончания британского колониального режима началась гражданская война между новым бирманским правительством и множеством группировок, объединенных по этническому или идеологическому признаку, в частности шаны, а позднее к ним присоединились подразделения армии Гоминьдана. Шаны ранее заселяли район «Золотого треугольника» и занимались выращиванием опиумного мака в целях народной медицины, однако с развитием незаконного оборота наркотиков в целом в мире, выращивание данного растения стало весьма прибыльным занятием. Соответственно полученные доходы шли на финансирование борьбы с правительством [1].

С географической точки зрения, район «Золотого треугольника» также является весьма привлекательным. Дело в том, что благоприятная климатическая и географическая расположенность предопределила «успех» развития данного наркотрафика, а именно: горы, джунгли, слияние двух рек – Руака и Меконг, который со своими многочисленными притоками является главной водной артерией всего Индокитая. Благодаря этому решалась одна из проблем наркобизнеса – транспортировка. Так, имея доступ к такой реке, как Меконг, наркоторговцы на рыболовных судах могли доставлять свой товар в любые точки полуострова [1].

На сегодняшний день «Золотой треугольник» продолжает оставаться вторым по масштабности наркотрафиком после «Золотого полумесяца», отмечается, что хотя производство в целом наркотиков в Индокитае не уменьшилась, но локализация стала более размытой. Кроме этого, регион заполнен нелегальными мигрантами, в том числе из Китая, которые занимаются незаконными видами деятельности. Согласно «Всемирному докладу о наркотиках» за 2016 г., подготовленному Управлением ООН по наркотикам и преступности, в Азии растет незаконный оборот кокаина, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии. Среднегодовой объем изъятий вырос больше, чем в три раза: с 0,45 тонны в год в период с 1998 г. по 2008 г. до 1,5 тонны в год за период с 2009 г. по 2014 г. [2].

Кроме этого, как отмечает Е.В. Колдунова, в последнее время появилась тенденция к появлению феномена «наркотерроризм». Анализируя данные правительственной комиссии по расследованию событий на юге Таиланда, было выявлено, что в южных провинциях страны происходит формирование новых маршрутов наркотранспортировки, доходы от которых идут в финансирование терроризма. Помимо этого, еще одной отличительной чертой сепаратистского движения в Таиланде является деление крупных сепаратистских группировок на

более мелкие, которые, в свою очередь, становятся криминальными структурами. Даже несмотря на то, что в регионе наметилась сокращение культивирования опиумного мака, он все еще является крупным производителем опиума и героина. Например, героин производится в лабораториях на северо-востоке Мьянмы, а затем транспортируется через Китай в Австралию и Северную Америку [7].

Здесь же необходимо отметить наркоситуацию в Лаосе, где в целом намечено улучшение сложившейся атмосферы, однако из-за ряда социально-экономических проблем, например бедность, проблема остается достаточно острой. В рамках борьбы с проблемой наркотиков около 30 % деревень имеют статус «свободных от наркотиков», притом что и в них местные жители употребляют наркотики. Согласно данным правительства Лаоса, в стране насчитывается ориентировочно 10 тысяч потребляющих опиум и 44 тысяч зависимых от метамfetамина, при этом население страны около 6,8 млн. человек. Ситуация осложняется еще и тем, что механизма контроля указанного статуса в стране нет, плюс наличие общих интересов наркоторговцев и местных властей также негативно сказывается на общей ситуации в стране [9]. Тем не менее, благодаря помощи международных организаций и ряда государств (Китай, США, Таиланд), в Лаосе осуществляются мероприятия по переселению крестьянских семей, по замещению выращивания наркотических культур другими, пропаганде употребления наркотиков, также ужесточился контроль самого государства в данной проблеме путем пересмотра уголовного законодательства, продолжают строиться реабилитационные центры [4, с. 49].

Немного хуже ситуация обстоит в Мьянме, где, как отмечает С.И. Иоанесян, ситуация начала меняться из-за нажима извне, а именно со стороны членов АСЕАН ввиду принятия страны в члены организации. Вообще политику стран «Золотого треугольника» характеризуют как политику «кнута и пряника» из-за микса достаточно жестких мер в борьбе с наркodelьцами и несколько поощрительных в отношении производителей мака, которые отказались от его выращивания [4, с. 50].

Поэтому в целом отмечается, что борьба с опиатами в Юго-Восточной Азии в XX-XXI вв. имеет определенные успехи. Важным фактором является активная деятельность самих стран региона. Особенно это характерно для Таиланда, где к рубежу веков была ликвидирована сеть предприятий по производству героина, создана система профильных лечебных учреждений, а также начала действовать программа реплантаций опиумного мака. Туристов, приезжающих на отдых в Таиланд, водят на экскурсии в район «Золотого треугольника» и в единственный в мире Музей опиума, отмечая, что производство наркотиков здесь более не актуально. Однако успешно проводимая наркополитика тайского правительства негативно отразилась на ситуации в Лаосе, куда переместился вектор наркотического транзита [1; 4, с. 49-50].

И все же, анализируя все вышеуказанное, одной главной целью наркотрафика является Китай. Причины просты: большая численность населения, растущий уровень дохода, широкий рынок сбыта, а также наличие повстанческих группировок на границе Китая и Мьянмы, что весьма облегчает перевозку запрещенных веществ [1].

В свою очередь, рассматривая наркоситуацию в Китае, следует отметить, что в середине XX в. благодаря следующим мерам, предпринятым Центральным правительством, наркотики в Китае были практически уничтожены:

- закрытие опикурилен;
- уничтожение посевов мака;
- направление употребляющих на принудительное лечение;
- разработка и создание антинаркотических препаратов и т.д. [8].

Таким образом, проводимая политика способствовала значительному улучшению наркотического климата в стране, тем не менее после 1980-х гг. из-за изменения внешнеполитического курса правительства в сторону большей открытости, а также некоторого ослабления контроля в данной сфере, как следствие, начал меняться наркостатус страны. Кроме этого, как говорилось выше, определенное влияние на изменение наркостатуса Китая оказал и та-

кой внешний фактор, как то, что производители наркотиков из стран «Золотого треугольника» начали выращивать их вблизи китайских границ [16]. В целом на территории Китая можно выделить два основных канала передвижения наркотических веществ:

1. «Южно-китайский коридор», который включает в себя четыре основных маршрута, а именно:

- «Золотой треугольник» – Жуйли – Гуанчжоу – Гонконг;
- «Золотой треугольник» – Куньмин – восточное побережье Китая – Тайвань;
- «Золотой треугольник» – Юньнань – территория внутреннего Китая;
- «Золотой треугольник» – Шанхай – территория Европы и Японии.

2. Канал «Северный Китай», где основным поставщиком является так называемый «Золотой полумесяц», включающий территории таких стран, как Афганистан, Пакистан и Иран. Здесь особую популярность имеют следующие два пути:

- «Золотой полумесяц» – Лхаса – Чэнду – внутренний Китай;
- «Золотой полумесяц» – Урумчи – Ланьчжоу – Сиань – территория севера Китая [11].

Т.е., в наркотрафик вовлечена действительно обширная территория Китая.

Согласно неофициальным данным сегодня в Китае около 3 млн. зарегистрированных потребителей наркотиков, а тех, кто хоть раз пробовал наркотики, – 14 млн. Наибольшее количество среди потребителей занимают мужчины в возрасте до 35 лет (более 83 %). При этом существенная доля (около 80 %) среди них приходится на молодых преуспевающих граждан и сельскую молодежь [8].

В рамках решения проблемы наркотиков в исследовании Г.В. Зазулина и Н.А. Фролова выделяются следующие направления антинаркотической политики Китая:

1. Постоянное усиление законодательства, речь идет не только о введении в силу новых законодательных актов, но и ужесточении действующих, в них определяются как виды преступной деятельности, так и меры наказания, вплоть до смертной казни.

2. Решительное пресечение преступной деятельности путем усиления пограничного контроля, т.к. преимущественно наркотики, поступающие на территорию Китая, идут из-за границы.

3. Строгий контроль за химикатами, являющимися сырьем для изготовления наркотиков: так, например, был введен порядок лицензий на экспорт 22 видов химикатов;

4. Лечение и спасение наркозависимых, в том числе принудительно.

5. Проведение воспитательно-пропагандистской работы среди населения, особенно среди молодежи и подростков.

6. Международное сотрудничество в борьбе с проблемой наркотиков [3].

В основном законодательство стран на предмет строгости по наркопреступлениям делит на четыре группы в зависимости от характера уголовной политики. Китай относится к третьей группе стран, т.е. из-за наиболее строгого отношении к такому роду преступлений и наличия суровой меры наказания [15].

Так, в соответствии с Уголовным кодексом КНР от 1979 г. преступления, связанные с наркотиками, закреплены в параграфе 7, включающем в себя 11 статей (с 347 по 357). Уголовный кодекс закрепляет, что понимается под наркотиками (статья 357): «Под наркотиками в настоящем Кодексе подразумеваются опиум, героин, метилфениламин («ледяной наркотик»), морфий, конопля, кокаин, а также иные, находящиеся под контролем государства, наркотические и психотропные вещества, способные вызывать привыкание». А согласно части 2 статьи 347: «Контрабанда, продажа, транспортировка и изготовление наркотиков при наличии любого из ниже перечисленных обстоятельств – наказываются лишением свободы на срок 15 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью». Под обстоятельствами подразумевается: контрабанда, продажа, транспортировка и изготовление свыше 1000 гр. героина или свыше 50 гр. метилфениламина; руководство группой, занимающейся указанными действиями; вооруженное прикрытие указанных действий; оказание сопротивления при досмотре; участие в международной незаконной торговле. Кроме этого, Кодекс также

устанавливает наказания за незаконное выращивание растительных наркотиков (снотворного мака, конопли и других растений) [13].

Примером жесткости законодательства Китая за наркопреступления может служить недавний приговор к смертной казни за контрабанду, производство и укрывательство преступных элементов бывшего секретаря ячейки КПК деревни Бошэ Цай Дунця по результатам суда 2016 г., данное решение было оставлено в силе даже после подачи апелляции в августе 2018 г. [13]. На территории деревни Бошэ, расположенной в пределах города Луфэн провинции Гуандун, известной также как «первая деревня наркопроизводителей» 29 декабря 2013 г. прошла крупная операция. Более 3-х тысяч полицейских оцепили деревню для зачистки от наркотиков. О подробностях операции полицейские узнали за два часа, сигналы мобильных телефонов были заблокированы, что не позволило «слить» информацию о готовящемся рейде [5; 13].

Кроме этого, в период с сентября по декабрь 2014 г. полиция Китая произвела арест более 60 тысяч подозреваемых в наркопреступлениях, а в целом за 2014 г. взято под арест более 880 000 потребителей наркотиков, из них на детоксикацию направлено 264 000 человека, 197 000 прошли реабилитационную программу [9]. Одним из примеров влияния «Золотого треугольника» служит задержание таможенными службами г. Куньмин (провинция Юньнань) партии контрабандных наркотиков (метамфетамина) весом 72,6 кг, следовавшей из Мьянмы [10]. В связи с этим неудивительно активное участие Китая в решении данной проблемы в регионе.

Можно выделить следующие формы взаимодействия Китая и стран «Золотого треугольника» в рамках решения проблемы наркотиков:

1. Осуществление совместных операций: так 06.01.2018 г. китайские государственные СМИ сообщили о результатах еще одной совместной операции Китая и Мьянмы. По словам Синьхуа, бюро по контролю над наркотиками в отделе общественной безопасности провинции Юньнань сообщило об аресте трех подозреваемых: двоих из Китая и одного из Мьянмы и об изъятии 160 кг наркотиков [20].

2. Проведение конференций, встреч: Китай активно участвует в международных конференциях, посвященных вопросам борьбы с наркотиками. Так, в 90-х XX в. в Китае и Мьянме прошли международные мероприятия в рамках борьбы с наркотиками, в которых приняли участие как чиновники Китая, Таиланда, Мьянмы, так и представители Управления ООН по наркотикам и преступности. Результатом таких встреч стало подписание двусторонних соглашений о сотрудничестве в борьбе с наркотиками с США, Россией, Канадой, Колумбией и другими странами [10]. Также примером двустороннего сотрудничества является подписанное между Китаем и Таиландом совместное коммюнике в августе 2001 г., в котором в п. 7 подчеркнули: «...плодотворное сотрудничество двух стран в международных и региональных делах. Они приветствовали созыв и положительные результаты конференции министров Китая, Лаоса, Мьянмы и Таиланда по контролю над наркотиками, состоявшейся в Пекине 27-28 августа 2001 г. Обе стороны согласились, что более тесное сотрудничество между четырьмя странами в борьбе с незаконными наркотиками будет способствовать подавлению преступлений, связанных с наркотиками, в регионе и содействовать миру и развитию. Тайская сторона также выразила удовлетворение в связи с большей поддержкой и сотрудничеством Китая в эффективном осуществлении четырехстороннего сотрудничества в борьбе с проблемами незаконных наркотиков. Признавая успех Министерской конференции, организованной Китаем, обе стороны выразили решимость продвинуть процесс вперед» [21]. С целью укрепления сотрудничества между КНР, Лаосом и Вьетнамом в июне 2017 г. было создано Управление по контролю за оборотом наркотиков. Аналогичные управления были уже созданы ранее с Мьянмой, Лаосом и Вьетнамом, начиная с 2002 г. для покрытия особо криминогенных районов вдоль границы между странами [6].

3. Осуществление совместных мероприятий: например, одним из совместных мероприятий стало патрулирование реки Меконг отрядами, совместно созданными Китаем, Лаосом, Мьянмой и Таиландом. Стимулом к созданию такого рода отрядов стала ситуация, в ре-

зультате которой было убито 13 граждан КНР в октябре 2011 г. По итогам расследования было выявлено, что преступление совершила группа военных из Таиланда, занимавшихся контрабандой наркотиков из Мьянмы. Средства на оплату патрулей взяла на себя китайская сторона. Помимо этого, Китай финансирует вооружение и обучение полицейских Лаоса и Мьянмы [1].

4. Взаимодействие в рамках международных организаций, здесь одним из примеров служит взаимодействие в рамках такой международной организации, как АСЕАН. Так, между АСЕАН, членами которой являются и страны «Золотого треугольника», и Китаем в 2002 г. заключен Меморандум о взаимопонимании в сфере нетрадиционных угроз безопасности, куда отнесена, в том числе, проблема наркотиков, помимо терроризма, торговли людьми, отмывания доходов и т.д. Статьей 2 данного Меморандума уточняются зоны взаимодействия для решения указанных угроз безопасности:

- «1. Обмен опытом;
2. Обмен персоналом и совместные тренировки;
3. Взаимодействие правоохранительных действий;
4. Совместные исследования» [19].

Кроме этого, Китай также выступил с инициативой создать орган по борьбе с наркотиками в рамках структуры Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Инициатива вызвана большим потоком наркотиков из «Золотого треугольника» и «Золотого полумесяца», создание данного органа будет способствовать обмену данными, проведению расследований и правоохранительных операций [12].

Помимо международного сотрудничества в рамках решения проблемы наркотиков, Китай еще активно настраивает двусторонние контакты. Например, в ноябре 2017 г. после посещения китайского лидера Лаос и Китай выпустили совместное заявление об обязанности развивать всеобъемлющее партнерское сотрудничество на основе взаимного доверия, помощи и обмена опытом, особенно в следующих сферах: дипломатия, экономика, право, сельское хозяйство (в том числе в разрезе культивации наркотических культур), энергетика и телекоммуникации [18].

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что наркоситуация в регионе продолжает оставаться тяжелой. И если раньше производство наркотиков было локальным, то теперь оно стало более размытым, что означает большую мобильность наркопроизводителей и что весьма затрудняет решение указанной проблемы. Тем не менее, стоит сказать о вероятности изменения общей ситуации из-за вступления в активную борьбу одного из региональных лидеров – Китая, который стремится расширить свое влияние в регионе, в том числе путем взаимодействия со странами «Золотого треугольника» в рамках проблемы наркотиков. Иными словами, решение проблемы наркотиков в Индокитае, можно сказать, выходит на новый уровень, ведь в регионе появился сильный лидер, который способен возглавить и скоординировать работу данных стран.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Бокарев Д. «Золотой треугольник» в китайском кольце [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/12/28/zolotoj-treugol-nikh-v-kitaj-skom-kol-tse/> (Дата обращения: 12.03.2019).
2. Всемирный доклад о наркотиках за 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/doc/wdr2016/WDR_2016_ExSum_russian.pdf (Дата обращения: 26.11.2017).
3. Зазулин Г.В., Фролова Н.А. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт [Электронный ресурс]. URL: http://www.narkotiki.ru/5_5632.htm (Дата обращения: 09.04.2018).
4. Иоанесян С.И. Россия и ситуация с наркотиками в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2007. – № 10. – С.

- 45-52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-situatsiya-s-narkotikami-v-yugo-vostochnoy-azii> (Дата обращения: 05.02.2018).
5. Китай подсчитал: львиная доля наркотиков ввозится в него из стран «золотого треугольника» [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravda.ru/news/world/1264467-cinf_narko/ (Дата обращения: 11.03.2019)..
 6. КНР, Лаос и Вьетнам создали управление по контролю за оборотом наркотиков [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2290639.html> (Дата обращения: 11.03.2019).
 7. Колдунова Е.В. Нетрадиционные аспекты безопасности в Юго-Восточной Азии: характерные черты и тенденции эволюции [Электронный ресурс] // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2006. – № 9. – С. 80-92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/netraditsionnye-aspekty-bezopasnosti-v-yugo-vostochnoy-azii-harakternye-cherty-i-tendentsii-evolyutsii> (Дата обращения: 12.03.2019).
 8. Комиссина И.Н. Наркоситуация в Китае: последствия для России // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 1 (22) [Электронный ресурс]. URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/1/09_.pdf (Дата обращения: 09.04.2018).
 9. Лаос: «Употребление наркотиков – война, которая разрушает нашу страну» [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/1997677.html> (Дата обращения: 11.03.2019).
 10. Николаев А.М. Борьба таможенных органов КНР с контрабандой наркотиков [Электронный ресурс] // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2015. – №. 3 – С. 87-95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-tamozhennyh-organov-knr-s-kontrabandoy-narkotikov> (Дата обращения: 11.03.2019).
 11. Проблема наркотиков в Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/627/635/11492.html#top> (Дата обращения: 12.04.2018).
 12. СМИ: Китай планирует создать в структуре ШОС орган по борьбе с наркотиками [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5266427> (Дата обращения: 30.03.2019).
 13. Суд оставил в силе приговор к смертной казни в отношении бывшего партийного секретаря деревни наркопроизводителей [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/40512019-sud-ostavil-v-sile-prigovor-k-smertnoy-kazni-v-otnoshenii-byvshego-partiynogo-sekretarya-derevni-narkoproizvoditeley/?updated> (Дата обращения: 27.03.2019).
 14. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (Дата обращения: 12.10.2018).
 15. Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Ответственность за незаконный оборот наркотических средств в зарубежном законодательстве [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-nezakonnyu-oborot-narkoticheskikh-sredstv-v-zarubezhnom-zakonodatelstve> (Дата обращения: 13.10.2018).
 16. Drug users exceed 14 mln in China [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-05/11/c_134229789.htm (Дата обращения: 12.04.2018).
 17. International Narcotics Control Strategy Report Volume I Drug and Chemical Control, March 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalsecurity.org/security/library/report/2017/narcotics-control-strategy-report_20170302_vol1.pdf (Дата обращения: 12.04.2018).
 18. Laos, China issue joint statement affirming stronger cooperation [Электронный ресурс]. URL: <https://en.vietnamplus.vn/laos-china-issue-joint-statement-affirming-stronger-cooperation/121768.vnp> (Дата обращения: 28.03.2019).
 19. Memorandum of Understanding Between The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and The Government of the People's Republic of China On Cooperation in the Field of Non-traditional Security Issues [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.asean.org/storage/images/archive/documents/ASEAN-ChinaMOUonNTS.pdf>
(Дата обращения: 09.04.2018).

20. Parameswaran Prashanth China-Myanmar Security Operation Spotlights Big Drug Challenge [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/china-myanmar-security-operation-spotlights-big-drug-challenge/> (Дата обращения: 28.03.2019).
21. The China-Thailand Joint Communiqué 2001/08/29 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t15773.shtml (Дата обращения: 27.03.2019).

Журавель Наталья Анатольевна, канд. истор. наук
Кафедра религиоведения и истории
Амурский государственный университет
natalyzhuravel@mail.ru

УЧАСТИЕ КИТАЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА МУЗЕЕВ В XXI ВЕКЕ

УДК 327

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления и особенности взаимодействия КНР и Международного совета музеев (ИКОМ) в XXI веке.

Ключевые слова и фразы: Китайская Народная Республика, Международный совет музеев, Красный список, культурные памятники, культурные ценности, международное культурное сотрудничество, музей.

Natalia Zhuravel, Ph. D. in History,
Department of Religion studies and History
Amur state university
natalyzhuravel@mail.ru

THE PARTICIPATION OF CHINA IN THE ACTIVITY OF THE INTERNATIONAL COUNCIL OF MUSEUMS IN THE XXI CENTURY

Abstract. The author examines the main directions and peculiarities of cooperation between China and ICOM in the twenty-first century.

Key words and phrases: People's Republic of China, International council of museums (ICOM), Red list, cultural monuments, cultural heritage, international cultural cooperation, museum.

Культурное сотрудничество является неотъемлемой частью международного взаимодействия. Особенно активно оно стало развиваться после Второй мировой войны, когда остро встал вопрос о возвращении и сохранении культурных ценностей. За вторую половину XX века свое развитие получило множество международных организаций разного уровня и направленности, сформировалась нормативно-правовая база культурного взаимодействия. Мировая общественность осознала общечеловеческую ценность культурных достижений разных народов, и необходимость совместных усилий по их сохранению и возможности культурного обмена. В XXI веке новый импульс культурному сотрудничеству придает реализация концепции «мягкой силы» во внешней политике государств. Развитие культурных связей активно способствует формированию более гармоничных отношений между государствами, так как они несут в себе значительный гуманистический потенциал. Также культурные связи способствуют созданию более эффективной среды для мирного диалога по разным вопросам. А.А. Александров отмечает, что музеи в информационном обществе становятся символом, воздействующим на сознание людей, включая формирование оценки прежних и современных реалий других стран. Музейное дело стало пространством дипломатического взаимодействия [2, с. 341, 346-347]. Музея стали неотъемлемой составляющей туристического бизнеса и являются участниками современных интеграционных процессов. Наконец, международная музейная деятельность способна содействовать повышению престижа страны, формированию ее привлекательного имиджа.

Важной формой организации международного культурного сотрудничества стал Международный совет музеев (ИКОМ), созданный в 1946 г. На настоящий момент главная цель организации состоит в том, чтобы объединять музеи и музейных профессионалов, «деятельность которых направлена на охрану и популяризацию природного и культурного наследия – прошлого и будущего, материального и нематериального». ИКОМ активно сотрудничает с такими организациями, как ЮНЕСКО, Экономический и социальный совет ООН, Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Интерполом, Международным комитетом Голубого щита и Всемирной таможенной организацией [6]. Для КНР участие в работе организации подобной ИКОМ является возможностью реализовать свои политические, экономические и гуманитарные интересы, повысить свой статус и укрепить благоприятный имидж.

Цель статьи – характеристика участия КНР в деятельности Международного совета музеев в XXI веке. Исследование данной проблемы является актуальной в виду отсутствия соответствующих работ в отечественной науке, возможности оценки и практического применения опыта деятельности Китая, более объективного понимания всего комплекса внешней культурной политики одного из ведущих государств мира.

По мнению Лайшун Ана началом музейного строительства можно считать открытие в 1905 г. Жанг Йаном на собственные средства первого музея. Правительство династии Цин не проявило заинтересованности в поддержке данной инициативы. После Синьхайской революции открываются первые крупные государственные музеи. В 1935 г. организуется Китайская ассоциация музеев [3, с. 55-56].

Сун Донгай предложил следующую периодизацию развития музейного дела в Китае в XX веке. Первый период приходится на 1930-е гг. В это время число музеев достигает 77, музееведение оформляется как научная дисциплина, музейная практика Китая находится под влиянием западноевропейских стран, США и Японии. Эпоха серьезных внутренних и внешних потрясений приводит музейное дело в кризисное состояние.

Второй период Сун Донгай связывает с 1950-ми годами, для которых характерно распространение идеологии марксизма-ленинизма и советской модели музейного дела. Намечавшееся движение вперед снова было прервано – теперь событиями «культурной революции» 1966-1976 гг.

Третий период начинается в 1980-е гг. Происходит возрождение музейного дела и музеелогии, начался поиск национальной модели музейной деятельности. Среди основных достижений данного периода Лайшун Ан называет следующие:

- многократный рост количества музеев;
- возрождение Китайского музейного общества и организация местных музейных ассоциаций;
- открытие специальные научные институты;
- проведение научных симпозиумов, исследований;
- пересмотр функций музея, положения музея в обществе, освобождение от идеологической зашоренности [3, с. 55-57].

Для классификации музеев в КНР, как правило, используют два критерия. Во-первых, профиль деятельности. Согласно ему выделяют «исторические, художественные, естественнонаучные, отраслевые, комплексные и прочие» [4, с. 75]. Во-вторых, административная принадлежность. Музеи КНР подразделяются на государственные учреждения, общественные и частные. Последние считаются «негосударственными предприятиями» [4 с. 75].

Именно в 1980-е гг. происходит преодоление замкнутости развития музейного дела КНР. В 1983 г. Китай становится полноправным членом ИКОМ. Дополнительным фактором активизации деятельности страны в ИКОМ стало образование в 2009 г. Комитет музеелогии КНР [8].

Активная роль КНР в деятельности ИКОМ поощряется введением представителей страны в руководство комитетами и организацией в целом. Так в настоящее время Лайшун

Ан избран вице-президентом Исполнительного комитета ИКОМ. Данный орган избирается и осуществляет реализацию стратегий, определенных Генеральной Ассамблеей, обеспечивает надлежащее управление организацией и в частности ее Секретариатом, контролирует различные ресурсы (финансовые, человеческие, интеллектуальные и технические) и их развитие. В его обязанности также входит защита репутации ИКОМ, формирование общественного мнения [10]. Т.о., Китай имеет возможность оказывать принципиальное влияние на деятельность организации.

Также представители Китая входят в Рабочую группу ИКОМ по устойчивому развитию (Чжао Ян), в руководство или членский состав различных постоянных комитетов, например: Международный комитет по сохранению (Пан Лу), Международный комитет по аудиовизуальным средствам, новым технологиям и социальным медиа (Ху Цзянь), Международный комитет по музейной безопасности (Тянь Кай) и др.[11; 23] Примечательно, что в некоторых новостных комментариях КНР представителей Тайваня в ИКОМ, а также мероприятия ИКОМ, проводимые на Тайване, зачастую квалифицируются как относящиеся к КНР.

В знак особых заслуг в ходе 23-го совещания Генеральной конференции ICOM, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 2013 г., профессор Чжан Вэньбинь получил звание почетного члена ИКОМ за выдающийся вклад в области музеев и наследия на местном, региональном и международном уровнях [14].

Национальный комитет ИКОМ-Китай, который на сегодняшний день возглавляет Цян Гуань, был образован одновременно со вступлением в организацию [8]. Комитет поддерживает дружеские связи с Национальными комитетами Великобритании, Голландии, Индии, Испании, Италии, Канады, Республики Кореи, РФ, США, Франции, ФРГ и Японии [25]. Особенно заметным является сотрудничество Национальных комитетов Китая и Великобритании. Оно проявляется в нескольких аспектах:

- содействие установлению контактов между музеями стран;
- совместной организации выставок;
- содействие в подписании различных договоров и соглашений о культурном обмене, сотрудничестве;
- организации встреч музейных сотрудников и исследователей и др.

Например, в 2012-2013 годах в Китае была проведена выставка из более 80 произведений искусства, принадлежащих 17 музейным организациям Северо-Запада Англии. Выставка перемещалась по 7 музеям: Музей мирового искусства в Пекине, Музей провинции Ляонин, Музей провинции Цзянси, Музей искусств Гуандуна, Музей провинции Хэнань, музей провинции Хунань. Выставка привлекла более 3 млн. посетителей и широкое внимание СМИ.

Представители ИКОМ-Великобритания активно размещают на своем сайте материалы о международных проектах, проводимых в КНР под эгидой ИКОМ; берут интервью у китайских специалистов, организующих выставки; распространяют рекомендации по работе с китайскими музеями и др. [5; 8; 22; 25].

Помимо Национальных комитетов в организации работает 30 Международных комитетов. Их задача заключается в определении стандартов, разработке рекомендаций, обмене профессиональным опытом и научной информацией с членами ИКОМ. На этом уровне Китай развернул достаточно бурную деятельность, предоставляя свою территорию, организационные услуги, музейные площадки и специалистов.

В 2013 году было подписано Рамочное соглашения между ИКОМ, Дворцовым музеем и ИКОМ Китай, который определяет основные параметры сотрудничества в виду открытия Международного учебного центра музейных исследований ИКОМ в Пекине. Целью Центра является содействие исследованиям и обменам между музеями на международном уровне, а также профессиональное совершенствование специалистов из развивающихся стран, особенно из Азиатско-Тихоокеанского региона. ИКОМ Китай и Дворцовый музей заявили себя как партнеры Центра, берущие на себя обязательство оказывать поддержку с точки зрения мате-

риально-технического обеспечения и людских ресурсов. ИКОМ, должен оказывать различную поддержку, особенно в разработке содержания программ для стажеров. Для этого была организована группа международных экспертов, которые предложили рекомендации и указания по учебной программе Центра, а также оценили профессиональные запросы и ожидания музейных специалистов из Китая и других регионов [17].

С 2014 года Центр ежегодно объявляет конкурс на участие в его образовательных программах, которые проходят дважды в год – весной и осенью. Тематика учебного семинара постоянно обновляется:

- «Лучшие практики управления музеями в разнообразном и трансформирующемся мире», 2013 г.;
- «Музейные коллекции связывают», 2014 г.;
- «Обучение в музеях», 2014 г.;
- «Выставки в музеях», 2015 г.;
- «Увлекательный музей», 2015 г.;
- «Музеи сегодня: от коллекционирования до маркетинга», 2015 г. (специальный семинар для музейных сотрудников Африки);
- «Современная практика управления музеями», 2016 г.;
- «Коллекционирование предметов, сторителлинг», 2016 г.;
- «Мой музей, твой музей: развитие значимого опыта для посетителей всех возрастов», 2017 г.;
- «Проектирование привлекательных музейных выставок», 2017 г.;
- «Современное управление музеем», 2018 г.;
- «Актуальный и привлекательный музей», 2018 г.;
- «Современные вызовы музейных коллекций», 2019 г. [12; 13; 21]

Центр разрабатывает программы с участием международных и китайских экспертов, которые читают лекции и проводят дискуссии и мероприятия, связанные с современными потребностями, такими как участие сообщества, социальная роль музеев, развитие партнерских отношений, музейная этика и т.д. Для проведения семинара привлекаются ведущие специалисты в области музеологии и опытные эксперты-практики Китая, Австралии, Канады, Франции, Италии, Южной Африки и др.

Участники проходят конкурс. В зависимости от места в таблице членства в ИКОМ, они могут претендовать на полный или частичный грант. Как правило, соотношение участников выстраивается по схеме: первая половина – это представители Китая, вторая – международные участники [12; 13; 21]. Таким образом, Китай, с одной стороны, получает дополнительную возможность перенять современный инновационный опыт развития музеев для решения проблем собственных музеев, а с другой стороны, повышает свой престиж в международной среде, оказывая гуманитарную поддержку различным странам, особенно слаборазвитым в социально-экономическом плане.

ИКОМ включает в себя 6 региональных альянсов, среди которых присутствует Региональный альянс стран Азиатско-тихоокеанского региона (ИКОМ АСПАК). В альянс входит 25 Национальных комитетов ИКОМ стран региона. Одним из 9 членов правления, избранного на период 2016-2019 гг. является представитель Китая – Вэн Цзюнь. Китай принимал ежегодную Ассамблею ИКОМ АСПАК в 2012 г. в Ухане. На повестку была поставлена тема «Современные музеи: междисциплинарные подходы» [7; 11; 16]. Китай традиционно поддерживает активное участие представителей альянса в семинарах своего Центра.

Безусловно, что Китай становится площадкой для крупномасштабных мероприятий ИКОМ. Так, с 7 по 12 ноября 2010 г. в Шанхае прошла XXII Генеральная конференция ИКОМ – «Музеи для гармоничного общества». В мероприятии приняло участие 3600 человек. В повестку дня было включено три вопроса:

- защита и сохранение всех форм культурного наследия, особенно в регионах, где наследие находится под угрозой вследствие вооруженных конфликтов, климатических изменений, нелегальной торговли;

- улучшение качества профессиональной деятельности музеев на основе инновационных методик и технологий, таких как документирование, исследование, хранение, коммуникация и образование [1; 8].

В 2015 г. Международный комитет по музейной безопасности ИКОМ провел свою ежегодную конференцию в Чжэнчжоу на тему «Наука и технологии» [24].

В 2018 г. при сотрудничестве Международного комитета по музеям и коллекциям науки и технологий ИКОМ, ИКОМ Китай, Музея науки и техники Пекина и Китайской ассоциация музеев естествознания в Пекине была проведена конференция «Научные выставки: от идеи до вернисажа» [9].

В том же 2018 г. при содействии ИКОМ и ИКОМ Китай прошел Форум молодых музейных специалистов «Музеи как передовое пространство» [15] и др.

В сентябре 2020 г. Китай примет крупную конференцию под эгидой Международного комитета по сохранению ИКОМ «Преодоление границ: интегрированные подходы к сохранению» [8].

В последнее время Китай активизировал свое сотрудничество с Международным комитетом университетских музеев и коллекций ИКОМ. Было подписано два соглашения. Первое нацелено на повышение узнаваемости университетских музеев и коллекций с помощью современных технологий. Второе соглашение предполагает перевод на китайский язык журнала, издаваемого комитетом [20]

Важным направлением деятельности ИКОМ является составление и публикация так называемых Красных списков. В них представлены категории культурных объектов, которые могут быть подвергнуты краже и трафику. Цель публикации - помочь отдельным лицам, организациям и органам власти, таким как сотрудники полиции или таможи, выявлять объекты, подвергающиеся риску, и предотвращают их незаконную продажу или экспорт. Первый Красный список был опубликован в 2000 г. и посвящен Африканским археологическим объектам. Списки публикуются на разных языках в соответствии с контекстом каждого. Красные списки находятся в свободном доступе в цифровом формате, а буклеты распространяются в первую очередь среди правоохранительных органов [1].

Красный список культурных объектов Китая был опубликован в 2010 г. Среди 49 предметов названы:

- изделия из текстиля,
- нумизматика,
- элементы архитектуры,
- книги и документы,
- картины и каллиграфия,
- изделия из камня, золота, серебра, бронзы, железа,
- скульптура,
- керамика [19, с. 4-7].

Вместе с ИКОМ в составлении списка участвовали Информационно-консультационный центр по культурным реликвиям Китая, Дворцовый-музей, Китайский музей нумизматики, Исторический музей Шэньси, Музей этнических костюмов Пекинского института технологии моды, Музей Цзинчжоу и Музей Уданшань [19, с. 3].

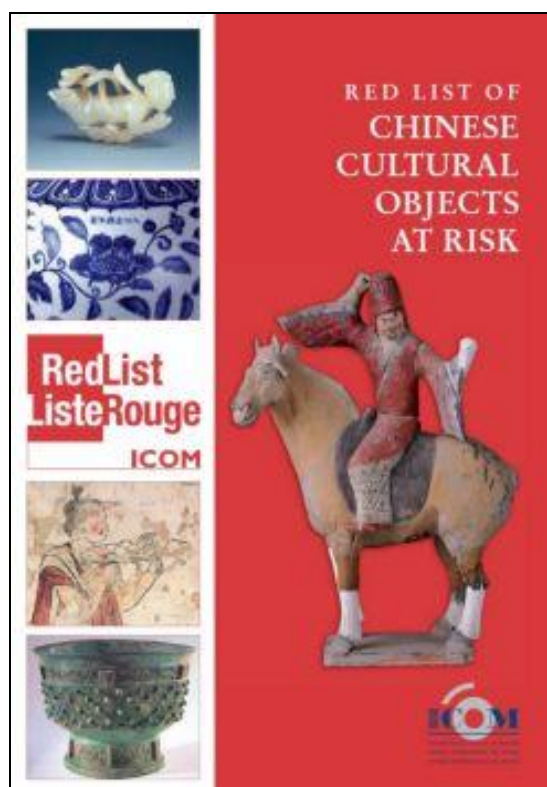

Рисунок 1 – Титульный лист Красного списка

В Красном списке отмечено, что «богатое культурное наследие Китая отражает разнообразие и сложность культур, которые процветали там в течение последних десяти тысячелетий» [19, с. 3]. Также отмечается, что, начиная с середины XIX века, многие культурные объекты были украдены и вывезены за границу. Несмотря на активную деятельность китайского правительства по сохранению национальных ценностей требуются усилия международного сообщества. «Из-за большого разнообразия китайских предметов, стили и периоды, Красный список китайских культурных объектов, находящихся в опасности не является исчерпывающим, и любая древность, происходящая из Китая, должна быть подвергнута детальному изучению и предосторожности меры» [19, с. 3]. Участие в данном проекте позволяет Китаю повысить эффективность мер по охране своих национальных культурных ценностей.

Деятельности ИКОМ-Китай присущи и свои недостатки. В частности Национальному комитету не хватает открытости и использование современных информационных технологий для ее реализации. Например, на сайте комитета обозначена англоязычная страница, однако на протяжении нескольких лет она находится в разработке и не обновляется. Страница на национальном языке также не отличается разнообразием информации. Практически невозможно отследить данные по финансовому обеспечению деятельности. Отсутствуют систематизированные данные по участникам международных комитетов ИКОМ, направлениям деятельности. Работа в данном направлении позволила бы привлечь более активное внимание международных исследователей, эффективнее транслировать информацию для международного сообщества и использовать данный опыт для формирования позитивного имиджа Китая.

Таким образом, можно отметить, что деятельность КНР в рамках партнерства с Международным советом музеев является одной из активных и важных составляющих культурной и гуманитарной дипломатии в XXI веке наряду с сотрудничеством с ЮНЕСКО и другими международными организациями в сфере культуры. Китай, реализуя политику в данной сфере, демонстрирует активность и прагматизм, позволяющие ему накопить позитивный опыт, несмотря на длительное отставание в развитии национального музейного дела и позднего присоединения к ИКОМ.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. XXII Генеральная конференция Международного Совета Музеев (International Council of Museums – ИКОМ) – «Музеи для гармоничного общества» [Электронный ресурс]. URL: http://www.icr.su/rus/news/icr/detail.php?ELEMENT_ID=1314 (Дата обращения: 27.03.2019).
2. Александров А.А. Музеи в контексте современных международных отношений / А.А. Александров // Человек и общество перед судом истории: сборник статей / Отв. ред. Н.И. Басовская. – М.: РГГУ, 2012. – С. 340-363.
3. Ан Л. Музей и музеология в Китае // Музей и демократия. Серия электронных изданий MUSEUM PRO. – Вып. 1. – М., 1997. – С. 55-59 [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/future/lmp/web/archive/m-pro_1.pdf (Дата обращения: 27.03.2019).
4. Ван Вэй. Музеология и музейное дело в КНР в XX – начале XXI века основные этапы и стратегии развития // Научное мнение. – 2014. – № 1. – С. 72-77.
5. Китайский тур по направлению к современности: три века британского искусства [Электронный ресурс]. URL: <http://uk.icom.museum/resources/case-studies/chinese-tour-of-towards-modernity-three-centuries-of-british-art/> (Дата обращения: 27.03.2019).
6. Что такое ИКОМ? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icom-russia.com/data/chto-eto/> (Дата обращения: 27.03.2019).
7. Board Members [Электронный ресурс]. URL: <http://network.icom.museum/icom-aspac/about-icom-aspac/board-members/> (Дата обращения: 27.03.2019).
8. Chines Museum Association [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinamuseum.org.cn/plus/list.php?tid=113> (Дата обращения: 27.03.2019).
9. CIMUSET & CSTM Training: Developing Science Exhibitions: From Idea to Opening Day [Электронный ресурс]. URL: <http://network.icom.museum/cimuset/about-us/cimuset-cstm-training-developing-science-exhibitions-from-idea-to-opening-day/> (Дата обращения: 27.03.2019).
10. Executive Board [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/en/about-us/executive-board/> (Дата обращения: 27.03.2019).
11. ICOM Committees [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/en/about-us/committees/> (Дата обращения: 27.03.2019).
12. ICOM Documents [Электронный ресурс]. URL: <http://icom.museum/en/resources/documents/?q=HANDBOOK&y=&type=> (Дата обращения: 27.03.2019).
13. ICOM-ITC: April 2018 Training workshop [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/en/news/icom-itc-april-2018-training-workshop/> (Дата обращения: 27.03.2019).
14. In Memoriam – Prof Zhang Wenbin, Honorary Member of ICOM [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/en/news/in-memoriam-prof-zhang-wenbin-honorary-member-of-icom/> (Дата обращения: 27.03.2019).
15. International Forum of Young Museum Professionals – Call for grant application [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/en/news/international-forum-of-young-museum-professionals-call-for-grant-application/> (Дата обращения: 27.03.2019).
16. Past Conferences [Электронный ресурс]. URL: <http://network.icom.museum/icom-aspac/conferences/past-conferences/> (Дата обращения: 27.03.2019).
17. Press Release Paris, 5 July, 2013 Launch of the ICOM International Training Centre, Beijing, China [Электронный ресурс]. URL: https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/06/Training_Center_Beijing_Press-release_ENG.pdf (Дата обращения: 27.03.2019).
18. Red Lists [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/en/activities/heritage-protection/red-lists/> (Дата обращения: 27.03.2019).

19. RED LIST OF CHINESE CULTURAL OBJECTS AT RISK [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/05/RedListofChineseCulturalObjectsatRisk-English.pdf> (Дата обращения: 27.03.2019).
20. Strengthening global university museum collaboration in China [Электронный ресурс]. URL: <http://umac.icom.museum/strengthening-global-university-museum-collaboration-in-china/> (Дата обращения: 27.03.2019).
21. The Challenges of Museum Collections Today: Call for ICOM-ITC grants [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/en/news/the-challenges-of-museum-collections-today-call-for-icom-itc-grants/> (Дата обращения: 27.03.2019).
22. Top Tips – Working with Museums in China [Электронный ресурс]. URL: <http://uk.icom.museum/resources/guidance-articles/top-tips-working-with-museums-in-china/> (Дата обращения: 27.03.2019).
23. WORKING GROUP ON SUSTAINABILITY [Электронный ресурс]. URL: <https://icom.museum/en/committee/working-group-on-sustainability/> (Дата обращения: 27.03.2019).
24. Zhengzhou (China) 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://network.icom.museum/icms/meetings/future/zhengzhou-china-2015/> (Дата обращения: 27.03.2019).
25. 友情连接 (Yǒuqíng liánjiē) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinamuseum.org.cn/plus/list.php?tid=116> (Дата обращения: 27.03.2019).

Карелина Екатерина Вячеславовна, студентка 4 курса
Амурский государственный университет
katrina-11-05-97@inbox.ru

СОПЕРНИЧЕСТВО США И КНР В АФРИКЕ В XXI ВЕКЕ

УДК 327

Аннотация. В статье выявляются причины интереса США и КНР к африканскому континенту, особенности «Западной» и «Восточной» модели проникновения в Африку, основные направления американо-китайского соперничества в Африке. Автор характеризует эволюцию африканской политики американских администраций в XXI веке. Также называются причины эффективности политики КНР в Африке и оценки действий КНР со стороны политического и научного сообщества США.

Ключевые слова и фразы: Африка, КНР, США, американо-китайские отношения, дипломатия «мягкой силы», конкуренция, экономическая и гуманитарная помощь, инвестиции.

Ekaterina Karelina, student of 4th course
Amur State University
Katrina-11-05-97@inbox.ru

THE USA AND CHINA RIVALRY ON THE AFRICAN CONTINENT IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

Abstract. The article identifies the reasons for the interest of the United States and the People's Republic of China to the African continent, the peculiarities of the “Western” and “Eastern” models of penetration into Africa, the main directions of the US-China rivalry in the phenomenon. The author characterizes the evolution of the African policy of the American administrations in the twenty-first century. The author also gives evaluation of effectiveness of the actions of the PRC.

Key words and phrases: Africa, China, the United States, US-China relations, diplomacy, “soft power”, competition, economic and humanitarian aid, investment.

В XXI веке Африка по-прежнему остается регионом, находящимся в центре соперничества за сферы влияния ведущих государств. Среди причин, которые вызывают повышенный интерес к Африке, называют:

- наличие разведанных месторождений практически всех известных видов полезных ископаемых;
- выгодное географическое положение: наличие стратегически важных портов, зон мировых морских коммуникаций;
- дешевые трудовые ресурсы;
- рынок сбыта своей продукции;
- заинтересованность в поддержке африканских государств при голосовании на международных форумах [1, с. 29-30; 5; 9, с. 110-112].

Современный этап конкурентной борьбы за Африку берет свое начало на рубеже XX-XXI веков. Это время характеризуется серьезными трансформациями в мировой системе, которые отражаются и на политике в отношении континента:

- формирование новых региональных центров влияния (Бразилия, Индия, Китай и др.), которые на фоне усиления своей мощи, заявляют более серьезные геополитические и геоэкономические амбиции;

- традиционные центры влияния – США, страны ЕС – оказываются в ситуации повышенной конкурентности в управлении мировым хозяйством, поэтому вынуждены активизировать свою борьбу за мировые ресурсы;

- усиление российских позиций и амбиций, «возвращение» России в Африку [Алимов; Дмитриев].

М. Дмитриев, оценивая механизмы влияния «новых» и «старых» претендентов на ресурсы континента, выделяет «Западную» и «Восточную» модели проникновения [5]. Первая модель характерна для политики США и стран ЕС и отличается следующими чертами:

- наличие большого собственного военного контингента, а также опора на подконтрольную местную военную силу;

- реализация коммерческих и гуманистических проектов зачастую увязываются с выполнением ряда жестких условий, связанных с продвижением демократических ценностей. Ряд аналитиков считает, что объем этих требований фактически является вмешательством во внутренние дела. Это позволяет контролировать и эффективнее осуществлять свои интересы. Эта модель начинает себя изживать.

«Восточную» модель», свойственная, прежде всего Китаю и Индии, специалисты называют ее «азиатской мягкой силой». Предлагаемые крупные проекты не увязываются в данном случае с жесткими политическими условиями, что выглядит для африканских правительств более предпочтительным и позволяет эффективнее укреплять свое влияние [5; 9, с. 124-125].

В последние годы конкуренция США и КНР на африканском континенте заметно усиливается. В 2018 г. страны заявили о своих новых инициативах, что и привлекает к данной проблеме внимание исследователей.

Цель статьи – проанализировать основные соперничество США и Китая в Африке в XXI веке. В отечественной науке достаточно активно исследуется взаимодействие обоих государств с представителями африканского континента. В работах М.Л. Вишневого, Т.Л. Дейч, Я.Л. Лексютиной, В.К. Пархоменко, А.Ю. Урнова и др. присутствует довольно подробная характеристика торгово-инвестиционного, военно-политического, дипломатического, культурного направлений двусторонних отношений [2; 4; 9; 11; 12; 13]. В связи с этим, в статье будет акцентировано внимание на трансформацию политики КНР и США в регионе, выявление оценок ее эффективности и мер, нацеленных на закрепление своего влияния.

Оценивая китайскую экспансию в Африке, американское экспертное сообщество высказывает разные мнения. Реалисты считают, что степень угрозы американским интересам в Африке со стороны Китая преувеличена. Неоконсерваторы, напротив, дают высокую оценку рискам и считают, что США должны увеличить расходы на экономическое и военное противодействие Китаю на континенте. Неоконструктивисты делают вывод о том, что США и КНР вполне могут достигнуть компромисса перед вызовами со стороны глобальных проблем [11, с. 21].

Большая эффективность действий Китая, по мнению М.Л. Вишневого, Т.Л. Дейч, Л.Я. Лексютиной, В.К. Пархоменко, объясняется следующими факторами:

- Китай завоевал позиции в ряде африканских стран сначала поддерживая национально-освободительное движение, и теперь, благодаря обширной программе экономической помощи.

- Активная дипломатия на континенте. Большое внимание КНР уделяет осуществлению официальных контактов. Они отличаются не только своей интенсивностью, но и уровнем проведения. Свои визиты наносят председатель КНР, председатель правительства, члены китайского правительства.

- Мощное использование политики «мягкой силы».

- Готовность сотрудничать любыми режимами, не высказывая требования в отношении демократии и надлежащего управления правами человека.

- Способность сочетать государственную и частную инициативу.

- Фокус на определенных секторах экономики, в частности на инфраструктуру, которая является «слабым местом» в большинстве африканских стран.

- Стратегия борьбы за ресурсы: нахождение свободных «ниш», тактика приобретения небольших долей в месторождениях или акций крупных компаний, а затем расширение деятельности.

- Китайские компании не затягивают переговорный процесс и учитывают стремление африканской стороны скорее получить экономическую помощь.

- В отличие от американских подрядчиков предпочитают крупные инфраструктурные проекты, что отвечает интересам и африканских стран.

- Китайские фирмы выполняют свои обязательства быстрее и дешевле с приемлемым по мировым стандартам качеством.

- Китайские компании терпимее к различным рискам, а также не опасаются работать в зонах военных конфликтов и политической нестабильности.

- Объекты, введенные в эксплуатацию китайскими компаниями проще для обслуживания, т.к. технический разрыв между партнерами меньше, чем с западными представителями;

- Китайские компании демонстрируют готовность к дальнейшему взаимодействию и после окончания проекта [2, с. 63-64; 4, с. 120, 133-136; 6; 11, с. 22, 25,27].

Представители США постоянно критикуют финансово-экономическую, техническую и гуманитарную помощь, оказываемую Китаем, т.к. она не увязывается с политическими требованиями, кроме одного – отказа от признания Тайваня. Однако такая позиция оказывается более гибкой. У африканских стран появилась возможность выбирать донора. Ряд американских экспертов объявляют политику КНР неокOLONиалистской. Приток дешевых китайских товаров рассматривается как угроза местным производителям и торговцам. Использование китайских специалистов при реализации проектов квалифицируется как барьер для трудоустройства местного персонала. Особый акцент делается на то, что Китай недостаточно серьезно относится к выполнению экологических стандартов. Отсюда делается вывод, что политика Пекина не способствует целям долгосрочного развития Африки. С этим соглашались и некоторые представители африканской политической элиты. Однако, осознавая проблемные стороны двустороннего взаимодействия, представители африканских стран все же, склоняются к выводу о том, что преимущества перевешивают отрицательные аспекты. Наряду с критикой американские эксперты вынуждены признавать, что китайская экспансия имеет социальную направленность и содействует социально-экономическому развитию африканских стран [11, с. 25-26].

С 2000 г. Китай совместно с африканскими государствами организовал работу Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC), что существенно повлияло на институциональное оформление отношений.

Немаловажную роль в продвижение китайского влияния играет идеологический компонент. Китай постоянно использует идеи общности судеб народов, специфики пути развития Азии и Африки, напоминает об особой роли Китая в сфере отстаивания интересов развивающихся стран на мировой арене. Так, выступая в 2009 г. на 4-й министерской конференции FOСАС, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, оценивая двустороннее сотрудничество, постоянно использовал местоимение «мы» при оценках успехов. Особенно он подчеркнул, что «африканские страны оказывают еще большую поддержку Китаю в вопросах, касающихся его основных интересов. Китай и Африка сотрудничают и координируют друг друга по основным международным и региональным вопросам и совместно защищают и расширяют общие интересы развивающихся стран» [18].

В декабре 2010 г. была принята белая книга КНР «Китайско-африканское торгово-экономическое сотрудничество». В ней мы также найдем подтверждение данной риторики: «Китай является самой большой в мире развивающейся страной, а Африка – континентом, где сконцентрировано самое большое количество развивающихся стран... На протяжении долгих лет в процессе развития Китай и Африка всесторонне проявляли взаимодополняемость в сферах ресурсов, экономической структуры и др., на основе принципов равноправ-

ного отношения, практической эффективности, взаимовыгоды и совместного развития... Китайско-африканское торгово-экономическое сотрудничество является важной составной частью сотрудничества Юг-Юг. Оно...повысило статус развивающихся стран в международной политико-экономической структуре и сыграло важную роль в деле содействия созданию нового политико-экономического миропорядка на началах справедливости и рациональности» [8].

Наконец, ярким подтверждением является речь Си Цзиньпина осенью 2018 г. на открытии очередного форума FOCAS. Он заявил, что «развитие Африки имеет большой потенциал, что этот великий континент полон надежд, что китайско-африканские дружба и сотрудничество имеют широкие перспективы... Мы призываем к расширению представительства и голоса развивающихся стран в международных делах и поддерживаем усилия по укреплению Юга, слабого звена в глобальной системе управления, а также усилия по созданию синергии в сотрудничестве Юг-Юг. Мы продолжим усилия, направленные на то, чтобы глобальная система управления лучше отражала волю и интересы большинства стран, особенно развивающихся... давайте строить китайско-африканское сообщество с общим будущим...» [17].

На форуме Председатель КНР также объявил и ряд новых инициатив Китая:

- предоставление Африке 60 миллиардов долларов в виде государственной помощи, инвестирования финансовых институтов и предприятий;
- Китай освободит наименее развитые государства, бедные страны с высоким уровнем задолженности, развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю и малые островные развивающиеся страны, имеющие дипломатические отношения с Китаем, от уплаты межправительственных беспроцентных кредитов и ссудной задолженности, невыплаченных по сроку на конец 2018 года [7].

Конфликтным концептуальным моментом является продвижение так называемого «Пекинского консенсуса» в противовес «Американскому консенсусу». Суть заключается в том, что Китай на фоне своего мощного рывка в экономическом развитии продвигает не западную модель модернизации, т.е. демонстрирует, что эффективное проведение рыночных реформ возможно при сохранении авторитарной политической системы. Данные идеи оказываются очень востребованным среди африканской политической элиты [9, с. 125; 11, с. 27-28].

Таким образом, отчетливо виден прагматичный подход китайского руководства, активное использование различных методов продвижения своих интересов в Африке, диверсификация направлений сотрудничества, гибкость.

Политика США в отношении Африки в XXI веке постепенно эволюционирует. В период правления Дж. Буш-младшего превалировала идея «сдерживания» Китая, который обвинялся в пособничестве реакционным и коррумпированным режимам и в том, что не прислушивается к голосу гражданского общества. Даже помощь трактовалась в негативном ключе как способствующая росту задолженности. Активно велась информационная война в СМИ, включая африканские. Экспертное сообщество США критически отнеслось к такому курсу и высказывало, как свои замечания, так и давало рекомендации. Так, оценивая последствия для США усиления влияния Китая в Африке еще в 2006 г. эксперты Фонда «Наследие» Питер Брукс и Джи Хе Шин представляют свои рекомендации для руководства страны по противодействию китайскому влиянию на континенте. Среди них отметим следующие предложения:

- разработать комплексную и скоординированную стратегию, основанную на анализе проблем, свойственных продвижению американских интересов в каждой африканской стране;
- усилить дипломатический аспект политики в отношении Африки, в частности увеличить количество сотрудников Государственного департамента, расширить меры публичной дипломатии, увеличить количество визитов высокопоставленных должностных лиц, включая

самого Президента. Это должно укрепить отношения и продемонстрировать странам региона интерес США к их развитию;

- поощрять развитие прав человека и демократических принципов управления, прилагать больше усилий для противодействия репрессивным режимам, отказывая им в своей экономической помощи, а также убеждая в этом ООН и международные финансовые институты;

- усилить торгово-экономические отношения с Африкой;

- стимулировать открытие странами Африки своего нефтегазового сектора для иностранных инвестиций и устранение ими различных барьеров;

- осуществлять поиск новых международных партнеров [17].

Уже к концу правления Дж. Буша-младшего наметился разворот в пользу прекращения истерии по поводу «китайской экспансии» и призывы к поиску возможностей сотрудничества на континенте.

В 2009 г. два фактора скорректировали американо-китайские отношения: приход к власти Б. Обамы и мировой финансовый кризис. Неоконсерваторы предложили решить вопрос конкуренции за энергоресурсы в Африке не путем коммерческой конкуренции, а с помощью военной силы. Политики и эксперты стали больше внимания уделять причинам успешности Китая и предпринимать ответные меры. Например, помимо традиционных торгово-финансовых мероприятий, США стали более активно участвовать в миротворческих операциях на континенте, предоставлять медицинскую помощь, было расширено военное присутствие.

Серьезный разворот произошел в дипломатической сфере – американские представители заметно чаще стали осуществлять поездки в Африку, включая визиты самого президента Б. Обамы. Стремясь работать над ошибками, в августе 2014 года была организована первая встреча в верхах лидеров африканских государств с президентом Б. Обамой, на которой были представлены 50 государств континента. Накануне проведения саммита в СМИ поступили заявления представителей американской администрации, в которых подчеркивалось, что США не видят угрозы в деятельности КНР в Африке. Более того, положительно относятся к его вкладу в развитие региона [3].

В целом, отходя от курса предшествующей администрации, руководство США предприняло попытки установления контактов с конкурирующей стороной. В 2013 году был организован трехсторонний диалог между Африкой, Китаем и США, спонсируемый Фондом Брентхерста, Китайской академией общественных наук, Советом по международным отношениям и Фондом Леона Салливана. Предполагалось, что будет проведено ряд форумов, которые позволят сформировать сбалансированный взгляд на изучение проблем и возможностей для трехстороннего диалога и действий. В рамках проведенного форума в 2013 г. было отмечено, что «несмотря на некоторую конкурентную позицию США в отношении действий Китая в странах Африки к югу от Сахары, США, Китай и Африка могут извлечь выгоду из объединенного участия в областях безопасности, торговли, инвестиций и управления природными ресурсами». В рамках круглого стола были обсуждены следующие блоки проблем:

- присутствие Китая в качестве важного дипломатического и экономического игрока на африканском континенте, обеспечивающего альтернативу помощи в целях развития, предоставляемой странами ОЭСР, включая США;

- трехсторонние торговые и инвестиционные тенденции, а также возможности для китайских и американских фирм предлагать конкретные технические знания и способствовать экономическому прогрессу на континенте;

- возможности и проблемы, с которыми сталкиваются китайские и американские организации, работающие в секторе невозобновляемых ресурсов Африки;

- конкурирующие перспективы китайско-африканских нефтяных связей [10;15].

Т.е. по мнению М.Л. Вишневого и Т.Л. Дейч, Вашингтон, опасаясь потерять преимущества в Африке, готов пойти на уступки Китаю и блокироваться с ним [2, с. 65-67].

Дональд Трамп в своей предвыборной кампании уделил мало внимания проблемам африканской политики. Дальнейшие действия на посту президента также не позволяли говорить о возможном активном интересе новой администрации к континенту. Более года не было должности помощника госсекретаря по Африке – высшей дипломатической должности, занимающейся регионом в администрации США. Не было сделано ключевых назначений послов США в Южной Африке, Танзании, Судане, Демократической Республике Конго и Нигерии. Вакантной оставалась должность посланника для Судана и Южного Судана. Не были сделаны назначения на руководящие политические должности в Агентстве США по международному развитию (USAID), занимающемуся, в том числе, вопросами развития Африки. Показательны и другие факты. Во время визита в США президента Руанды Поллом Кагаме в марте 2017 года, никто из высокопоставленных чиновников не принял участие в консультациях. В апреле 2017 года госсекретарь Рекс Тиллерсон пригласил комиссара Африканского союза Муссу Факи в Вашингтон, а затем во время встречи покинул его, ссылаясь на другие дела. Администрация неоднократно стремилась сократить программу иностранной помощи до 30 %, приостановила поддержку Фонда ООН в области народонаселения и др. [12, с. 4-5; 13, с. 10-11; 19].

В сентябре 2017 года президент Трамп дважды упомянул несуществующую страну «Намбия» во время выступления в ООН перед группой африканских лидеров. Другое утверждение Трампа, по мнению Питера Брукса и Джи Хе Шина, из того же набора замечаний имело странно колониальные оттенки: «У меня так много друзей, которые собираются в ваши страны, пытаясь разбогатеть. Я поздравляю вас. Они тратят много денег» [19].

В начале 2018 года и вовсе произошел скандал. В СМИ появились публикации, согласно которым на встрече в Белом доме с группой конгрессменов Дональд Трамп, критикуя сторонников приёма в США иммигрантов из стран Африки и Гаити, обозвал эти страны «дерьмовыми странами». Во время той же дискуссии он, как сообщается, заявил о своем предпочтении иммигрантам из Норвегии и Азии, считая их более ценными для США [20]. По Африке прокатилась волна возмущения [14, с.10].

Данная политика вызвала серию критических публикаций и выступлений в экспертном сообществе. При этом эксперты, Джон Норрис и Каролин Кинни из «Центра за американский прогресс» заметили, что «Представление о том, что Соединенные Штаты бесцеремонно отвергают важность целого континента, должно быть абсурдным, и было бы легко списать нынешнюю позицию как просто отражающую мировоззрение президента Дональда Трампа как личности. Однако взгляд США на Африку более глубоко укоренился, чем президент Трамп» [19]. Эксперты, в целом, пессимистично оценили готовность США к формированию целостного видения своей политики в отношении Африки. Также они предложили ряд рекомендаций и отметили следующие позиции:

- Африка является территорией ряда быстрорастущих рынков в мире, и ее потенциал в качестве динамичного будущего экспортного рынка для товаров и услуг США огромен.

- США должны немедленно найти сотрудников на штатные должности в Государственном департаменте и Агентстве США по международному развитию (USAID), связанные с Африкой.

- Необходимо удвоить усилия для успеха инициативы «Процветающая Африка», независимо от отношения нынешней администрации к предложениям предшественников.

- Избегание единого подхода, подходящего для всех стран на континенте.

- Поддержка региональной экономической интеграции в Африке, устранение задержки на границах, вызванные бюрократической волокитой, неадекватной инфраструктурой, противоречивыми или запутывающими правилами и отсутствием единообразия в стандартах.

- Активизировать усилия по содействию диверсификации экспорта в Африке и др. «В то время, когда Китай и Европа также активно конкурируют за участие в Африке, жизненно важно, чтобы Соединенные Штаты оказались на правильной стороне истории, поддерживая позиции на континенте, охватывающем свободные правительства и рынки» [19].

К позитивным действиям администрации Трампа эксперты отнесли подписание «Закона об экономическом росте и возможностях в Африке» (AGOA) и «Закона о модернизации при вызове тысячелетия», которые обновили некоторые ключевые торговые преференции для Африки. AGOA является ключевой основой для торговли с Африкой [19].

В декабре 2018 г. после всех дебатов администрация Трампа представила новую стратегию по Африке. С большим заявлением документу выступил советник по национальной безопасности Джон Болтон, приглашенный в «Фонд наследия». Комментируя новую стратегию, он отметил, что «Конкуренты великой державы, а именно Китай и Россия, быстро расширяют свое финансовое и политическое влияние по всей Африке. Они намеренно и агрессивно направляют свои инвестиции в регион, чтобы получить конкурентное преимущество над Соединенными Штатами» [20]. В своей речи Болтон назвал действия Китая «хищническими» и обвинил Китай в коррупционности при реализации своих проектов, низких экологических и этических стандартах по сравнению с программами развития США. Более того, мероприятия в Африке определяются как элементы «более широких китайских стратегических инициатив, в том числе «Один пояс, один путь»... конечной целью которых является продвижение китайского глобального господства» [20]. Не обошел своим вниманием советник и китайскую базу в Джибути. Давая заключительную оценку действия конкурентов, Болтон заявил, что «хищническая практика Китая и России сдерживает экономический рост в Африке; угрожает финансовой независимости африканских стран; ограничивает возможности для инвестиций США; вмешивается в военные операции США; представляет значительную угрозу интересам национальной безопасности США» [20].

Раскрывая намерения США, советник остановился на следующих направлениях деятельности:

- разработка новой инициативы под названием «Прцветающая Африка», которая будет продвигать инвестиции США на всем континенте и улучшать общий деловой климат в регионе;
- поощрение африканских лидеров выбирать качественные, прозрачные, инклюзивные и устойчивые проекты иностранных инвестиций, в том числе из США;
- заключение современных всеобъемлющих торговых соглашений на континенте;
- помощь ключевым африканским правительствам в наращивании потенциала для предоставления эффективных и устойчивых услуг в области безопасности и правоохранительных органов своим гражданам;
- пересмотр поддержки миротворческих миссий ООН;
- разработка новой стратегии иностранной помощи для повышения эффективности американской внешней помощи во всем мире.

«Мы хотим максимально эффективно использовать американские доллары для защиты интересов американского народа. Соответственно, мы позаботимся о том, чтобы ВСЯ помощь региону – будь то в целях безопасности, гуманитарной помощи или в целях развития – отвечала этим интересам США... Страны, которые неоднократно голосуют против Соединенных Штатов на международных форумах или предпринимая действия, противоречащие интересам США, не должны получать щедрую американскую иностранную помощь» – заявил Джон Болтон [20].

Оценивая речь Болтона, официальные лица и эксперты США выражают обеспокоенность, в отношении последствий названных инициатив для долгосрочных интересов на континенте. Также выступление советника критикуется за «отсутствие приверженности продвижению прав человека и демократии на континенте» [14].

Новая стратегия, по мнению аналитиков, демонстрирует, что «для Трампа действительно важна не Африка, а сдерживание и противодействие Китаю... Трамп проявил мало интереса или сочувствия к Африке. И много вражды по отношению к Китаю» [21].

Таким образом, африканская политика США находится сейчас на этапе трансформации, который протекает довольно конфликтно.

Подводя итог, следует отметить, что в XXI веке американо-китайское соперничество на африканском континенте усилилось по сравнению с рубежом XX-XXI вв., так как в то время на фоне ухода России Китай только начинал свое проникновение в регион и США являлись главным партнером для стран Африки. За прошедший период Китаю удалось потеснить США по ряду экономических показателей в Африке. Стремительность темпов экономического проникновения Китая в эти регионы не может не вызывать у Вашингтона серьезной озабоченности. Также вызывает недовольство стремление КНР развивать новые сферы сотрудничества с Африкой, особенно военную. Вместе с тем США и Китай не исключают дальнейшего развития трехстороннего сотрудничества в формате Африка-КНР-США. Необходимо отметить, что на сегодняшний день, Африка не может отказаться от поддержки обоих государств, не смотря на существующие проблемы и издержки.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Алимов А.А., Нестерова И.Е. Интересы США в современных африканских государствах // Общество. Среда. Развитие. – 2017. – № 2. – С. 29-33.
2. Вишневский М.Л., Дейч Т.Л. Американо-китайская конкуренция на африканских рынках // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 11. – С. 54-68.
3. Гончаров В. Бои без правил за Африку [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/boi_bez_pravil_za_afriku_511.htm (Дата обращения: 25.01.2019).
4. Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контурь глобальных трансформаций. – 2018. – Т. 11. – № 5. – С. 119-141.
5. Дмитриев М. Специфика конкурентной борьбы за сферы влияния в современной Африке [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/specifika-konkurentnoy-borby-za-sfery-vliyaniya-v-sovremennoy-afrike> (Дата обращения: 25.01.2019).
6. Китай в Африке: Черный континент как полигон для испытаний «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/12/21/kitay-v-afrike-chnyuy-kontinent-kak-poligon-dlya-ispytaniy-myagkoj-sily> (Дата обращения: 25.01.2019).
7. Китай выделит 60 миллиардов долларов на развитие Африки [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180903/1527725377.html> (Дата обращения: 25.01.2019).
8. Китайско-африканское торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2011-02/01/content_21857455_9.htm (Дата обращения: 25.01.2019).
9. Лексютина Я.В. Конкурирующая экспансия США и Китая в Тропической Африке // ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7., № 4. – С. 110-126.
10. Пара слов о китайско-африканских отношениях [Электронный ресурс]. URL: <https://magazeta.com/2010/07/usa-china-afric/> (Дата обращения: 26.01.2019).
11. Пархоменко В.К. Соперничество США и КНР за природные ресурсы в Африке // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – № 6. – С. 20-36.
12. Урнов А.Ю. Дональд Трамп и Африка. Начальный этап (начало) // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 2. – С. 3-10.
13. Урнов А.Ю. Дональд Трамп и Африка. Начальный этап (окончание) // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 3 – С. 2-13.
14. Abdi Latif Dahir The Trump administration's Africa policy is all about countering China's influence [Электронный ресурс]. URL: <https://qz.com/africa/1495859/bolton-unveils-trump-africa-strategy-to-counter-china-russia/> (Дата обращения: 26.01.2019).
15. A Trilateral Dialogue on the United States, Africa and China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/research/a-trilateral-dialogue-on-the-united-states-africa-and-china/> (Дата обращения: 26.01.2019).

16. Brookes P., Shin H.J. China's Influence in Africa: Implications for the United States [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heritage.org/asia/report/chinas-influence-africa-implications-the-united-states> (Дата обращения: 26.01.2019).
17. Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at opening ceremony of 2018 FOCAC Beijing Summit [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_137441987.htm (Дата обращения: 25.01.2019).
18. Full text of Wen's speech at 4th Ministerial Conference of FOCAC [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/world/2009-11/09/content_18849890.htm (Дата обращения: 25.01.2019).
19. Norris J., Kenney C. From Threat to Opportunity. Rethinking U.S. Relations in Africa [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2018/06/19/452354/from-threat-to-opportunity/> (Дата обращения: 26.01.2019).
20. Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the The Trump Administration's New Africa Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/> (Дата обращения: 26.01.2019).
21. Trump's Africa strategy should have cast China as a regional partner, not a global adversary [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/trumps-africa-strategy-should-have-cast-china-as-a-regional-partner-not-a-global-adversary-108901> (Дата обращения: 26.01.2019).

Кузнецов Дмитрий Владиславович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра всеобщей истории, философии и культурологии
Благовещенский государственный педагогический университет
kuznetsov_d@mail.ru

КИТАЙ В СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США (1987-2015 ГГ.)

УДК 327

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные положения Стратегий национальной безопасности США (1987-2015 гг.), посвященные Китаю.

Ключевые слова и фразы: КНР, США, Стратегия национальной безопасности.

Dmitry Kuznetsov, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of Universal History, Philosophy and Cultorology
Blagoveshchensk State Pedagogical University
kuznetsov_d@mail.ru

CHINA IN STRATEGY OF NATIONAL SECURITY OF THE USA (1987-2015)

Abstract. The article examines separate positions of Strategy of national security of the USA (1987-2015) about of China.

Key words and phrases: PRC, USA, Strategy of national security.

В настоящее время одним из важнейших документов в сфере внешней и оборонной политики США, в части касающейся национальной безопасности, является Стратегия национальной безопасности США – документ, в котором обозначаются приоритетные направления внутренней и внешней политики США, а также указываются основные угрозы безопасности страны и ее национальным интересам за рубежом. Стратегия национальной безопасности США имеет общий директивный характер, поэтому впоследствии ее конкретизируют другие документы – в первую очередь, Национальные оборонные стратегии и Национальные военные стратегии.

В 1947 г., в условиях начавшейся «холодной войны», Конгресс США принял Закон о национальной безопасности (*National Security Act of 1947*). Подписанный 26 июля 1947 г. тогдашним Президентом США Г. Трумэном, этот закон привел к перестройке вооруженных сил США, внес существенные коррективы во внешнюю и оборонную политику США, а также привел к возникновению новых государственных органов – Министерства обороны, ЦРУ (Центральное разведывательное управление) и СНБ (Совет национальной безопасности). Последний представляет собой консультативный орган при Президенте США по вопросам внутренней, внешней и оборонной политики, касающимся сферы национальной безопасности, для решения проблем и координации действий всех основных ведомств, связанных с указанными вопросами¹.

В соответствии с одним из положений Закона о национальной безопасности (1947 г.), содержащимся в статье 108, Президент США должен был представлять Конгрессу США ежегодный доклад, в котором в общих чертах обрисовывались цели, задачи политики США в области национальной безопасности, обозначались ключевые проблемы, требующие реше-

¹ См.: National Security Act of 1947 // Public Law, 80-253. URL: <http://legisworks.org/congress/80/publaw-253.pdf>.

ния, а также методы и средства, с помощью которых предполагалось их решить, причем вновь избранный глава государства должен был это делать в течение 150 дней после вступления в должность. Доклад должен был представляться в двух версиях: секретной – для чиновников и несекретной – для общественности¹.

В дальнейшем положения Закона о национальной безопасности (1947 г.) были подтверждены в еще одном законодательном акте, принятом в 1986 г. Конгрессом США – Законом о реорганизации Министерства обороны США (Закон Голдуотера – Николса)², который стал основанием для регулярной публикации Стратегий национальной безопасности (Раздел 603)³.

Предусматривалось, что документ будет обновляться ежегодно. Однако на практике его пересматривали гораздо реже, как правило раз в три-пять лет. В течение 1987-2015 гг. было разработано 16 Стратегий национальной безопасности США: в период президентства Р. Рейгана («Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1987 г.), «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1988 г.)), Дж. Буша («Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1990 г.), «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1991 г.), «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1993 г.)), Уильяма Дж. Клинтона («Стратегия Национальной Безопасности: вовлечённость и расширение» (1994 г.), «Стратегия Национальной Безопасности: вовлечённость и расширение» (1995 г.), «Стратегия Национальной Безопасности: вовлечённость и расширение» (1996 г.), «Стратегия Национальной Безопасности для нового века» (1997 г.), «Стратегия Национальной Безопасности для нового века» (1998 г.), «Стратегия Национальной Безопасности для нового века» (1999 г.), «Стратегия Национальной Безопасности для глобальной эпохи» (2000 г.)), Дж. Буша-младшего («Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов Америки» (2002 г.), «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов Америки» (2006 г.)), Б. Обамы («Стратегия Национальной Безопасности» (2010 г.), «Стратегия Национальной Безопасности» (2015 г.)). 17-й по счету Стратегией национальной безопасности США стала «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов Америки» (2017 г.), которая была разработана в период президентства Д. Трампа.

При этом, важно подчеркнуть, что до 1987 г. в системе Совета национальной безопасности США было подготовлено более 250 секретных директив (*National Security Decision Directive*), в рамках которых разрабатывались своего рода субстратегии, предусматривающие использование широкого набора инструментов в целях укрепления национальной безопасности США.

Термин «национальная безопасность» (*National Security*) широко используется в политическом лексиконе США⁴. К примеру, в «Словаре военных и специальных терминов Министерства обороны США» (2016 г.) под «национальной безопасностью» понимается совокупность оборонных (защитных) и внешнеполитических мероприятий, укрепляющих неуязвимость государства от враждебных актов или других видов внешнего вмешательства, что достигается: военным или оборонным преимуществом над любым иностранным государством

¹ Начало традиции их представления Конгрессу США положил доклад, подготовленный Президентом США Г. Трумэнном в 1950 г., в котором, по вполне понятным причинам, в условиях все более раскручивающейся спирали «холодной войны», основное внимание уделялось отношениям США с СССР.

² Закон Голдуотера – Николса получил название в честь члена Сената Б. Голдуотера (Аризона) и члена Палаты представителей У.Ф. Николса (Алабама). Был принят 20 ноября 1985 г. Палатой представителей (383 голоса за, 27 голосов против) и 5 мая 1986 г. Сенатом (95 голосов за, 0 голосов против). Подписан Президентом США Р. Рейганом 1 октября 1986 г.

³ См.: Goldwater–Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986 // Public Law, 99-433. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg992.pdf>.

⁴ Считается, что термин «национальная безопасность» впервые употребил Президент США Т. Рузвельт в 1904 г. в послании к Конгрессу США. Тогда интересами национальной безопасности глава государства обосновал необходимость установления контроля над зоной Панамского канала.

или группой государств; благоприятными позициями на международной арене; военным потенциалом, способным успешно противостоять враждебным или разрушительным действиям открыто или тайно, извне или изнутри¹.

В свою очередь, официальная трактовка интересов США с изложением текущего состояния национальной безопасности, целей и задач в этой области, а также путей их решения находит отражение в Стратегиях национальной безопасности США, которые формируются при прямом участии высшего руководства страны, включая Президента США, однако основную роль играют советник Президента США по вопросам национальной безопасности и сотрудники Совета национальной безопасности США.

Спецификой США также является и то, что связанную с национальной безопасностью проблематику активно изучают в многочисленных так называемых мозговых трестах (*Think tank*), представляющих собой аналитические центры, изучающие различные проблемы, относящиеся к сфере современных международных отношений. К наиболее известным «мозговым трестам» относятся: Совет по международным отношениям (*Council on Foreign Relations, CFR*), Институт Брукингса (*Brookings Institution*), Институт Катона (*Cato Institute*), RAND (корпорация), (*Research and Development*), Фонд Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*), Фонд «Наследие» (*Heritage Foundation*) и др. Эти структуры сохраняют тесную связь с федеральным правительством не только в рамках получения различных грантов и заказов (в том числе по вопросам национальной безопасности), но и потому, что, как правило, после своей отставки туда уходят работать высокопоставленные американские политики, которые благодаря своим связям в определенной степени могут влиять на принятие военно-политических решений².

В «Стратегии Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1987 г.) и «Стратегии Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1988 г.) в качестве главных, основных целей в защите интересов США указывалась необходимость «поддерживать безопасность нашей нации и наших союзников». Отмечалось, что США, в сотрудничестве со своими союзниками, должны стремиться удержать любую агрессию, которая может угрожать их безопасности, и если сдерживание терпит неудачу, они должны быть готовы к тому, чтобы предотвратить или отразить любое военное нападение и закончить конфликт в приемлемые для интересов США и их союзников сроки. В числе конкретных действий, которые, как предполагалось, должны обеспечить поставленную цель, находилась деятельность, нацеленная на то, чтобы «способствовать более близким отношениям с Китайской Народной Республикой» [1, р. 4].

Обращаясь к региональным аспектам внешнеполитического курса США (Восточная Азия и Тихоокеанский регион), авторы указанных документов касались специфики текущей ситуации, связанной с развитием двусторонних отношений между США и КНР.

В 1987 г.: «Важность Китая говорит сама за себя. Достижение им быстрого экономического роста и, одновременно, основных экономических, социальных и политических изменений является большим достижением в его замечательной истории. Соединенные Штаты ищут близкие и дружественные отношения сотрудничества с Китайской Народной Республикой, вне какого-либо союза, и без каких-либо иллюзий, что одна из сторон – это политическая или стратегическая "карта" для другой стороны. Проще говоря, мы оба признаем важность друг друга во многих, вызывающих общий интерес областях, в момент, когда мы ценим разнообразие наших политических систем» [1, р. 15].

В 1988 г.: «И Китайская Народная Республика, и Соединенные Штаты сформировали хорошие отношения, основанные на реалистических подходах, с учетом насущных интере-

¹ National Security // Department of Defense. Dictionary of Military and Associated Terms. JCS, 2016. P. 162.

² Савченко Е.О. Стратегия национальной безопасности США и проблемы ее реализации в современных условиях // Военная мысль. 2016. №12. С. 12-16.

сов каждой страны. С нашей стороны, мы продолжаем полагать, что сильный, безопасный и модернизированный Китай находится в наших интересах. Хотя наши экономические, социальные и политические системы отличаются, мы разделяем общие требования во имя стабильности в регионе и сопротивления экспансионизму. На этой основе мы продолжили увеличивать объемы нашей торговли, контакты между людьми и даже ограниченное военное сотрудничество в целях обороны. Между нами сохраняются различия относительно некоторых проблем, но мы продолжили развивать зрелые отношения, которые совершенно четко приносят пользу обеим странам. Через усердное управление американо-китайскими отношениями, мы ожидаем, что будем сотрудничать, когда наши интересы и интересы Китая будут соотноситься, как, например, в Афганистане, а также взаимодействовать в целях поддержания стабильности в Восточной Азии. Мы уверены, что уравновешенное национальное соглашение относительно того, как следует развивать отношения с Китаем, станет фундаментом для дополнительного укрепления роста и усиления взаимодействия в рамках этих отношений» [2, p. 31].

Таким образом, Стратегия национальной безопасности США (1987 г.) и Стратегия национальной безопасности США (1988 г.), разработанные в период президентства Р. Рейгана, пусть и в условиях завершающегося периода в истории «холодной войны», для которого было характерно сближение США и СССР, тем не менее ключевое внимание уделяют взаимоотношениям двух «сверхдержав». Внимание Китаю уделяется гораздо меньшее, причем с акцентом на необходимость выстраивания дружественных отношений между США и КНР.

Разработанные в 1990-1993 гг. «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1990 г.), «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1991 г.) и «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов» (1993 г.) учитывали произошедшие на рубеже 1980-х – 1990-х гг. тектонические сдвиги в международных отношениях, связанные с окончанием «холодной войны», крахом мировой системы социализма, демократическими революциями в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, распадом/развалом СССР и превращением США в настоящую «супердержаву», стремящуюся к гегемонии. Безусловно, именно эти явления, процессы и события рассматривались в качестве ключевых применительно к сфере национальной безопасности США, однако вновь, как и ранее, было уделено внимание Китаю.

Важно подчеркнуть, что на рубеже 1980-х – 1990-х гг. серьезное влияние на формирование подхода в отношении Китая оказали трагические события, которые тогда имели место в Пекине, – серия демонстраций, продолжавшихся с 15 апреля по 4 июня 1989 г., главными участниками которых были студенты. Начались эти выступления после того, как возложение студентами венков к подножию памятника Народным Героям на площади Тяньаньмэнь в честь бывшего Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана переросло в массовую демонстрацию. Как известно, эти выступления были разогнаны с применением армейских подразделений, в результате чего погибли мирные жители, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны многих стран мира, в первую очередь со стороны США и стран Западной Европы. Уже 6 июня 1989 г. США, страны-члены ЕЭС и Япония ввели ряд дипломатических и экономических санкций против Китая. Наибольшей жесткостью отличалась позиция, которую на официальном уровне заняло руководство США.

Тем не менее в Стратегии национальной безопасности США (1990 г.) указывалась необходимость развития двусторонних отношений между США и КНР, даже с учетом возникших под влиянием событий на площади Тяньаньмэнь (1989 г.) факторов, которые вызвали сложности в американо-китайских отношениях: «Отношения между Соединенными Штатами и Китаем, восстановленные в начале 1970-х годов после многих лет взаимного отчуждения, кардинально способствовали региональной стабильности и глобальному равновесию сил. Соединенные Штаты решительно сожалеют о репрессиях, которые имели место в Китае в июне прошлого года, и мы наложили санкции, чтобы продемонстрировать наше недоволь-

ство. В то же самое время, мы стремились избежать полного сокращения связей Китая с внешним миром. У этих связей есть не только стратегическое значение как на глобальном, так и на региональном уровнях; они крайне важны для перспектив развития Китая, идущего по пути экономической реформы и политической либерализации. Жесткая изоляция Китая вредила бы всем этим перспективам» [3, p. 12].

В этом же ключе была выдержана и Стратегия национальной безопасности США (1991 г.): «Китай, как Советский Союз, сталкивается с решением сложнейших проблем, поскольку он продолжает непреклонно осуществлять коренные системные изменения. Сфокусированный на то, чтобы достигнуть стабильности, Китай не будет прекращать увеличивать взаимодействие со своими соседями в интересах прогресса в сфере технологий и торговли. Консультации и контакт с Китаем будут ключевыми особенностями нашей политики, не предусматривающей усиление изоляции, которая способствует репрессиям». И далее: «Изменения в Китае неизбежны, и наши связи с Китаем должны их выдержать. Соединенные Штаты поддерживают крепкие, неофициальные, субстантивные отношения с Тайванем, где происходят быстрые экономические и политические изменения. Одна из наших целей – способствовать созданию условий, при которых Тайвань и Китайская Народная Республика могут осуществлять конструктивный и мирный обмен через Тайваньский пролив» [4, p. 9].

В свою очередь, в Стратегии национальной безопасности США (1993 г.), помимо указания на необходимость развития двусторонних отношений между США и КНР, акцент был сделан на то, что важнейшим, с точки зрения национальных интересов США, является поощрение процесса демократизации в Китае и целом ряде других стран мира: «Вместе с нашими союзниками и друзьями Соединенные Штаты должны продолжать... поощрять демократические реформы в Китае, Северной Корее, Вьетнаме, Лаосе и на Кубе, где четверть населения Земли по-прежнему живет в условиях коммунистического правления» [5, p. 1].

Кроме того, существенно, что было обращено внимание на Китай в контексте общей стратегии в Азии: «В Азии наша повестка дня включает пять пунктов. Во-первых, Соединенные Штаты должны сохранять стратегические рамки, отражающие их статус в качестве тихоокеанской державы и способствующие их участию в делах Азии. Для Соединенных Штатов ключом к этим стратегическим рамкам был и будет оставаться их союз с Японией. Во-вторых, мы должны продолжать расширять рынки посредством двусторонних, региональных и многосторонних соглашений. В-третьих, мы должны внимательно следить за появлением Китая на мировой арене и, по мере необходимости, поддерживать, сдерживать или уравновешивать его возникновение в качестве субъекта в целях защиты интересов Соединенных Штатов. В-четвертых, мы должны продолжать играть важную роль на Корейском полуострове в процессе мирного объединения страны. Наконец, мы должны поощрять нормализацию ситуации в Индокитае, расширение и развитие Ассоциации государств Юго-Восточной Азии» [5, p. 7].

Таким образом, по сравнению с предшествующим периодом, в Стратегиях национальной безопасности США, разработанных в период президентства Дж. Буша, появился ряд новых моментов, относящихся к Китаю. Связанные с нацеленностью США на активную поддержку демократических процессов, проявлением которых руководство США, по всей видимости, расценивало события на площади Тяньаньмэнь (1989 г.), эти моменты являлись своеобразным отражением возникших на рубеже 1980-х – 1990-х гг. среди представителей американского истеблишмента целевых установок на быстрое переформатирование мира в рамках всеобщей демократизации. С другой стороны, с учетом постепенно проявляющихся успехов Китая на пути модернизации страны, начатой в рамках курса реформ еще в 1978 г., стали появляться симптомы определенной озабоченности по поводу выхода Китая на международную арену в качестве нового, гораздо мощного, чем прежде «центра сила», способного в перспективе поколебать весьма устойчивое на тот момент положение США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Представленные в течение 1994-2000 гг. Стратегии национальной безопасности США (1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000 гг.), публиковавшиеся ежегодно, во многом повторяли друг друга. Тем не менее они могут быть распределены в три группы: во-первых, «Стратегия Национальной Безопасности: вовлечённость и расширение» (1994 г.), «Стратегия Национальной Безопасности: вовлечённость и расширение» (1995 г.), «Стратегия Национальной Безопасности: вовлечённость и расширение» (1996 г.), во-вторых, «Стратегия Национальной Безопасности для нового века» (1997 г.), «Стратегия Национальной Безопасности для нового века» (1998 г.), «Стратегия Национальной Безопасности для нового века» (1999 г.), в-третьих, «Стратегия Национальной Безопасности для глобальной эпохи» (2000 г.).

Учитывая фактическое превращение США в единственную «сверхдержаву», равных которой тогда никого не было в мире, авторы этих концептуальных по своему характеру документов подчеркивали, что США являются нацией с глобальными интересами. Задача руководства страны заключается в том, чтобы поддерживать превосходство США во всех сферах: дипломатической, военной, индустриальной и технологической для защиты интересов США. Для выполнения этой задачи США могут действовать как совместно с другими странами, так и в одиночку, когда это необходимо. США являются единственной страной, способной осуществлять мировое лидерство при разрешении международных проблем. США объявляли о своей готовности к тому, чтобы использовать все необходимые инструменты национальной мощи для оказания влияния на субъекты международных отношений, в том числе на государства.

Таким образом, администрация Уильяма Дж. Клинтона выдвинула внешнеполитическую программу, целью которой было закрепить благоприятный для США расклад сил в мире и обеспечить возможности для контроля над развитием международной ситуации в соответствии с национальными интересами США.

Важное место отводилось идеологической составляющей, вкладывающейся в рамки концепции расширения демократии, предусматривавшей преобразование международного сообщества в соответствии с моделью демократии по-американски. Подчеркивалось, что в основе международного лидерства США лежит сила демократических идеалов и ценностей, а распространение демократии в мире не только идет на благо ценностям Америки, но и способствует укреплению безопасности и росту благосостояния США. В этих целях, в частности, предполагалось сделать акцент на четырех моментах: 1) укреплять сообщество стран с рыночной экономикой; 2) поощрять и укреплять новые демократии и общества с рыночной экономикой там, где для этого есть возможности; 3) бороться с агрессией и способствовать либерализации недемократических стран; 4) оказывать поддержку развитию демократии и рыночной экономики в регионах, вызывающих наибольшую тревогу.

В Стратегиях национальной безопасности США (1994, 1995, 1996 гг.) отмечалось, что «в Китае сохраняется репрессивный/авторитарный режим», и в то же самое время «эта страна начинает играть все более важную экономическую и политическую роль в глобальных делах» [6, р. 1; 7, р. 1; 8, р. 1].

Обращалось на необходимость оказать нажим на Китай, чтобы обеспечить его присоединение к Режиму контроля над ракетными технологиями (*Missile Technology Control Regime, MTCR*) и таким образом формализовать взятые им в 1991-1992 гг. обязательства по выполнению сформулированных еще в 1987 г. условий [6, р. 11; 7, р. 14; 8, р. 20], а также на важность заключения соглашения с Китаем по вопросам конверсии в ВПК [6, р. 14; 7, р. 16; 8, р. 22].

Отдельное внимание Китаю было уделено в разделе, касающемся Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Подчеркивалось, что «Восточная Азия – это регион, имеющий все большее значение для безопасности и процветания Соединенных Штатов... Сегодня, как никогда, безопасность, открытые рынки и демократия идут рука об руку в нашем подходе к этому динамичному региону. Президент Клинтон предполагает комплексную стратегию –

Новое Тихоокеанское сообщество, которое связывает требования безопасности с экономическими реалиями и нашу озабоченность по поводу демократии и прав человека». И далее: «Думая об Азии, мы должны помнить, что безопасность – это первая опора нашей политики. Соединенные Штаты намерены оставаться активными в этом регионе. Мы – тихоокеанская нация. В этом веке мы принимали участие в трех войнах. Чтобы сдерживать региональную агрессию и защищать наши собственные интересы, мы будем поддерживать наше активное присутствие в этом регионе. Наши глубокие двусторонние связи с такими союзниками, как Япония, Южная Корея, Австралия, Таиланд и Филиппины, а также непрерывное американское военное присутствие, послужит основой для укрепления роли Америки в качестве фактора безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В настоящее время наши силы насчитывают около 100000 человек в этом критически важном регионе...» [6, р. 23-24; 7, р. 28-29; 8, р. 39-41].

В отношении Китая была обозначена следующая конкретика: «Мы будем развивать более широкое взаимодействие с Китайской Народной Республикой, которое охватит наши экономические и стратегические интересы. Эта политика лучше всего отражена в нашем решении отделить статус Китая в рамках режима наиболее благоприятствуемой нации от отчета по правам человека. Мы также работаем над тем, чтобы облегчить развитие более открытого Китая, с рыночной экономикой, которая принимает правила международной торговли. Учитывая его растущий экономический потенциал и значительные вооруженные силы, важно, чтобы Китай не превращался в угрозу для безопасности региона. Мы настоятельно продвигаем участие Китая в региональных механизмах безопасности, чтобы успокоить его соседей и способствовать решению его собственных проблем безопасности. Мы стремимся к дальнейшему сотрудничеству Китая в сфере, касающейся нераспространения оружия массового поражения» [6, р. 23-24; 7, р. 28-29; 8, р. 39-41].

Наконец, особое внимание было уделено процессу демократизации Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и Китая в частности: «Третья опора нашей политики в построении Нового Тихоокеанского сообщества должна поддержать волну демократических реформ, охватывающей область. У новых демократических государств Азии имеется наша сильная поддержка, поскольку они двигаются к тому, чтобы усилить и расширить демократические реформы. Некоторые утверждали, что демократия является так или иначе неподходящей для Азии или по крайней мере для некоторых азиатских государств – что права человека относительно и что они просто маскируют западный культурный империализм. Эти аргументы не верны. Это не империализм Запада, а непосредственное стремление азиатских народов, что объясняет растущее число демократических государств и растущую силу демократических движений повсюду в Азии. Это – оскорбление духа, надежд и мечтаний людей, которые живут и изо всех сил пытаются в этих странах утверждать иначе». И далее: «Каждая нация должна найти свою собственную форму демократии. Но нет никакого культурного оправдания за пытки или тиранию. Мы отказываемся позволять осуществлять репрессии с точки зрения морального релятивизма. Демократия и права человека – это универсальные устремления и нормы. Мы продолжим требовать уважения к правам человека в странах столь же разнообразных как Китай...» [6, р. 23-24; 7, р. 28-29; 8, р. 39-41].

В Стратегиях национальной безопасности США (1997, 1998, 1999 гг.) Китаю было уделено гораздо большее внимание. Так, в 1997 г. уже в самом начале документа подчеркивалось: «Мы должны вести более глубокий диалог с Китаем. Изолированный, замкнутый Китай не годится для Америки или мира. Китай играет свою законную роль в качестве ответственного и активного члена международного сообщества» [9, р. 2]. В дальнейшем указывалось на важность совместной работы с Китаем с целью решения ряда важных вопросов в сфере нераспространения, в том числе в контексте Режимы контроля над ракетными технологиями (*Missile Technology Control Regime, MTCR*) [9, р. 10]. В части, посвященной Всемирной торговой организации (ВТО), отмечалось, что «в наших интересах, чтобы Китай стал членом ВТО; однако мы неуклонно проводим усилия на то, чтобы присоединение Китая к ВТО про-

исходило на коммерческой основе. Китай поддерживает множество барьеров, которые должны быть устранены, и нам необходимо обеспечить, чтобы до вступления в силу соглашения были согласованы все необходимые реформы» [9, р. 18].

В разделе, посвященном Восточной Азии и Тихоокеанскому региону, и в 1997, и в 1998, и в 1999 гг. вновь в центре внимания находилась стратегия Нового Тихоокеанского сообщества, включавшая три элемента: усиление безопасности, продвижение процветания и продвижение демократии. США рассматривались в качестве стабилизирующего фактора, обеспечивающего высокий уровень безопасности и интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Важным элементом стратегии по-прежнему объявлялось наличие контингентов вооруженных сил США в странах этого региона земного шара [9, р. 26-28; 10, р. 41-47; 11, р. 34-39].

Что же касается Китая, то в интересах США виделось появление Китая в качестве устойчивого, открытого, безопасного и мирного государства. «Перспективы мира и процветания в Азии зависят в большой степени от роли Китая в качестве ответственного члена международного сообщества. Интеграция Китая в международную систему правил и норм будет влиять на его собственное политическое и экономическое развитие, так же как на его отношения с остальной частью мира. Наш успех в работе с Китаем как партнером в построении устойчивого международного порядка зависит от установления продуктивных отношений, которые получают долговременную внутреннюю поддержку...». Конкретизировалось, что «политика США по отношению к Китаю является одновременно и принципиальной, и прагматической: расширять область нашего сотрудничества и при этом откровенно говорить о наших расхождениях. Пытаться изолировать Китай – дело явно нереальное. Даже наши друзья и союзники во всем мире не поддержали бы нас в этом; мы добились бы только того, что поставили бы в изоляцию самих себя и свою собственную политику. Еще более важно, что изоляция Китая вместо включения его в мировую систему не сделает этот мир безопаснее. Напротив, она сделает его более опасным, скорее подорвет, нежели подкрепит наши усилия по утверждению стабильности в Азии и предотвращению распространения оружия массового поражения. Такая политика помешает делу демократии и прав человека в Китае, воспрепятствует глобальным усилиям по защите окружающей среды и отрежет мир от одного из важнейших рынков» [9, р. 26-28; 10, р. 41-47; 11, р. 34-39].

Ключевые цели в области национальной безопасности США, касающиеся Китая, включали следующее: поддержка стратегического диалога, начатого благодаря начатым встречам на высшем уровне и другим обменам высокого уровня, уделяющим внимание интересам обеих сторон; укрепление стабильности в Тайваньском проливе через возобновление диалога между Пекином и Тайбэем, опираясь на принцип «одного Китая»; приверженность КНР международным нормам нераспространения, учреждению всесторонней системы контроля над экспортом соответствующих технологий, а также условиям, которые бы обеспечили выполнение соглашения по использованию ядерной энергии в мирных целях 1985 года; достижение большей открытости и прозрачности вооруженных сил КНР; конструктивная роль КНР в делах международной безопасности через активное сотрудничество в рамках АТЭС, АСЕАН и Диалога по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии; расширение сотрудничества в правоохранительной сфере в целях борьбы с терроризмом и наркотрафиком [9, р. 26-28; 10, р. 41-47; 11, р. 34-39].

Как и ранее, в повестку дня политики США в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе были включены действия, проистекающие из концепции расширения демократии. При этом подчеркивалось: «Каждая нация должна найти свою собственную форму демократии, мы уважаем разнообразие демократических институтов, которые появились в Азии». Отдельный пункт касался Китая. В частности, США намеревались использовать конструктивный, целенаправленный подход в целях достижения прогресса касательно проблем прав и свобод человека и верховенства закона в Китае [9, р. 26-28; 10, р. 41-47; 11, р. 34-39].

Не меньшее внимание Китаю было уделено в Стратегии национальной безопасности США (2000 г.). Прежде всего, подчеркивалось, что США «одновременно с укреплением существующих союзов, должны построить принципиальные, конструктивные, проницательные отношения с... прежними противниками, такими, как Россия и Китай. Мы должны помнить о существующих угрозах миру, а также максимизировать возможности относительно движения России и Китая к большей внутренней открытости, стабильности и процветанию, ухватившись за желание обеих стран участвовать в мировой экономике и глобальных институтах, настаивая на том, чтобы обе страны приняли на себя обязательства, так же как преимущества от интеграции...» [12, р. 2]. И далее: «Нации, с философией которых мы расходились во время большей части холодной войны, находятся в процессе значительного политического и экономического изменения. Наши обязательства перед этими государствами за прошедшие восемь лет сосредоточились на их поощрении проводить важные политические и экономические реформы, в то же самое время отговаривая их от движения в сторону конфронтационных отношений. Наши усилия... были нацелены на то, чтобы предложить возможности и стимулы для активного соучастия, а также поощряя их быть ответственными членами мирового сообщества. Это означает продвижение принципа уважения прав людей и наций в областях столь же разнообразных, как окружающая среда, гуманитарные проблемы, верховенство закона и экономическая справедливость. В то же время, поскольку результаты преобразований в этих странах в целом не являются бесспорными, наше обязательство оказало положительное влияние, как на региональную, так и на глобальную стабильность» [12, р. 5].

В разделе, посвященном Восточной Азии и Тихоокеанскому региону, стратегия Нового Тихоокеанского сообщества, предложенная администрацией Уильяма Дж. Клинтона еще в 1994 г. напрямую не упоминалась, однако была дана развернутая характеристика всех трех ее элементов: усиление безопасности, продвижение процветания и продвижение демократии. Подчеркивалось, что «наша региональная стратегия основана на предпосылке, что устойчивая и преуспевающая Восточная Азия и Тихоокеанский регион жизненно важны для наших собственных интересов национальной безопасности. Лидерство Соединенных Штатов в том, что касается расширения взаимно выгодных экономических отношений и американских обязательств в сфере безопасности в пределах Тихоокеанского региона является ключевым шагом на пути к стабильности, и что еще более важно, оно способствует складыванию атмосферы, в пределах которой могут процветать все нации Азии/Тихого океана. Мы будем продолжать продвигать это видение Азии/Тихого океана, продвигая демократию и права человека, продвигая экономическую целостность и основанную на правилах торговлю, а также укрепляя безопасность» [12, р. 60-68].

Что же касается Китая, то, наряду с декларациями о том, что «устойчивая, открытая, преуспевающая Китайская Народная Республика, которая уважает верховенство закона и берет на себя ответственность за построение более спокойного мира – это исключительно в наших интересах», «перспективы мира и процветания в Азии зависят в большой степени от роли Китая в качестве ответственного члена международного сообщества», «наша политика по отношению к Китаю, принципиальна и прагматична, нацелена на расширение областей сотрудничества, несмотря на наши различия», был обозначен качественно новый момент. В частности, указывалось следующее: «В то же самое время, возвышение Китая и его превращение в мощную силу представляет множество потенциальных проблем. Многие из соседей Китая обращают внимание на рост расходов Китая на оборону и модернизацию Народно-освободительной армии Китая. Учитывая международный и региональный контекст процесса укрепления военной мощи Китая, приверженность Китая многостороннему режиму нераспространения и режимам контроля над вооружениями, так же как увеличение прозрачности в военной области, имеет все более растущую важность». Кроме того, подчеркивалась важность диалога между США и КНР по ключевым проблемам регионального характера в сфере безопасности, вызывающим общую озабоченность (Корейский полуостров, Тайвань) [12, р. 60-68].

Традиционно в повестку дня политики США в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе были включены действия, отражающие приверженность руководства США концепции расширения демократии [12, р. 60-68].

Таким образом, в период президентства Уильяма Дж. Клинтона в Стратегиях национальной безопасности США вновь обнаружился ряд новых моментов, относящихся к Китаю. Помимо обозначенного выше, важно подчеркнуть, что администрация Уильяма Дж. Клинтона, рассматривая Китай в качестве одного из наиболее быстро растущих рынков для американских товаров и услуг, считала важным обеспечить включение Китая в формирующуюся тогда систему международной торговли, основанную на принципах глобализации, предложенных США, в рамках режима Постоянных нормальных торговых отношений (*Permanent normal trade relations, PNTR*), который бы обеспечил американским компаниям доступ на рынок самого густонаселенного государства в мире. На рубеже 1990-х – 2000-х гг. это соответствовало национальным интересам США. Предполагалось, что в XXI в. экспорт из США в КНР будет расти, что позволит создать сотни тысяч новых рабочих мест. В результате, именно в этом контексте рассматривалась необходимость обеспечить вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО).

В период президентства Дж. Буша-младшего было разработано два документа, касающихся стратегического планирования в области национальной безопасности США – «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов Америки» (2002 г.) и «Стратегия Национальной Безопасности Соединённых Штатов Америки» (2006 г.). После трагических событий 11 сентября 2001 г. в качестве основных угроз национальной безопасности США в них был назван международный терроризм и распространение оружия массового уничтожения (ОМУ).

При этом, первый из этих документов провозгласил концепцию упреждающих действий для предотвращения попыток государств и террористических групп угрожать США и их союзникам применением ОМУ. «Америка будет действовать против возникающих угроз, прежде чем они полностью сформируются», - говорилось в документе. Кроме того, в случае необходимости США оставляли за собой право действовать в одиночку, без обращения за помощью или поддержкой к другим членам международного сообщества. Помимо борьбы с терроризмом документ также провозглашал цель распространения демократии и прав человека в мире, увеличение степени развития и открытости обществ, а также расширение совместных действий с другими глобальными центрами силы, в т. ч. с Россией. Примечательно, что в документе констатировалось, что США и РФ перестали быть стратегическими противниками. США выражали готовность к сотрудничеству с РФ на новом уровне, в первую очередь, в рамках борьбы с терроризмом.

В документе, представленном спустя четыре года, констатировалось, что США все еще находятся в состоянии глобальной войны против терроризма. Как и предыдущий документ, он фактически стал стратегией борьбы с международным терроризмом как на территории США, так и за их пределами. Сохранился в нем и принцип превентивного отражения угрозы, а также готовность в необходимых случаях действовать самостоятельно. Как и ранее, значительное место в документе отводилось недопущению распространения ОМУ. Важным представлялось покончить с тиранией и продвигать демократию в мире. Главными врагами США были объявлены Иран и КНДР – государства, в которых господствует тирания и представляющие угрозу с точки зрения распространения ядерного оружия. К числу деспотических режимов были отнесены также Сирия, Куба, Беларусь, Бирма и Зимбабве. Подчеркивалось, что США стремятся к тесному сотрудничеству с РФ по стратегическим вопросам, представляющим взаимный интерес, а также надеются прийти к решению по тем вопросам, в отношении которых позиции двух стран различны.

Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, и в Стратегии национальной безопасности США (2002 г.), и в Стратегии национальной безопасности США (2006 г.) довольно существенное внимание было уделено Китаю.

Важно подчеркнуть, что фактически впервые в тексте встречается привязка Китая к другим усиливающимся «центрам силы»: в 2002 г. – Россия, Индия и Китай [13, р. 26], в 2006 г. – Бразилия, Россия, Индия и Китай [14, р. 26]. В частности, подчеркивалось: «Мы внимательно следим за тем, чтобы не возрождались старые стереотипы противоборства великих держав. Несколько стран, которые потенциально могут считаться великими державами, переживают в настоящее время переходный период – в первую очередь, это – Россия, Индия и Китай. Развитие событий в последнее время во всех трех этих странах дает основания надеяться, что в отношении основополагающих принципов постепенно складывается по-настоящему глобальный консенсус».

Нельзя не отметить упоминание о проблеме глобального потепления, вызванной выбросами в атмосферу углекислого газа, решение которой предполагалось осуществлять в том числе посредством сокращения этих выбросов со стороны Китая, быстро развивающаяся экономика которого обеспечивала значительные объемы таких выбросов [13, р. 20; 14, р. 27].

Конкретика, касающаяся Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и Китая в частности, была изложена в одинаковых по названию разделах (Раздел VIII. «Разрабатывать планы совместных действий с другими главными центрами глобального влияния») Стратегии национальной безопасности США (2002 г.) и Стратегии национальной безопасности США (2006 г.).

2002 г.: «Отношения Соединенных Штатов с Китаем являются важной частью нашей стратегии по содействию стабильности, миру и процветанию в Азиатско-тихоокеанском регионе. Мы приветствуем становление сильного, мирного и процветающего Китая. Развитие демократии в Китае имеет решающее значение для построения такого будущего. Однако спустя четверть века после того, как начался процесс освобождения от наихудших черт коммунистического наследия, руководители Китая до сих пор не приняли решений по целому ряду других принципиально важных вопросов, определяющих характер этого государства. Стремясь создать мощный арсенал современных вооружений, который может представлять угрозу для его соседей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Китай идет старым путем, что в конечном итоге будет мешать его собственным стремлениям к национальному величию. Со временем Китай поймет, что единственным источником такого величия является социальная и политическая свобода.

Соединенные Штаты стремятся к конструктивным отношениям с переживающим период перемен Китаем. Мы уже успешно сотрудничаем там, где наши интересы совпадают, в том числе в ведущейся войне с терроризмом и в содействии стабильности на Корейском полуострове. Аналогичным образом, мы сверяли свои позиции по вопросу о будущем Афганистана и начали всеобъемлющий диалог о противодействии терроризму и другим проблемам переходного периода. Общие угрозы здоровью людей и окружающей среде, такие как распространение ВИЧ/СПИДа, требуют, чтобы совместными усилиями мы стремились улучшить благополучие наших граждан.

Участие Китая в усилиях по устранению транснациональных угроз потребует, чтобы он проявлял большую открытость в области информации, содействовал развитию гражданского общества и укреплял индивидуальные права человека. Китай встал на путь, ведущий к политической открытости, предоставив своим гражданам многочисленные личные свободы и организовав в деревнях выборы в органы местного управления, но при этом по-прежнему остается верным однопартийной системе правления у себя в стране, при которой вся власть сосредоточена в руках Коммунистической партии. Но чтобы в этой стране по-настоящему учитывались нужды и чаяния ее граждан, сделать предстоит еще очень многое. Китай сможет полностью раскрыть свой потенциал только в том случае, если он предоставит китайскому народу свободу мысли, собраний и вероисповедания.

На наши важные торговые отношения с Китаем благоприятно повлияет его вступление во Всемирную торговую организацию, ибо это откроет новые возможности для экспорта а, в конечном итоге, создаст дополнительные рабочие места для американских фермеров, рабочих и компаний. Китай – наш четвертый крупнейший торговый партнер с ежегодным совокупным товарооборотом более 100 миллиардов долларов. Под воздействием рыночных принципов и предъявляемых ВТО требований к транспарентности и отчетности Китай будет вынужден двигаться в направлении большей открытости и соблюдения законов, что будет способствовать созданию основных гарантий прав как в области торговли, так и для его граждан. Имеются, однако, и другие области, где у нас существуют глубокие разногласия. Одна из них – это наша поддержка права Тайваня на самооборону в соответствии с Законом об отношениях с Тайванем. Другая – права человека. Мы ожидаем, что Китай будет выполнять свои обязательства в области нераспространения. Мы будем преодолевать разногласия там, где они имеются, но не будем давать им становиться препятствием для сотрудничества там, где у нас имеется согласие.

События 11 сентября 2001 года коренным образом изменили контекст отношений между Соединенными Штатами и другими главными центрами глобального влияния и открыли обширные новые возможности. Вместе с нашими давними союзниками в Европе и Азии, а также с руководителями России, Индии и Китая нам нужно разрабатывать активные планы сотрудничества, чтобы эти отношения не утратили динамику и продуктивность.

Эти задачи стоят перед всеми правительственными структурами Соединенных Штатов. Мы можем развить полезные традиции диалога, спокойного обсуждения, трезвого анализа и совместных действий. В долгосрочном плане именно эти методы ведения политики будут обеспечивать верховенство наших общих принципов и возможности для достижения прогресса» [13, р. 27-28].

2006 г.: «Китай воплощает драматические экономические успехи Азии, но переход Китая в это состояние остается незавершенным. В течение жизни одного поколения Китай перешел от нищеты и изоляции к растущей интеграции в международную экономическую систему. Китай однажды выступал против глобальных учреждений; сегодня он – постоянный член Совета Безопасности ООН и ВТО. Поскольку Китай становится глобальным игроком, это должно способствовать тому, чтобы он действовал как ответственный заинтересованный участник, который выполняет свои обязательства и работает вместе с Соединенными Штатами и другими странами, чтобы способствовать прогрессу международной системы, которая позволила ему обеспечить этот успех, а именно: соблюдать международные правила, которые помогли выходу Китая из продолжавшихся в течение столетия экономических лишений, принять экономические и политические стандарты, которые согласуются с этой системой правил и способствуют международной стабильности и безопасности, работая с Соединенными Штатами и другими крупными державами.

Лидеры Китая заявляют, что они приняли решение идти по пути трансформации в рамках мирного развития. Если Китай будет сохранять эти обязательства, Соединенные Штаты приветствуют возникновение мирного и процветающего Китая, который сотрудничает с нами для решения общих проблем и обеспечения взаимных интересов. Китай может внести важный вклад в глобальное процветание и обеспечить его собственное процветание в течение длительного периода времени, если он будет больше полагаться на внутренний спрос и меньше опираться на глобальную неустойчивость в торговле, стимулирующую его экономический рост. Китай, как и мы, подвержен проблемам глобализации и другим транснациональным проблемам. Взаимные интересы могут служить определяющим моментом для нашего сотрудничества по таким вопросам, как терроризм, распространение и энергетическая безопасность. Мы будем работать над расширением нашего сотрудничества в целях борьбы с пандемиями болезней и обратной деградацией окружающей среды.

Соединенные Штаты поддерживают движение Китая по пути реформ и открытости, потому что таким образом лидеры Китая могут удовлетворить законные потребности и чая-

ния китайского народа относительно свободы, стабильности и процветания. Поскольку экономический рост продолжается, Китай столкнется с растущим желанием со стороны своего народа идти по пути многих современных демократических государств Восточной Азии, добавляя политическую свободу к экономической свободе. Продолжающееся движение по этому пути будет способствовать региональной и международной безопасности.

Однако лидеры Китая должны осознать, что они не смогут продолжать двигаться по этому мирному пути, пока они будут придерживаться старых способов мышления и действия, что только усугубляет проблемы во всем регионе и мире. Эти старые способы включают:

- продолжение военной экспансии Китая непрозрачным образом;
- расширение торговли, но при этом осуществление действий, которые могут каким-то образом «блокировать» поставки энергоресурсов в различные регионы мира или обеспечить недопущение иностранных товаров на собственные рынки, т.е. следование политике меркантилизма, заимствованной из эпохи, дискредитировавшей себя, а также
- поддержка богатых ресурсами стран без учета того, какие злоупотребления допускают эти режимы у себя дома или за границей.

Китай и Тайвань должны также разрешить свои разногласия мирным путем, без принуждения и без односторонних действий со стороны либо Китая, либо Тайваня.

В конечном счете лидеры Китая должны понять, что они не могут позволить своему населению использовать свободу, чтобы покупать, продавать и производить, отказывая им в праве на собрание, свободу слова и вероисповедания. Только тогда, когда китайскому народу будет разрешено пользоваться этими основными свободами и универсальными правами, Китай будет соблюдать свою собственную конституцию и международные обязательства, а также сможет полностью реализовать свой потенциал. Наша стратегия направлена на то, чтобы побудить Китай сделать правильный стратегический выбор для своих граждан, в то время как мы окажемся застрахованы от других возможностей» [14, р. 41-42].

Таким образом, в Стратегиях национальной безопасности США, разработанных в период президентства Дж. Буша-младшего, Китаю было уделено гораздо большее внимание, чем ранее. Это не является случайностью. Все более усиливающийся Китай, а также его постепенно превращение в мощный «центр силы» в современных международных отношениях не могло не вызывать повышенного интереса со стороны руководства США. В связи с этим, для США становилось важным, чтобы Китай действовал как глобальная держава, несущая ответственность за свои действия, влияющие на ситуацию, как на региональном, так и на глобальном уровне. Подчеркнем, что наибольшую озабоченность у США вызывал растущий военный потенциал Китая, нейтрализация которого с потенциальной нацеленностью на враждебность, по всей видимости, рассматривалась в рамках дальнейшего движения Китая на пути экономических и политических реформ, в русле демократизации и привязки к ключевым международным институтам в сфере торгово-экономических отношений (ВТО и др.). Значительную роль должно было также сыграть и дальнейшее развитие двусторонних отношений США и КНР.

В период президентства Б. Обамы было разработано два документа, касающихся стратегического планирования в области национальной безопасности США – «Стратегия Национальной Безопасности» (2010 г.) и «Стратегия Национальной Безопасности» (2015 г.). В них был зафиксирован отход от прежней линии, которая лежала в основе внешней и оборонной политики администрации Дж. Буша-младшего, но в то же самое время в них нашли отражение положения, которые являются традиционными применительно к стратегиям национальной безопасности современных США.

Наиболее существенным изменением, которое прослеживается в Стратегии национальной безопасности (2010 г.) и Стратегии национальной безопасности (2015 г.), является провозглашенный администрацией Б. Обамы переход от одностороннего к многостороннему

подходу к решению проблем, существующих в международных отношениях с опорой на своих союзников, в первую очередь – страны-члены НАТО, а также отказ от превентивного характера действий, связанных с ликвидацией угроз национальной безопасности США.

В остальном следует говорить о преемственности, что относится и к перечню ключевых угроз национальной безопасности США (международный терроризм, распространение ОМУ, региональные конфликты, глобальное изменение климата и др.), и к целеполаганию. Как и ранее, США были нацелены на поддержание своей военной мощи, сохранение и укрепление глобального лидерства, продвижение демократии в мире.

С другой стороны, довольно существенные изменения в Стратегию национальной безопасности США были внесены в 2015 г. в связи с Украинским кризисом (с 2013 г.). Если в 2010 г. указывалось, что США стремятся построить с РФ стабильные отношения, основанные на взаимных интересах, заинтересованы в «сильной, мирной и преуспевающей России» и готовы поддерживать усилия внутри РФ, направленные «на закрепление буквы закона, ответственного правительства и универсальных ценностей», то в 2015 г. утверждалось, что Российская Федерация «нарушает суверенитет и территориальную целостность Украины» и придерживается «воинственного подхода к другим соседним странам», ставя под угрозу международные нормы. «Агрессивность России» была названа как фактор, влияющий «на перспективы отношений между ведущими державами». «Мы будем сдерживать российскую агрессию, бдительно наблюдая за ее стратегическим потенциалом, а при необходимости поможем нашим союзникам и партнерам противостоять российскому принуждению. В то же время, мы будем держать двери открытыми для расширения сотрудничества с Россией по вопросам, представляющим взаимный интерес», - говорилось в документе.

Конкретика, касающаяся Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и Китая в частности, содержалась в различных разделах Стратегии национальной безопасности США (2010 г.) и Стратегии национальной безопасности США (2015 г.).

2010 г.: «Соединенные Штаты – часть динамической международной среды, в которой разные нации оказывают всё большее влияние, и продвижение наших интересов потребует расширяющихся сфер сотрудничества по всему миру. Определенные двусторонние отношения – такие как американские отношения с Китаем, Индией, и Россией – важны для построения более широкого сотрудничества в областях взаимного интереса. И появляющиеся державы в каждой области мира все более и более утверждаются, увеличивая возможности сотрудничества для Соединенных Штатов.

Азия: Динамический экономический рост Азии увеличил её связь с будущим процветанием Америки, и её появляющиеся центры влияния делают все более и более повышают её важность. Мы сделали существенные шаги к углублению нашего обязательства в области, через региональные организации, новые диалоги, и высокий уровень дипломатии. Соединенные Штаты имеют глубокие и устойчивые связи со странами области, включая торговлю и инвестиции, которые стимулируют рост и процветание со обе стороны Тихого океана, и увеличивающие важность этих связей по отношению к нашим усилиям по продвижению уравновешенного и жизнеспособного роста и к удвоению американского экспорта. Мы расширяем сотрудничество безопасности по проблемам, таким как экстремизм и распространение ядерного оружия.

Мы будем работать, чтобы продвинуть эти взаимные интересы через наши союзы, углубить наши отношения с появляющимися державами, и преследовать более сильную роль в многосторонней архитектуре региона, включая Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), форум Азиатско-Тихоокеанского Экономического сотрудничества, Тихоокеанское сотрудничество и Восточно-Азиатский Саммит.

Мы продолжим преследовать положительные, конструктивные и всесторонние отношения с Китаем. Мы приветствуем Китай, который берет на себя ответственную роль лидерства в работе с Соединенными Штатами и международным сообществом, укрепляя такие приоритеты, как восстановление экономики, противостояние изменению климата и нерас-

пространение. Мы будем контролировать военную программу модернизации Китая и готовимся к тому, что американские интересы и союзники, на местах и глобально, не поддаются отрицательному влиянию. Более широко, мы стимулируем Китай делать выборы, которые способствуют миру, безопасности и процветанию, как и его повышению его влияния. Мы используем наш недавно установленный Стратегический и Экономический Диалог, чтобы противостоять более широкому диапазону проблем и улучшить коммуникацию между нашими вооруженными силами, чтобы уменьшить недоверие. Мы поощрим длительное сокращение напряженности между народами республики Китая и Тайваня. Мы не будем обсуждать каждую проблему, и мы будем вести четкую политику относительно наших проблем по правам человека и регионов, где мы отличаемся. Но разногласия не должны предотвратить сотрудничество по проблемам взаимного интереса, потому что прагматические и эффективные отношения между Соединенными Штатами и Китаем являются существенными, для преодоления основных проблем 21-ого столетия» [15, p. 43].

2015 г.: «Отвечая на эти актуальные вызовы, мы стараемся создать для себя исторические возможности. Перебалансировка наших усилий в направлении Азии и Тихоокеанского региона приводит к углублению связей со все новыми союзниками и партнерами. После реализации Транс-Тихоокеанского партнерства мы получим новые возможности в торговле и инвестициях, а также новые высококачественные рабочие места у себя дома и во всем регионе, где осуществляется более 40% мировой торговли... Масштабы нашего сотрудничества с Китаем беспрецедентны, хотя мы с настороженностью относимся к модернизации армии Китая и отвергаем угрозы как средство разрешения территориальных споров...

Наращивание возможностей по предотвращению конфликтов

Мы будем укреплять американский и международный потенциал для предотвращения межгосударственных и внутрисударственных конфликтов... Между тем... напряженность в акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей напоминает о рисках эскалации. Для сдерживания будущих актов межгосударственной агрессии и провокаций по-прежнему крайне важна американская дипломатия и американское лидерство при поддержке сильной армии. В этих целях мы обязаны подтверждать наши гарантии безопасности союзникам и партнерам, наращивать их потенциал противодействия принуждению, заставлять платить по счетам тех, кто угрожает соседям и нарушает основополагающие международные нормы, а также организовывать свои действия в рамках более масштабных региональных стратегий...

Борьба с климатическими изменениями

Действия внутри страны способствуют укреплению нашего международного лидерства. Отталкиваясь от результатов встречи в Копенгагене и последующих переговоров, мы работаем над новым амбициозным соглашением о глобальных климатических изменениях, чтобы сформировать стандарты предотвращения, готовности и реагирования в течение следующего десятилетия. Будучи самыми крупными в мире загрязнителями атмосферы, Соединенные Штаты и Китай заключили знаковое соглашение о важных мерах по сокращению углеродных выбросов. Те средства, которые мы пообещали пожертвовать на нужды Зеленого климатического фонда, помогут самым уязвимым развивающимся странам в решении проблем климатических изменений, в снижении их углеродных выбросов и в развитии чистой энергетики. Более 100 стран присоединились к нам в рамках Монреальского протокола в целях снижения выбросов парниковых газов. Страны мира при помощи этого соглашения вполне успешно справились с задачей по постепенному отказу от химических веществ, уменьшающих озоновый слой...

Безопасность в воздухе и на море

Соединенные Штаты глубоко заинтересованы в свободе мореплавания и перелетов, а также в безопасности и устойчивости воздушной и морской среды. Поэтому мы будем поддерживать на должном уровне силы и средства, обеспечивающие свободу коммерческих перевозок, оказывать помощь тем, кто в этом нуждается, а также сдерживать тех, кто замышляет агрессию. Мы настаиваем на безопасном и ответственном поведении в небе и на море. Мы

отвергаем незаконные и агрессивные претензии и посягательства на воздушное пространство и морские территории, а также осуждаем преднамеренные нападения на коммерческие пассажирские суда. В территориальных спорах, в частности в Азии, мы осуждаем меры принуждения и попытки самоутверждения, грозящие эскалацией напряженности. Мы выступаем за открытый диалог в мирном урегулировании споров в соответствии с нормами международного права. Мы также выступаем за скорейшую выработку эффективного кодекса поведения в Южно-Китайском море между Китаем и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Америка расширит свои возможности по обеспечению соблюдения общепринятых норм международного права, нашедших отражение в Конвенции ООН по морскому праву, если на то даст свое согласие и соответствующие рекомендации сенат. Сохраняющееся нежелание ратифицировать эту конвенцию подрывает наши национальные интересы в правовом международном порядке...

Осуществлять нашу перебалансировку в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона

Соединенные Штаты были, есть и будут тихоокеанской державой. В предстоящие пять лет почти половину экономического роста за пределами США будет обеспечивать Азия. При этом динамика безопасности в регионе, включая спорные территориальные претензии на море и провокационные действия Северной Кореи, создают риск эскалации напряженности и конфликта. Американское лидерство по-прежнему будет крайне важно для формирования долговременной траектории движения этого региона к прочной стабильности и безопасности, к развитию торговли и коммерции посредством открытой и прозрачной системы, а также к соблюдению всеобщих прав и свобод...

Соединенные Штаты приветствуют укрепление стабильного, мирного и процветающего Китая. Мы стремимся к развитию конструктивных отношений с Китаем, которые принесут выгоду народам наших двух стран, а также способствуют безопасности и благополучию Азии и всего мира. Мы стремимся к сотрудничеству в решении общих региональных и глобальных вопросов, таких как климатические изменения, здоровье населения, экономический рост и создание безъядерной зоны на Корейском полуострове. Хотя конкуренция будет обязательно, мы не верим в неизбежность конфронтации. В то же время конкуренцией мы будем заниматься с позиции силы, настаивая на том, чтобы Китай соблюдал международные нормы и правила в самых разных вопросах, от безопасности на море до торговли и прав человека. Мы будем пристально следить за военной модернизацией Китая и за расширением его присутствия в Азии, изыскивая при этом пути для снижения риска непонимания и просчетов. Что касается кибербезопасности, то здесь мы будем предпринимать необходимые действия для защиты наших компаний и сетей от краж в виртуальном пространстве торговых тайн в целях коммерческой выгоды, кто бы этим не занимался – частные игроки или китайское государство» [16, p. 10, 12, 13, 24].

Таким образом, в Стратегиях национальной безопасности США, разработанных в период президентства Б. Обамы, при сохранившейся ставшей уже традиционной установке на развитие двусторонних отношений США и КНР, совершенно четко обозначены угрозы, исходящие в адрес национальных интересов США со стороны Китая.

В отношении Китая такие же существенные, как в случае с Россией, трансформации, затронувшие подход США в сфере национальной безопасности, в течение 2010-2015 гг. не наблюдались. Тем не менее можно увидеть ряд, на первый взгляд, не очень значительных изменений, которые, однако, свидетельствовали о нарастании противоречий во взаимоотношениях США и КНР. Они не могли не усиливаться в условиях провозглашенной администрацией Б. Обамы еще в 2010 г. стратегии «Возвращение в Азию».

Несмотря на то, что Китай расценивался в качестве одного из ключевых центров растущего влияния в современном мире, с которым, как заявлялось, «мы продолжим углублять наше сотрудничество... на основе взаимных интересов и взаимного уважения», фактически впервые речь шла об обвинениях в адрес Китая, связанных с заимствованием американской интеллектуальной собственности и торговых секретов, а также деятельностью в киберпро-

странстве. Серьезным с точки зрения его опасности представлялся и растущий военный потенциал Китая.

В целом, важно подчеркнуть, что администрация Б. Обамы признавала возникновение соперничества, но отрицала неизбежность конфронтации с участием США и КНР, предполагая, что урегулирование существующих проблем возможно с помощью дипломатических средств. Однако курс на сдерживание возвышающегося Китая просматривается со всей очевидностью.

Таким образом, в течение 1987-2015 гг. в Стратегиях национальной безопасности США, в части, касающейся Китая, можно выявить довольно существенные трансформации.

Первоначально, Китаю уделялось незначительное внимание в Стратегиях национальной безопасности США. Фактически, вплоть до 1991 г. включительно, большая часть положений была посвящена выстраиванию стратегии внешней и оборонной политики США в отношении СССР.

После окончания «холодной войны» США стремились включить КНР в глобальную экономическую систему, формирование которой осуществлялось при самом активном участии стран Запада на протяжении 1990-х – 2000-х гг. Эта задача нашла свое значительное отражение в Стратегиях национальной безопасности США.

В целом, во всех Стратегиях национальной безопасности США мы встречаем нацеленность на развитие взаимовыгодных отношений между США и КНР, однако к 2015 г. совершенно четкой оказалась установка на сдерживание все более усиливающегося Китая. В XXI столетии возвышение Китая стало расцениваться как одна из важнейших угроз состоянию национальной безопасности США.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. National Security Strategy of the United States. The White House, January 1987. Washington, 1987. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1987.pdf>.
2. National Security Strategy of the United States. The White House, January 1988. Washington, 1988. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1988.pdf>.
3. National Security Strategy of the United States. The White House, March 1990. Washington, 1990. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1990.pdf>.
4. National Security Strategy of the United States. The White House, August 1991. Washington, 1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1991.pdf>.
5. National Security Strategy of the United States. The White House, January 1993. Washington, 1993. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1993.pdf>.
6. National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House, July 1994. Washington, 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1994.pdf>.
7. National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House, February 1995. Washington, 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1995.pdf>.
8. National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House, February 1996. Washington, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1996.pdf>.
9. National Strategy For a New Century. The White House, May 1997. Washington, 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1997.pdf>.
10. National Strategy For a New Century. The White House, October 1998. Washington, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1998.pdf>.
11. National Strategy For a New Century. The White House, December 1999. Washington, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2000.pdf>.
12. National Security Strategy For A Global Age. The White House, December 2000. Washington, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2001.pdf>.

13. National Security Strategy of the United States of America. The White House, September 2002. Washington, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf>.
14. National Security Strategy of the United States of America. The White House, March 2006. Washington, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>.
15. National Security Strategy. The White House, May 2010. Washington, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>.
16. National Security Strategy. The White House, February 2010. Washington, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>.

Кун Дэкунь, аспирант
Кафедра политологии
Дальневосточный федеральный университет
Alexkun.2016@mail.ru

РОССИЯ: ОТ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ С КНР В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»

УДК 327

Аннотация: в 2013 году во время визита в страны Центральной Азии и Юго-Восточной Азии председатель Китая Си Цзиньпин последовательно предложил основные меры по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути 21-го века», которые привлекли широкое внимание международного сообщества. Отношение России особенно важно в областях, охватываемых инициативой «Один пояс и один путь». В ближайшие несколько лет для Китая наступит критический период для всестороннего построения общества со средним достатком, а также для достижения великого возрождения китайской нации, напротив, для России - важный этап оживления и возрождения национальной силы. Китайско-российские отношения сталкиваются с серьезными возможностями и проблемами. Инициатива «Один пояс и один путь» и стратегия «Евразийский экономический союз» имеют широкие перспективы, они смогут эффективно вести страны по маршруту общего развития экономики стран-членов ШОС. В этой статье будут рассмотрены основные сомнения и изменения осознания России в осуществлении «Одного пояса и одного пути».

Ключевые слова и фразы: «Один пояс и один путь», стратегическое сопряжение, отношение России, совместное процветание.

Kong Dekun, Post-graduate student
of the Department of Political Science
Far Eastern Federal University
Alexkun.2016@mail.ru

RUSSIA: FROM COGNITION TO STRATEGIC COOPERATION WITH CHINA IN THE IMPLEMENTATION OF THE INITIATIVE «ONE BELT AND ONE ROAD»

Abstract. In 2013, during his visit to Central Asia and Southeast Asia, Chinese leader Xi Jinping successively proposed important initiative about jointly building the "Silk Road Economic Belt" and the "21-st Century Maritime Silk Road", which has been aroused widespread concern in the international community. Russia's attitude towards the initiative is particularly critical in the areas that covered by the initiative "One Belt, One Road". Especially in the next few years, it is a crucial period for China to build a well-off society in an all-round way and realize the great rejuvenation of the Chinese nation. It is also an important stage for the revitalization and re-emergence of Russia's national rise. Sino-Russian relations are facing many opportunities and challenges. The docking between China's "One Belt, One Road" strategy and Russia-led "Eurasian Economic Union" will make broad prospects and can effectively drive the countries which being located along the route, especially the member states of the Shanghai Cooperation Organization to achieve overall economic development. This article examines Russia's main concerns and cognitive shift towards the initiative "One Belt, One Road".

Key words and phrases: «One Belt, One Road»; strategic docking; Russia's attitude; common prosperity.

В начале представления инициативы «Один пояс и один путь» у России возникли сомнения из-за непонимания. После продвижения на высоком уровне двух стран стратегические сомнения бесследно исчезли, отношение к инициативе «Один пояс и один путь» стало позитивным [4]. Трансформация отношения России не только ограничивалась столкновениями американско-европейской стратегий, но и политической, экономической тяжелой обстановкой. В нынешней глобальной политической и экономической структуре Китай и Россия имеют сходные стратегические цели и близкие позиции: основные стратегии России, такие как Евразийский экономический союз, «поворот на Восток» и «Большое евразийское партнёрство», могут быть тесно связаны с инициативой «Один пояс и один путь». В будущем обе страны должны сотрудничать в области торгово-экономических отношений, производственных мощностей, строительства коридоров и т. д., совместно реагировать на основные риски и вызовы, далее укреплять стратегическое сотрудничество и взаимовыгодные отношения между двумя сторонами, а также содействовать строительству отношений нового типа между Китаем и Россией с использованием инициативы «Один пояс и один путь», создавать более тесное сообщество с едиными интересами и судьбой.

1. Основные сомнения

Первоначально отношение России к инициативе «Один пояс и один путь» было довольно холодным и даже сомнительным. Основные сомнения включали следующие аспекты:

Во-первых, проблема с Сибирской железной дорогой. В частности, прямое сомнение России заключается в том, что строительство инициативы «Один пояс и один путь» повлияет на план реконструкции и модернизации Сибирской железной дороги, на развитие Дальнего Востока и Сибири. Уже в июле 2013 года российское правительство укрепило местную промышленную базу, способствовало развитию добычи полезных ископаемых и укрепило важное положение транспортной системы России в евразийском регионе для удовлетворения потребностей экономического развития восточной территории России, в особенности был составлен план модернизации и реконструкции для Сибирской железной дороги и Байкало-Амурской железной дороги. [9]

Российское правительство намерено расширять транспортную способность в Сибири и на Дальнем Востоке, реализовать цели России по развитию Дальнего Востока и Сибири с помощью данного проекта реконструкции. Тем не менее, строительство дорожной инфраструктуры в рамках инициативы «Один пояс и один путь» может отвлечь от объема транспортировки через Сибирскую железную дорогу. Китай выберет маршрут транспортировки из Синьцзяна в Европу через Казахстан, поскольку эта линия будет быстрее и удобнее. При таком исходе можно ожидать, что цели развития России на Дальнем Востоке и в Сибири столкнутся с препятствиями.

Во-вторых, Россия хочет быть лидером, а не просто участником. Россия предлагает создать Евразийский экономический союз, ориентированный на Россию, стремясь создать экономический и торговый союз в районах бывшего Советского Союза, развивать и укреплять экономические и торговые обмены, тем самым способствуя экономическому развитию, избавляясь от долгосрочной зависимости от развития экономики экспорта нефти и природного газа. В то же время Россия также надеется разработать единый валютный план, используя Евразийский экономический союз. В текущий момент инициативы «Один пояс и один путь» и Евразийский экономический союз имеют похожие части, Россия сталкивается с санкциями в Европе и Соединенных Штатах Америки, экономика России находится в тяжелом положении. Российская сторона обеспокоена тем, что глубокое участие в инициативе повлияет или даже отодвинет ее план по восстановлению «Евразийской империи». Однако отсутствие инициативы может повлиять на российскую экономику, что еще более осложнит ситуацию в России.

2. Когнитивные изменения

По завершении украинского кризиса отношения между Россией и Западом ухудшились. Россия столкнулась с таким давлением, как санкции и девальвация рубля, ситуация в области экономического развития мрачна, а мировые цены на нефть продолжают оставаться вялыми. В последние годы экономическая мощь Китая и России как стран с развивающейся экономикой сильно изменилась. В то же время выдвинутая Китаем инициатива «Один пояс и один путь», создание БРИКС и Азиатского инвестиционного банка открыли возможности для сотрудничества. В ситуации внутренних проблем и внешней агрессии российская дипломатия «поворот на восток» заинтересована в прорывах. Китай активно общался с российской стороной, провел глубокие диалоги с российскими отделениями иностранных дел, аналитическими центрами и частными учреждениями по конкретному плану об инициативе «Один пояс и один путь». Обе стороны будут искать проекты сотрудничества в рамках «Экономического пояса Шелкового пути», создавать осуществимую точку соприкосновения с Евразийским экономическим союзом. На этом фоне голос сомнения в России по поводу инициативы «Один пояс и один путь» становится незначительным день от дня. Сегодня отношение России постепенно перешло от негативного сомнения к активному участию.

В феврале 2014 года, во время зимней Олимпиады в Сочи, президент России Владимир Путин публично заявил после встречи с председателем Си Цзиньпином: «Российская сторона активно отреагировала на китайскую инициативу «Экономический пояс Шелкового пути», инициативу «Морской шелковый путь 21-го века» и готова соединить трансевразийскую железную дорогу России с инициативой «Один пояс и один путь», чтобы создать большие выгоды». В мае 2014 года, во время встречи с президентом Си Цзиньпином в Шанхае, Владимир Путин особо подчеркнул: «Россия поддерживает строительство «Экономического пояса Шелкового пути», способствует транспортной взаимосвязанности и приветствует участие Китая в развитии российского Дальнего Востока». В «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» [6] подчеркивается, что Россия высоко ценит всестороннее рассмотрение Китаем интересов России в реализации инициативы «Один пояс и один путь», обе стороны должны исследовать осуществимые пути для сопряжения строительства «Экономического пояса Шелкового пути» с Евразийским экономическим союзом.

В октябре 2014 года премьер КНР Ли Кэцян и премьер-министр России Дмитрий Медведев участвовали во 19-й регулярной встрече глав правительств Китая и России, на которой российская сторона и китайская сторона подписали меморандум о российско-китайском сотрудничестве в области высокоскоростного железнодорожного сообщения [2]. Обе стороны намерены развивать проект высокоскоростного железнодорожного «Москва-Казань» и расширять скоростную железную дорогу до Пекина. Данный проект является самым весомым среди всех проектов в рамках китайско-российского сотрудничества по инициативе «Один пояс и один путь».

В апреле 2015 года Россия официально объявила о своем решении присоединения к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций и стала одним из членов-учредителя АИВ. В мае 2015 года главы государств Китая и России подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества» [5] и «Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства "экономического пояса Шелкового пути" и Евразийского экономического союза». [7] В данных заявлениях подчеркивалось, что Китай и Россия поддерживают друг друга в вопросах регионального развития. Российская сторона поддерживает строительство экономического пояса Шелкового пути, готова совместно с китайской стороной укрепить сотрудничество и содействовать реализации концепции развития. Китайская сторона, в свою очередь, поддерживает Россию в содействии процессу интеграции в рамках ЕАЭС, одновременно с этим запускает диалог по торгово-экономическому сотрудничеству с ЕАЭС с тем, чтобы обеспечить устой-

чивый рост региональной экономики, ускорить интеграцию региональной экономики, а также защитить региональный мир и развитие.

В настоящее время Китай и Россия достигли согласия по нескольким основным стратегиям развития двух стран, также были запущены несколько крупных инженерных проектов, Россия стала одной из самых активных держав для развития инициативы «Один пояс и один путь».

2.1 Инициатива «Один пояс и один путь» может быть интегрирована в основную российскую стратегию развития, сопряжена с Евразийским экономическим союзом.

Чтобы усилить политическое и экономическое влияние России, укрепить экономические связи с Азиатско-Тихоокеанским регионом и усилить роль России на континенте Евразия, Россия предложила такие важные стратегии, как Евразийский экономический союз, «поворот на Восток» и «Большое евразийское партнерство», с целью избавления от пассивного статуса после украинского кризиса и восстановления ее великого влияния на мировых державах. Инициатива «Один пояс и один путь» придерживается принципа взаимного сотрудничества, совместного строительства и совместного использования, ищет взаимную выгоду и взаимный выигрыш. Отметим, у двух инициатив аналогичные цели и взаимосвязанный путь, они смогут сотрудничать друг с другом. Обе страны будут сотрудничать в таких сферах, как транспорт, энергетика, торговля, финансы, гуманитарные науки и строительство инфраструктуры. Это способствует формированию синергии и взаимному продвижению, реализации стратегий обеих сторон в скором времени.

2.2 «Один пояс и один путь» — важный способ совместного реагирования на основные проблемы безопасности в регионе для двух стран.

Как Китай, так и Россия сталкиваются с угрозами безопасности, связанными с терроризмом, экстремистскими религиозными силами и сепаратизмом в прилегающих районах, которые приносят серьезную угрозу безопасности и стабильности двум странам. В рамках инициативы «Один пояс и один путь» Китай и Россия будут работать вместе со странами на маршруте, чтобы создать механизм диалога и координации по вопросам безопасности, новую платформу и рамки для решения проблем безопасности. Благодаря совместному строительству инициативы «Один пояс и один путь» две страны превратят Синьцзянский регион Китая и Российский Кавказ в пограничную зону для открытия внешнему миру, содействуют углублению соединения между безопасностью и экономикой, культурой, транспортом. С помощью инициативы «Один пояс и один путь» Китай и Россия будут укреплять экономические и культурные связи с такими странами, как Центральная Азия и Ближний Восток, искоренять проблемы религиозного экстремизма и сепаратизма, реализовывать добрые пожелания стран на пути к общему процветанию и безопасности.

2.3 «Энергетический шелковый путь»: активно продвигать китайско-российское энергетическое сотрудничество.

Энергетическое сотрудничество всегда было и есть самой важной частью китайско-российского экономического и торгового сотрудничества, энергетическое сотрудничество между двумя странами имеет хорошую основу. Энергетическое сотрудничество и «Энергетический шелковый путь» являются важными компонентами инициативы «Один пояс и один путь». В будущем Китай и Россия будут тесно сотрудничать в сфере торговли энергоресурсами и разработки энергетических ресурсов в рамках инициативы «Один пояс и один путь».

Что касается торговли энергоресурсами, растущий спрос в Китае согласуется с расширением российского экспорта энергоресурсов и диверсификацией экспортных рынков. В целях увеличения экспорта в Азиатско-Тихоокеанский регион, Китай и Россия должны развивать стратегическое сотрудничество. По данным Международного энергетического агентства, потребность Китая в природном газе в 2030 году достигнет 420–440 млрд. кубометров, а значит, Китай станет самым важным энергетическим рынком России. В мае 2014 года Китай и Россия подписали крупномасштабный заказ на поставку и маркетинг природного газа, а через 30 лет после 2018 года Россия будет экспортировать на 400 миллиардов долларов США

природного газа в Китай, а объем транспортировки газа в конечном итоге достигнет 38 миллиардов кубометров в год [8].

Что касается разработки энергетических ресурсов, Россия обладает богатыми энергетическими ресурсами, Китай имеет преимущества в энергетическом оборудовании, строительстве инфраструктуры, инвестициях и финансировании. Россия сталкивается с жесткой конкуренцией перед странами США и Ближнего Востока в Азиатско-Тихоокеанском регионе, инфраструктура России далека от удовлетворения ее потребностей. Строительство инфраструктурных проектов, которые Россия планирует реализовать, такие как восточный трубопровод «Сила Сибири», нефтегазовый комплекс Дальнего Востока, требует большого объема иностранных инвестиций. У Китая имеются большие средства, глубокие технологические и практические потребности, и он может стать важным партнером России. Проект энергостратегии РФ на период до 2035 года предполагает укрепление высокотехнологичного и высокорискованного международного сотрудничества на Арктическом шельфе. К 2035 году доля нефти, добываемой на Арктическом шельфе, увеличится до 5%, а доля природного газа увеличится до 10% [3].

3. Совместно содействовать стратегическому развитию.

3.1 Укрепить китайско-российские двусторонние отношения и содействовать строительству китайско-российских новых отношений держав в рамках инициативы «Один пояс и один путь».

Всеобъемлющие отношения стратегического партнерства между Китаем и Россией являются стратегическим выбором для двух стран, чтобы совместно реагировать на серьезные изменения в мировой политике, экономике и географии, сконцентрировать широкие общие интересы в период глобальных изменений. Поскольку два постоянных члена Организации Объединенных Наций, Китай и Россия, несут одинаковую тяжелую ответственность за борьбу с гегемонизмом и защиту справедливости, стабильности мира; являясь членами стран БРИКС, эти две страны являются важными представителями огромного числа развивающихся и развитых стран мира, имеет одну и ту же миссию для содействия международной политической справедливости и демократии; будучи членом ШОС, обе страны разделяют общую позицию в деле обеспечения регионального мира и стабильности, борьбы с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом. Китай и Россия обладают различными ресурсами, взаимодополняющими промышленными структурами и широкими перспективами двустороннего экономического и торгового сотрудничества, именно поэтому тесное экономическое сотрудничество между двумя странами сыграло позитивную роль в содействии Евразийской интеграции. В будущем мы должны постоянно консолидировать и укреплять китайско-российские отношения, поддерживать по основным стратегическим вопросам и важным аспектам международных отношений. В процессе продвижения инициативы «Один пояс и один путь» мы должны уделять больше внимания общению с Россией, реагированию на российские проблемы, укреплению политического взаимного доверия, усилению экономических и торговых обменов и формированию совместных сил для строительства.

3.2 Использовать ШОС в качестве важной платформы для китайско-российского сотрудничества по содействию строительству инициативы «Один пояс и один путь»

После того, как Индия и Пакистан присоединились к ШОС, важные страны вдоль «Пояса и Пути», а также крупные страны Евразийского союза стали важными членами ШОС. Китай и Россия занимают важные руководящие позиции в ШОС, именно ШОС может стать основной платформой для сопряжения «Пояса и пути» с Евразийским экономическим союзом. Прежде всего, мы должны продолжать проявлять важную роль ШОС в обеспечении безопасности и стабильности, создавать безопасные условия для строительства «Пояса и пути». Во-вторых, необходимо усилить экономическую функцию ШОС, Китай и Россия должны совместно содействовать упрощению и либерализации экономических и торговых обменов между государствами-членами ШОС. В-третьих, ШОС должна стать платформой для обмена и координации основных политических и экономических вопросов между государствами-членами, на которой будут обсуждаться мнения и разногласия в процессе продвижения

«Пояса и пути». В процессе сопряжения «Пояса и пути» с Евразийским экономическим союзом нет постоянного учреждения, именно ШОС может стать альтернативным механизмом и платформой.

3.3 Китай и Россия совместно реагируют на основные глобальные и региональные риски, вызовы.

Несмотря на то, что «Один пояс и один путь» представляет собой хорошую перспективу развития, существуют серьезные риски, вызовы, которые требуют совместного реагирования Китая и России. В настоящее время в развитии дальневосточного региона и строительства «Арктического пояса Шелкового пути» [1] Китай и Россия сталкиваются с такими стратегическими угрозами, как ядерная проблема в КНДР, проблема с противоракетной системой в Южной Корее, проблема территориальных споров в Восточной Азии и Японии, проблема терроризма в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, угроза безопасности религиозного экстремизма, угроза сепаратизма и т.д. Рациональное реагирование на подобные опасные вызовы, их решение имеют важное значение для создания инициативы «Один пояс и один путь» и Большого Евразийского партнерства. В будущем Китай и Россия должны и дальше укреплять стратегическое сотрудничество, поддерживать друг друга и совместно реагировать на проблемы гегемонизма, терроризма и сепаратизма.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Ван Чжиминь, директор Института глобализации и проблем китайской модернизации Университета внешней торговли, «Возможности и вызовы в процессе совместного создания «Арктического пояса Шелкового пути» Китая и России». URL: «[中俄打造“冰上丝绸之路的机遇与挑战”](http://www.sohu.com/a/225192464_618422)», 09 марта 2018 года. http://www.sohu.com/a/225192464_618422.
2. «Меморандум о российско-китайском сотрудничестве в области высокоскоростного железнодорожного сообщения», Министерство транспорта РФ, 08 мая 2015 года. URL: <https://www.mintrans.ru/press-center/news/6771>.
3. «Министерство энергетики РФ опубликовало «проект энергостратегии Российской Федерации на период до 2035 года»» [Электронный ресурс]. URL: «[俄罗斯能源部发布2035年前能源战略草案](http://www.nea.gov.cn/2014-02/19/c_133126038.htm)», National Energy Administration, 19 февраля 2014 года. URL: http://www.nea.gov.cn/2014-02/19/c_133126038.htm.
4. Мэй Гуанчжун, младший научный сотрудник Центра обмена международной экономики КНР. «Российское отношение к инициативе «Один пояс и один путь»: причины, китайско-российское стратегическое сопряжение». 15 марта 2019 года. China Center for International Economic Exchanges. URL: <http://www.cciee.org.cn/Detail.aspx?newsId=16278&TId=231>.
5. «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества», 08 мая 2015 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969>.
6. «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», 20 мая 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642>.
7. «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», 08 мая 2015 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>.

8. «中俄签 4000 亿天然气大单 , 巨额合同令世界惊讶»/«Китай и Россия, подписывая крупные заказы на природный газ на 400 миллиардов, удивляют мир». 22 мая 2014 года. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2014-05/5002159.html?agt=15438>.
9. «普京强调按计划推进贝阿铁路和跨西伯利亚大铁路改造计划», Министерство торговли КНР, 07 августа 2017 года. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/e/201708/20170802622041.shtml>.

Кухаренко Сергей Владимирович, канд. филос. наук, доцент
Начальник учебного отдела Института Конфуция
Благовещенский государственный педагогический университет
kukhareno_s@mail.ru

О ВАЖНОСТИ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

УДК 327

Аннотация. В данной статье рассматривается важность гуманитарных проектов при реализации стратегии «Один пояс – один путь» Китая. Автор делает вывод, что именно продвижение китайской культуры и гуманитарные обмены в области культуры и образования способны привести к снижению опасений местного населения при реализации китайской стратегии «Один пояс – один путь». Увеличение экономических проектов должно непременно сопровождаться увеличением инициатив в гуманитарной сфере.

Ключевые слова и фразы: мягкая сила, Китай, Россия, один пояс – один путь, приграничные отношения.

Sergei Kukhareno, Cand. Sc. in Philosophy, Associate Professor
The Head of Confucius Institute Educational department
Blagoveshchensk State Pedagogical University
kukhareno_s@mail.ru

ON THE IMPORTANCE OF HUMANITARIAN PROJECTS WHILE IMPLEMENTING ‘ONE BELT – ONE ROAD’ POLICY

Abstract. The article focuses on the importance of humanitarian projects while implementing ‘One Belt – One Road’ policy by China. The author concludes that promoting Chinese culture and widening humanitarian exchanges in cultural and educational spheres may calm the worrying of the local population while implementing ‘One Belt – One Road’ policy. The increase of economic projects must be followed by the increase of humanitarian projects.

Key words and phrases: soft power, China, Russia, one belt – one road, cross-border relations.

Инициатива «Один пояс – один путь» является естественным продолжением стратегии «идти во вне». Китай в последние десятилетия демонстрирует значительный экономический рост, его экономика становится все более глобальной. Китайская стратегия «Один пояс – один путь» носит в первую очередь экономический характер.

То, что Китай является столь крупной экономикой, зачастую вызывает опасения соседних государств, ввиду разности их экономических потенциалов и, как следствие, опасений других государств попасть в экономическую зависимость от Китая. Кроме того, у Китая имеются территориальные споры с некоторыми соседними странами, в том числе с Японией, Филиппинами, Бутаном. В последнее время президент США Дональд Трамп регулярно высказывает опасения по поводу китайской экономической экспансии. В СМИ, в том числе и российских, циркулируют опасения, вызванные наплывом китайских мигрантов, взятием в аренду плодородных земель и их последующим опустошением, экспансией китайского капитала, растущей военной мощью Китая и др. Разговоры о «китайской угрозе» не перестают появляться с 18-19 вв. в американских и европейских СМИ, с тех пор как туда начали проникать китайские мигранты.

Любое сильное и самодостаточное государство с сильной армией и экономикой, проводящее самостоятельную политику, вызывает критику и опасения со стороны соседних стран – будь то Соединенные Штаты Америки, Россия, Израиль, Иран или Китай.

Однако не всякое сильное государство вызывает лишь опасения среди соседних стран. В 1990 г. при описании изменения характера влияния Соединенных Штатов Америки профессор Гарвардского университета Джозеф Най ввел термин «мягкая сила». Он пытался описать культурную и идеологическую привлекательность США, легитимность действий США на международной арене [4]. «Мягкая сила» контрастирует с жесткой силой, в том смысле, что другие игроки поступают так, как хочет государство, обладающее мягкой силой, потому что считают, что государство и его цели легитимны, а не потому, что они вынуждены так поступать. Джозеф Най выделил три основные составляющие в концепции мягкой силы: культуру, политическую идеологию и дипломатию.

В последние десятилетия в мире, в особенности среди развитых ответственных государств, не желающих достигать свои цели военными средствами, роль «мягкой силы» значительно возросла в качестве внешнеполитического инструмента.

С быстрым развитием Китая в последние десятилетия и усилением его влияния, его руководство все чаще говорит о необходимости использования «мягкой силы». Китай делает акцент на двух источниках «мягкой силы», предложенных Джозефом Наем: на культуре и традиционных ценностях, политике и институтах, свойственных государству [3].

Основным инструментом продвижения китайской «мягкой силы» на международной арене является сеть культурно-языковых центров — Институтов Конфуция, открываемых на базе иностранных образовательных учреждений. Также к инструментам «мягкой силы» Китая можно отнести Центральное телевидение Китая CCTV и Международное радио Китая CRI.

Представляется очевидным, что подобные инициативы особенно важны на приграничных с Китаем территориях Дальнего Востока, в том числе в Амурской области. Демонстрация того, что Китай имеет глубокую культуру, литературу, историю в несколько тысяч лет, богатые традиции, способна пробудить интерес и уважение местного населения к странесоседу. Важны и человеческие контакты между учеными, деятелями культуры, представителями разных профессий.

Проблема состоит в том, что в понимании многих российских обывателей граждане Китая до сих пор ассоциируются с малообразованными торговцами, которые хотят их обмануть. Не всегда комфортные условия прохождения российско-китайского таможенного перехода, длинные очереди зачастую служат источником обид, непонимания и конфликтов между российским и китайским населением. Важно показать этому населению другой Китай – культурный, глубокий и мудрый.

Следует отметить, что за последние 10-15 лет можно отметить рост положительного отношения граждан России к гражданам Китая в Амурской области. На данный момент бытовые конфликты между российским и китайским населением на территории Амурской области и провинции Хэйлуцзян носят лишь случайный и эпизодический характер, еще 10-15 лет назад таких конфликтов было значительно больше. Этому способствовал целый ряд факторов – рост благосостояния населения обеих стран, улучшение условий прохождения таможенного перехода Благовещенск-Хэйхэ, рост контроля правоохранительных органов за ситуацией на приграничных территориях и др. Не в последнюю очередь улучшение ситуации произошло и благодаря политике «мягкой силы».

Что касается приграничной с провинцией Хэйлуцзян Амурской области, то здесь в первую очередь стоит отметить инициативы правительств провинции Хэйлуцзян и Амурской области и руководства городов Благовещенска и Хэйхэ. Одним из самых значимых мероприятий является ежегодная Ярмарка культуры и искусства. Регулярно проводятся спортивные мероприятия, гуманитарные обмены. Высоко также значение международных мероприятий, проводимых одной из крупнейших организаций г. Хэйхэ - Хэйхэским университетом с вузами Амурской области, в первую очередь Благовещенским государственным педа-

гогическим университетом, Амурским государственным университетом и Дальневосточным государственным аграрным университетом.

Регулярно проводит спортивные соревнования по легкой атлетике Хэйхэский университет, приглашая на них представителей вузов Амурской области. Благодаря своей территориальной близости и, как следствие, минимизации затрат на транспорт, удается привлечь значительное количество участников.

Ежегодно организуются бесплатные языковые лагеря для лучших студентов курсов китайского языка (около 20 человек), действующих при Институтах Конфуция. Здесь действует возрастное ограничение – студенты должны быть от 15 до 30 лет. С учетом того, что в России действует 20 Институтов Конфуция, то их число может достигать 400 каждое лето. Однако в большинстве своем летние (реже – зимние) лагеря – чисто коммерческий проект, на котором вузы могут зарабатывать дополнительные средства.

Активно действует в Амурской области и Институт Конфуция на базе Благовещенского государственного педагогического университета, который ведет активную деятельность в распространении китайского языка и культуры. Институт Конфуция не только проводит курсы китайского языка для жителей Амурской области, но также участвует в большом количестве культурных мероприятий, показывая китайскую культуру с положительной стороны. Достаточно активен Институт Конфуция на базе БГПУ в СМИ. Очевидно, что Институт Конфуция на базе БГПУ в значительной мере способствовал росту понимания между российским и китайским народами.

Также в Амурской области действует китайско-российский центр делового сотрудничества «Интерплюс», который также участвует в различных культурных мероприятиях города и области, проводит семинары для предпринимателей города Благовещенска. Действуют некоммерческие организации, в частности Институт народной дипломатии Азиатско-Тихоокеанского региона, который при поддержке Фонда публичной дипломатии им. Горчакова, фонда «Русский мир», правительства Амурской области проводит мероприятия, направленные, в том числе, на укрепление отношений и понимания между Россией и Китаем.

Стоит отметить, что инициативы, направленные на укрепление международного сотрудничества между Россией и Китаем в Амурской области и провинции Хэйлунцзян, все чаще поддерживаются и российской стороной.

В качестве примера можно привести масштабный проект, международный слет молодежи «Мир, где нет чужих», изначально проводимый Благовещенским государственным педагогическим университетом совместно с Хэйхэским университетом. Финансирование слета в основном происходит за счет средств Института Конфуция БГПУ и Хэйхэского университета, однако в 2018 г. слет грантом поддержало Правительство Амурской области. Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова также уже в течение нескольких лет поддерживает организуемую Благовещенским государственным педагогическим университетом международную конференцию «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества».

В 2015 г. Фонд Горчакова провел встречу российских и китайских экспертов в г. Хэйхэ совместно с Благовещенским государственным педагогическим университетом и Хэйхэским университетом. Кроме сотрудников этих университетов к участию в встрече были привлечены Генеральный консул РФ в г. Шэньян С. Ю. Пальтов, заведующий школой востоковедения Высшей школы экономики А.А. Маслов, профессор Пекинского университета Гуань Гуйхай, а также сотрудники Института Дальнего Востока РАН, СПбГУ, Хэйлунцзянского университета, Харбинской академии общественных наук, Российского центра исследования АТЭС [2].

В 2018 г. похожая встреча российских и китайских экспертов была организована Фондом Горчакова в Харбине, на базе Хэйлунцзянского университета и Хэйлунцзянской академии общественных наук. Во встрече приняли участие ведущие российские эксперты по Китаю из Института Дальнего Востока Российской академии наук, Санкт-Петербургского государственного университета, Научно-исследовательского института Высшая школа экономики, а также представители Фонда им. А.М. Горчакова, Общества российско-китайской друж-

бы, Института народной дипломатии Азиатско-Тихоокеанского региона и ряд дальневосточных экспертов [1].

По нашему мнению, именно продвижение китайской культуры и гуманитарные обмены в области культуры и образования способны привести к снижению опасений местного населения при реализации китайской стратегии «Один пояс – один путь». Увеличение экономических проектов должно непременно сопровождаться увеличением инициатив в гуманитарной сфере.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Институт народной дипломатии АТР провел встречу российских и китайских экспертов в Харбине [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Института народной дипломатии Азиатско-Тихоокеанского региона. URL: <https://www.publicdiplomacy.club/single-post/2018/03/10/Институт-народной-дипломатии-АТР-провел-встречу-российских-и-китайских-экспертов-в-Харбине> (Дата обращения: 17.02.2019).
2. Круглый стол российских и китайских ученых в Хэйхэ. Мнения и комментарии [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/view/kruglyy-stol-rossiyskikh-i-kitayskikh-uchenykh-v-kheykhe-mneniya-i-kommentarii/> (Дата обращения: 17.02.2019).
3. Gill, B. and Huang, Y. Sources and Limits of Chinese 'Soft Power'. *Survival*, №48 (2), P. 20, 2006.
4. Nye, Joseph. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, Basic Books, 1990.

Лацкова Елизавета Сергеевна, студентка института гуманитарных и прикладных наук, направления «Культурология»
Кафедра мировой культуры
Московский государственный лингвистический университет
Latskova_Liza@mail.ru

Саввин Александр Викторович, научный руководитель, доктор философских наук, доцент
Кафедра мировой культуры
Московский государственный лингвистический университет
a.v.savvin@mail.ru

РОССИЯ И КИТАЙ: ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ОБЩЕГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА

УДК 070-19

Аннотация. В статье рассматривается такой новый социокультурный феномен, как единое медиапространство России и Китая, и проблемы, связанные с его созданием. Проанализирована история российско-китайского сотрудничества в сфере СМИ, выявлено противоречие между транслируемой государствами идеальной моделью сотрудничества и реальной ситуацией как в сфере СМИ, так и в общей картине взаимоотношений двух стран.

Ключевые слова и фразы: Китай, Россия, медиакультура, средства массовой информации, единое медиапространство.

Elizaveta Latskova, a student of the institute of humanitarian and applied sciences, "Cultural Studies" direction
Department of World Culture
Moscow State Linguistic University
Latskova_Liza@mail.ru

Alexander Savvin, Supervisor, PhD, Associate Professor
Department of World Culture
Moscow State Linguistic University
a.v.savvin@mail.ru

RUSSIA AND CHINA: THE PROBLEM OF CREATING COMMON MEDIA SPACE

Abstract. The article deals with such a new socio-cultural phenomenon as a common media space of Russia and China, and the problems caused by its creation. The author analyzes the history of Russian-Chinese cooperation in the sphere of mass media and reveals the contradiction between the 'ideal model' of cooperation that is being broadcasted by the both states and the real situation in the sphere of media and in the overall picture of relations between the two countries.

Key words and phrases: China, Russia, media culture, mass media, common media space.

«Культура каждого народа индивидуальна», писал академик В.М. Алексеев [1, с.307]. Однако, изучая медиакультуру, исследователи сталкиваются с новым явлением, развивающимся в условиях глобализации и носящим объединительный характер. Тесное сотрудничество государств КНР и России влечет за собой создание общего медиапространства, что и является предметом данной статьи.

История российско-китайского сотрудничества насчитывает по меньшей мере семь веков. Первые упоминания о русских людях в китайских источниках появляются на рубеже

1320-1330-х годов в «Юань ши» - хронике правления династии Юань (1271-1368). Русский полк, находившийся под Ханбалыком (название Пекина во времена династии Юань), в хронике упоминается как «Сюаньчжун элосы вэй циньцзюнь» - «вечно верный русский полк». С распадом Монгольской империи контакты временно прекратились, возобновившись лишь в 17 веке, когда началось освоение Сибири и русские приблизились к границам Китая [6, с. 151-154]. Первое упоминание Китая в российских СМИ тоже произошло в семнадцатом веке в газете «Ведомости». В это же самое время в Китае вопросы Российской Империи освещались в газете «Цзин бао» («Столичная газета»).

Первая общая попытка взаимного диалога в сфере средств массовой информации была предпринята в девятнадцатом веке, когда к печати готовилась газета «Друг маньчжур». Для ее издания в Благовещенске в 1862 году открыли первую в Приамурском крае типографию с двумя шрифтами – русским и маньчжурским. Предполагалось, что газета станет общим проектом русских и китайцев, заселивших территорию амурских земель. Однако издание газеты «Друг маньчжур» так и не состоялось.

В 2019 году исполняется 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. «Отношения России и Китая за последние несколько лет достигли беспрецедентно высокого уровня. Задача российских и китайских медиа состоит в их постоянной информационной подпитке, в том числе путем интенсификации информационных обменов», - отметил руководитель СМИ Sputnik Дмитрий Киселев, выступая на открытии Восточного экономического форума [3]. 11 сентября 2018 года в рамках данного форума информационное агентство Sputnik заключило соглашение о стратегическом двустороннем партнерстве с China Media Group, крупной китайской медиакорпорацией. В присутствии лидеров России и Китая руководители двух СМИ – Дмитрий Киселев и Шэнь Хайсюн – официально закрепили договоренности об обмене новостными материалами, организации общих масштабных информационных проектов и сотрудничестве СМИ в рамках Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития.

Глава China Media Group подтвердил, что корпорация продолжит реализацию всех ранее начатых китайско-российских проектов и инициатив в области СМИ. «У China Media Group существуют возможности для расширения сотрудничества с МИА «Россия сегодня» и агентством Sputnik. Мы продолжим двигаться вперед, будем активнее продвигать инновационное сотрудничество, использовать преимущества совместной работы», - заявил Шэнь Хайсюн. По его словам, тесное сотрудничество двух СМИ будет способствовать поддержанию информационных и культурных обменов между Россией и Китаем [3].

Во время IV российско-китайского медиафорума, прошедшего 4 ноября 2018 года в Шанхае, заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Алексей Волин сформулировал два основных направления сотрудничества российских и китайских СМИ: первое из них – это «ответ» на возникающие извне вызовы – идейные столкновения СМИ двух стран со СМИ других стран, второе направление – работа во имя общих экономических и политических интересов [2].

Волин подчеркнул, что существует проблема непонимания и неприятия западными СМИ российских и китайских позиций, а потому двум государствам следует разработать общую стратегию, направленную на эффективное донесение остальному миру своих позиций по основным вопросам, а также есть потребность в создании своих собственных социальных сетей и мессенджеров. Российский вице-премьер Максим Акимов в ходе форума заявил о необходимости создания специальной программы сотрудничества между Россией и Китаем в цифровой сфере. Предполагается, что программа двустороннего медиасотрудничества в цифровой сфере будет создана на период с 2019 по 2020 год и направлена на укрепление межкультурных коммуникаций и создание новых социальных платформ и проведение тематических молодежных мероприятий.

К сожалению, несмотря на декларируемые властями обеих стран позиции, реальные межгосударственные интересы России и Китая не совпадают. Это проявляется как в низком уровне инвестиций Китая в российскую экономику (за период 2018 года общий объем пря-

мых инвестиций из Китая в РФ сократился на четверть. Китайские компании последовательно отказываются инвестировать в реальный сектор экономики России, что дает повод для глобальных выводов о российском инвестиционном климате и достаточно пессимистической оценке итогов политики «разворота на Восток»), так и в глобальном несоответствии объемов экономик России и Китая. Например, Китай в числе других стран проголосовал против принятой 24 марта 2014 года резолюции 68/262 Генеральной Ассамблеи ООН в поддержку суверенитета и территориальной целостности Украины, то есть признал Крым частью России лишь фактически, но не официально, хотя Россия признала Тайвань и Тибет неотъемлемой частью Китая, выпустив соответствующие официальные заявления [5]. В то же время ряд китайских банков отказался обслуживать платежи российских финансовых учреждений в связи с санкциями третьих лиц в отношении России [4]. Эти факторы не позволяют говорить о паритете в отношениях.

Кроме того, глобально различие в структуре информационных рынков рассматриваемых стран. Оно заключается в отсутствии общей медиаплатформы, в которой был бы задействован широкий круг граждан как той, так и другой страны. Закрытый характер китайской медиасреды, а также лингвокультурные различия делают китайские СМИ недоступными и непривлекательными для российских граждан, не связанных с Китаем. С другой стороны, теми же факторами обосновано и отсутствие интереса китайской аудитории к российским СМИ.

Таким образом, официальная политика властей обеих стран заключается в транслировании дружественных отношений и идеальной модели сотрудничества, которая не полностью отражает реальное положение дел на рынке средств массовой информации и в общей картине взаимоотношений двух стран.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Алексеев В.М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. – М.: Восточная литература, 1958. – 312 с.
2. Волин рассказал о направлениях сотрудничества России и Китая в медиасфере [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20181104/1532107675.html/> (Дата обращения: 25.03.2019).
3. Генеральный директор МИА «Россия сегодня» Дмитрий Киселев 1 июня в ходе встречи с президентом China Media Group Шэнь Хайсюном обсудил вопросы расширения сотрудничества СМИ России и Китая [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xn--c1acbl2abd1kab1og.xn--plai/news/20180601/> (Дата обращения: 21.03.2019).
4. Майшев А. ЦБ РФ назвал безосновательным отказ китайских банков из-за санкций против России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.5-tv.ru/news> (Дата обращения: 25.03.2019).
5. Макарчук В. Страны мира, признавшие Крым частью России. Инфографика [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krym.aif.ru/infographic/stranymira_priznavshie_krym_chastyu_rossii_infografika (Дата обращения: 25.03.2019).
6. Мясников В. С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы, XVII–XX вв. – М.: ИДВ РАН, 1996. – 482 с.

Лексютина Яна Валерьевна, д.полит.н., профессор РАН, профессор
Кафедра американских исследований
Санкт-Петербургский государственный университет
lexyana@ya.ru

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ПОЯС И ПУТЬ» И ЯПОНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «КАЧЕСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ»¹

УДК 327+339

Аннотация. В статье прослеживается изменение отношения Японии к китайской инициативе «Пояс и путь» от дистанцированности в 2013-2016 гг. до обозначения интереса в участии в ней с 2017 г.; приводится критика Японии в адрес китайской инициативы «Пояс и путь», а также выделяются причины изменения позиции Токио в вопросе участия в инициативе; демонстрируется реализация Японией стратегии хеджирования рисков, связанных с китайской инициативой «Пояс и путь».

Ключевые слова и фразы: Китай, инициатива «Пояс и путь», «возвышение» Китая, Экономический пояс Шелкового пути, Япония, «качественная инфраструктура», китайско-японские отношения, ОПР

Yana Leksyutina, Dr.Sc. in Political Sciences, Professor of the RAS, Professor
Department of American Studies
Saint-Petersburg State University
lexyana@ya.ru

CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE AND JAPAN'S "QUALITY INFRASTRUCTURE" CONCEPT

Abstract. The article traces the changes in Japan's attitude toward Chinese Belt and Road Initiative from distancing itself from it in 2013-2016 to showing its interest in taking part in it since 2017; it demonstrates Japan's criticism of China's Initiative and explains the changes in Tokyo's attitude toward the Initiative; it demonstrates the implementation of Japan's strategy of hedging the risks that China's Belt and Road Initiative presents.

Key words and phrases: China, Belt and Road Initiative, the rise of China, Silk Road Economic Belt, Japan, "quality infrastructure", China-Japan relations, ODA.

В течение первых трех лет, последовавших после обнародования в сентябре 2013 г. Си Цзиньпином инициативы «Пояс и путь» (тогда представленной под наименованием «Экономический пояс Шелкового пути»), Япония, как и целый ряд развитых западных стран, сохраняла дистанцированность от этой китайской инициативы. Все это время в Японии шли широкие дискуссии относительно возможности и необходимости участия Японии в китайских мегаинициативах – «Поясе и пути» и Азиатском банке инфраструктурных инвестиций, который в момент его создания нередко ошибочно рассматривался в качестве финансового инструмента реализации инициативы «Пояс и путь».

На протяжении 2013-2016 гг. общий фон для подключения Японии к китайским инициативам был в целом неблагоприятным: с 2012 г., когда с новой силой вспыхнули противо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

речия вокруг принадлежности островов Дяюйдао/Сэнкаку, двусторонние отношения находились на нижней точке своего развития с момента установления дипломатических отношений в 1972 г. Более того, при оценке возможности своего участия в китайских инициативах Токио не мог не учитывать и тот факт, что успех Пекина в реализации этих инициатив существенно усиливал позиции Китая в борьбе за региональное лидерство. В каком-то смысле создание АБИИ бросало вызов уже давно функционирующему при определяющей роли Японии многостороннему финансовому институту – Азиатскому банку развития. Соответственно возникал вопрос целесообразности создания новой структуры, дублирующей деятельность Азиатского банка развития.

Критика в адрес китайской инициативы «Пояс и путь» концентрировалась преимущественно вокруг следующих положений:

1. Определяющая роль государства, а не частного сектора в китайской инициативе. Основные средства идут от Экспортно-импортного банка Китая и Банка развития Китая (в том числе по линии Фонда Шелкового пути) государственным предприятиям, которые инвестируют уже в строительство зарубежной инфраструктуры. Японские же зарубежные инфраструктурные проекты по большей части финансируются частным сектором, например, такими крупными частными компаниями, как «Mitsubishi», «Toyota», «Nintendo», «Sumitomo Mitsui Financial» [20]. Японская Официальная помощь развитию (ОПР) же, предоставляемая Японским агентством международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency), Японским банком для международного сотрудничества (Japan Bank for International Cooperation), а также по линии Азиатского банка развития, призвана лишь служить катализатором мобилизации инфраструктурного финансирования со стороны частного сектора.

2. Условия предоставления Китаем заемных средств странам-реципиентам не соответствуют стандартам, разработанным Комиссией по оказанию помощи развитию ОЭСР, и способны приводить к финансовым кризисам в странах-реципиентах [2]. Как указывают критики «Пояса и пути», в ряде случаев Китай, заведомо зная о неспособности отдельных стран возратить заемные средства, выделяет им крупные кредиты в расчете на получение впоследствии различных привилегий, например, обретение контроля над созданной при финансировании Китая инфраструктурой.

3. Предоставление Китаем экономически «связанных» кредитов. При этом связанность может заключаться не только в том, что контракты осуществляются китайскими подрядчиками, с использованием китайских строительных материалов и оборудования, китайской рабочей силы, но и в требованиях к странам-реципиентам внедрять в использование, например, китайскую навигационную систему «Бэйдоу» или продукцию китайских телекоммуникационных компаний («Huawei» и «ZTE»).

4. Отсутствие традиционно предъявляемых западными странами требований (проведение демократических преобразований, внедрение системы должного управления, соблюдение экологических стандартов, трудовых стандартов и пр.), что подрывает усилия западных стран по распространению демократических процессов и «лучших практик».

В целях хеджирования рисков, связанных с китайской инициативой «Пояс и путь», и закрепления за собой особой ниши в инфраструктурном строительстве Токио была разработана концепция «качественной инфраструктуры». По существу, японской стороной была избрана стратегия противопоставления китайской и японской моделей зарубежного инфраструктурного строительства: китайская модель характеризуется скоростью осуществления инфраструктурных проектов, большим количеством инфраструктурных проектов и общим огромным заявленным бюджетом инфраструктурного кредитования, отличительной же чертой японской модели позиционируется высокое качество и характеристики создаваемой инфраструктуры, а также применение лучших технологических решений. Так, в мае 2015 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ обнародовал совместную с Азиатским банком развития инициативу «Партнерство ради качественной инфраструктуры» (Partnership for Quality Infrastructure), предполагавшую выделение в 2016–2020 гг. порядка 110 млрд долл. для «качественного» инфраструктурного строительства в Азии [3]. Спустя год, в мае 2016 г., Абэ объ-

явил расширенную версию данной инициативы, получившую наименование «Расширенное партнерство ради качественной инфраструктуры». Отличие новой версии инициативы состояло в увеличившемся финансировании (со 110 до 200 млрд долл.), а также в том, что финансирование было предусмотрено на период с 2017 по 2021 гг. для осуществления инфраструктурных проектов во всем мире (а не только в Азии, как в более ранней версии инициативы). Также расширялся спектр областей для инфраструктурных инвестиций (предусматривались инвестиции также в области энергетики и разработки природных ресурсов) и перечень источников финансирования (кроме Японского агентства международного сотрудничества и Японского банка для международного сотрудничества теперь инвесторами могли быть «Nippon Export and Investment Insurance» (NEXI), «Japan Overseas Infrastructure Investment Corporation for Transport and Urban Development» (JOIN), «Fund Corporation for the Overseas Development of Japan's ICT and Postal Services» (JICT) и «Japan Oil, Gas and Metals National Corporation» (JOGMEC) [8].

Японская стратегия хеджирования рисков, связанных с китайской инициативой «Пояс и путь», также включала интернационализацию концепции «качественной инфраструктуры». В мае 2016 г. на саммите G7 в Исэ-Симе по предложению японской стороны были приняты «Принципы продвижения качественных инфраструктурных инвестиций». Принятые пять принципов базируются на представлениях о том, что качественные инфраструктурные инвестиции должны: 1) обеспечивать эффективное управление, надежные операции и экономическую эффективность в ходе жизненного цикла проекта, а также безопасность и устойчивость перед лицом стихийных бедствий, терроризма и риска кибератак; 2) способствовать созданию рабочих мест для местного населения, наращиванию мощностей и передаче опыта и ноу-хау местным сообществам; 3) учитывать потенциальное воздействие на социум и окружающую среду в результате реализации инфраструктурных проектов; 4) соответствовать реализуемым на национальном и региональном уровнях экономическим стратегиям и стратегиям развития; 5) обеспечивать эффективную мобилизацию ресурсов, в том числе и посредством государственно-частного партнерства [7].

В развитие своих усилий по распространению в мире концепции «качественной инфраструктуры», Япония также выступила соорганизатором первого Международного экономического форума по Азии ОЭСР в апреле 2017 г., прошедшего под названием «Усиление региональной интеграции и развития посредством качественной инфраструктуры и устойчивости», и мероприятия на высоком уровне на полях ГА ООН «Продвижение качественных инфраструктурных инвестиций», состоявшегося в сентябре 2018 г. На площадке ООН министр иностранных дел Японии Таро Коно даже заявил о намерении Японии стать лидером в создании «качественной инфраструктуры» в Индо-Тихоокеанском регионе [1, с. 38]. В сентябре 2018 г. в Токио состоялся совместный семинар ОЭСР и министерства финансов Японии на тему «Финансирование качественной инфраструктуры для долгосрочных инвестиций и мобилизация капитала частного сектора». Токио планирует и впредь активно работать с международными организациями (такими как ОЭСР) и заинтересованными странами в целях стимулирования качественного роста посредством развития «качественной инфраструктуры» [13].

На правах принимающей саммит G20 в июне 2019 г. стороны Токио намерены предложить руководящие принципы в области инфраструктурных инвестиций. По замыслу японской стороны, принципы призваны побудить крупных доноров инфраструктурной помощи следовать международным нормам при осуществлении инфраструктурных проектов [12].

Помимо консолидации поддержки среди мирового сообщества концепции «качественной инфраструктуры» Токио предпринял и практические шаги по созданию и участию в многосторонних инициативах в области «качественных» инфраструктурных инвестиций в развивающиеся страны. Так, в ноябре 2016 г. в ходе визита премьер-министра Н. Моди в Токио стороны обозначили намерение поиска синергии индийской политики «Действуй на Восток» (Act East) и японской инициативы «Расширенное партнерство ради качественной инфраструктуры» в целях улучшения региональной интеграции и взаимосвязанности между

Азией и Африкой [14]. В развитие этой идеи в мае 2017 г. на 52-ом ежегодном собрании Африканского банка развития было объявлено о создании Азиатско-Африканского коридора роста (Asia Africa Growth Corridor, AAGR), состоящего из четырех основных компонентов: проекты в области развития и сотрудничества, качественная инфраструктура и институциональная взаимосвязанность, повышение человеческого потенциала, партнерство между народами [4].

Стали складываться и трехсторонние формы сотрудничества в сфере инфраструктурных инвестиций. Так, при участии США, Японии и Индии была создана специальная трехсторонняя рабочая группа по инфраструктурным вопросам (Trilateral Infrastructure Working Group) [16], призванная содействовать укреплению сотрудничеству стран в области инфраструктурного развития и взаимосвязанности в Индо-Тихоокеанском регионе. В мае 2018 г. Американско-индийский и Американско-японский деловые советы инициировали создание Трехстороннего форума по инфраструктуре в ИТР (Indo-Pacific Infrastructure Trilateral Forum), нацеленного на улучшение координации между частным сектором при осуществлении инфраструктурных проектов за рубежом [17]. А в июле 2018 г. стало известно о создании трехстороннего партнерства в области инфраструктурных инвестиций между американской Корпорацией частных зарубежных инвестиций, Японским банком для международного сотрудничества и австралийским Министерством иностранных дел и торговли [9].

В течение 2018 г. были обнародованы намерения Токио расширить инфраструктурные инвестиции в развивающиеся страны. Так, в мае 2018 г. Абэ в ходе встречи с лидерами 16 государств южной части Тихого океана пообещал содействовать созданию «качественной инфраструктуры», в том числе в области создания портовой инфраструктуры и возобновляемой энергии. Также в мае 2018 г. японское правительство сообщило о планах выделения йенных кредитов для развития портов в трех странах Индийского океана (Мьянме, Шри-Ланке и Бангладеш) [11]. В ноябре 2018 г. во время визита вице-президента США М. Пенса в Токио было объявлено об американско-японском фонде инфраструктурного развития в размере 70 млрд долл., приоритетным направлением для которого будет реализация инфраструктурных проектов в Индо-Тихоокеанском регионе.

Между тем, в 2017 г. обозначились первые признаки отказа Японии от изначально отстраненной позиции в отношении китайской инициативы «Пояс и путь». О возможной смене отношения Токио к китайской инициативе сигнализировало участие генерального секретаря Либерально-Демократической партии Японии Тосихиро Никая в Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», прошедшего в Пекине 14-15 мая 2017 г. Спустя несколько недель, в июне 2017 г., на международной конференции «Будущее Азии» Синдзо Абэ дал осторожную оценку инициативе «Пояс и путь», выразив готовность присоединиться к ее реализации при условиях, что создаваемая инфраструктура будет доступна всем, и при ее создании будут налажены транспарентные и справедливые закупки, проекты будут экономически целесообразны, а возврат заимствуемых средств возможен для страны-реципиента без нанесения вреда стабильности государственным финансам [5].

На состоявшейся 8 июля 2017 г. в Гамбурге на полях саммита G20 встрече с председателем КНР Си Цзиньпином Синдзо Абэ обозначил желание усилить сотрудничество с Китаем в области торговли, финансов, туризма и в реализации инициативы «Пояс и путь» [18].

Изменение позиции Токио можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, принятие инициативы «Пояс и путь» открывало широкие возможности для нормализации отношений с Китаем – важной внешнеполитической задачи как *per se*, так и на фоне непредсказуемости политики американской администрации Д. Трампа. Во-вторых, непримиримое соперничество двух стран в вопросах развития инфраструктуры в третьих странах наносило больший урон, чем могло принести сотрудничество. Как свидетельствовал опыт двух стран (наиболее репрезентативным может быть пример с борьбой между двумя странами за контракт на строительство высокоскоростной железной дороги в Индонезии в 2015 г.), их соперничество за инфраструктурные проекты в третьих странах приводило к необходимости существенного занижения стоимости проектов, что, в конечном счете, играло на руку только стране-

реципиенту. В-третьих, Токио не мог более игнорировать тенденцию роста поддержки инициативы «Пояс и путь» среди мирового сообщества.

В начале мая 2018 г. во время визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Японию стороны договорились о создании совместного государственно-частного Комитета содействия деловому сотрудничеству в третьих странах (Committee for the Promotion of Japan-China Business Cooperation in Third Countries) [10]. В сентябре 2018 г. состоялась первая встреча [6]. С этого момента был фактически инициирован китайско-японский диалог, получивший характеристику «сотрудничества в третьих странах».

В конце октября 2018 г. в ходе визита Абэ в Пекин состоялся первый китайско-японский Форум делового сотрудничества в третьих странах. На Форуме было подписано 52 меморандума о сотрудничестве в области инфраструктуры, логистики, ИТ, здравоохранения и финансов. В частности, Японский банк для международного сотрудничества и Банк развития Китая подписали меморандум о взаимопонимании, предполагающий оказание финансовой поддержки китайским и японским компаниям в их деловом сотрудничестве в третьих странах при условии соблюдения таких мировых стандартов, как открытость, прозрачность, экономическая эффективность, приемлемый уровень задолженности, соблюдение законов и правил [15].

Среди обсуждаемых проектов для совместного осуществления можно обозначить планы строительства высокоскоростной железнодорожной сети на востоке Таиланде (части Восточного экономического коридора Таиланда), создание «умных городов» в Юго-Восточной Азии, нефтеперерабатывающий завод в Казахстане, мощностей по выработке солнечной энергии в ОАЭ [19].

Резюмируя, можно заключить, что на текущем этапе Токио, руководствуясь задачами нормализации отношений с Китаем и придания импульса экономическому развитию Японии, открыто не заявляет о своей оппозиции китайской инициативе «Пояс и путь» и рассматривает варианты участия в ней в качестве соинвестора. Демонстрируя свою готовность принять участие в китайской инициативе в качестве соинвестора в проекты в третьих странах, Токио, между тем, подчеркивает необходимость соответствия инфраструктурных проектов высоким стандартам. В целом можно говорить о том, что китайская инициатива «Пояс и путь» косвенно способствовала выдвиганию и интернационализации Японией концепции «качественной инфраструктуры», побудила Токио осуществить структурные преобразования в системе предоставления Официальной помощи развитию, а также искать новые многосторонние формы инфраструктурного инвестирования (в сотрудничестве с Индией, США, Австралией, ЕС).

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 32-43.
2. Син Кавасима. «Один пояс, один путь»: как создать многосторонние механизмы партнёрства, соперничества и сдерживания между Японией и Китаем? 25.05.2018. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a05801/> (accessed: 17.03.2019)
3. Announcement of "Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future". 2015. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed 23.08. 2018).
4. Asia Africa growth corridor. Partnership for Sustainable and Innovative Development. A vision document. 2017. URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Document.pdf> (accessed: 10.03.2019)
5. "Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia" - Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. June 5, 2017. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (accessed: 15.03.2019)

6. First Session of China-Japan Third-Party Market Cooperation Working Mechanism Held in Beijing. 26.09.2018. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201809/20180902790806.shtml> (accessed: 23.03.2019)
7. G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment. 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160272.pdf> (accessed: 17.03.2019)
8. G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”. 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (accessed: 17.03.2019)
9. Hutchens G. Australia joins US-Japanese Pacific investment plan but offers no budget details // The Guardian. 31.07.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/31/australia-joins-us-japanese-pacific-investment-plan-but-offers-no-budget-details> (accessed: 02.10.2018).
10. Japan and China Conclude Memorandum on Business Cooperation in Third Countries. 10.05.2018. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0510_003.html (accessed: 18.03.2019)
11. Japan to offer aid for Indian ocean ports. 26.05.2018. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/05/25/japan-to-offer-aid-for-indian-ocean-ports.html> (accessed: 20.03.2019)
12. Japan to propose G-20 aid rules to check China's Belt and Road. 18.03.2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-to-propose-G-20-aid-rules-to-check-China-s-Belt-and-Road> (accessed: 22.03.2019)
13. Japan's White Paper on Development Cooperation 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000406631.pdf> (accessed: 22.03.2019)
14. Japan-India Joint Statement. November, 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000202950.pdf> (accessed: 21.03.2019)
15. JBIC Signs MOU with China Development Bank Corporation. 25.10.2018. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2018/1026-011525.html> (accessed: 22.03.2019)
16. Joint Statement on the U.S.-India-Japan Trilateral Meeting. 5.04.2018. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/04/280254.htm> (accessed: 12.10.2018).
17. Smith J. Another First: U.S. and India to Hold 2+2 Dialogue in Delhi // Issue Brief. 2018. No.4897. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-08/IB4897.pdf> (accessed: 09.10.2018).
18. Xi, Abe meet on ties, reaffirm readiness to strengthen partnership // China Daily. 08.07.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017xivisitgermany/2017-07/08/content_30042755_2.htm (accessed: 09.03.2019).
19. Yoshida R. China nudges Japan on joining up in 'Belt and Road' initiative at 14th Annual Tokyo-Beijing Forum // Japan Times. 14.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/14/national/politics-diplomacy/china-nudges-japan-joining-belt-road-initiative-14th-annual-tokyo-beijing-forum/#.XJYUUs-P45s> (accessed: 20.03.2019).
20. Zhao Hong. Chinese and Japanese infrastructure investment in Southeast Asia: from rivalry to cooperation? 2018. URL: <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/689.html> (accessed: 19.03.2019).

Лукинский Николай Александрович, студент I курса магистратуры
Кафедра востоковедения
Томский государственный университет
nikolai.lukinsky2015@yandex.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

УДК 94(5)

Аннотация. В статье кратко рассматривается начальный период применения средств политики «мягкой силы» Китайской Народной Республикой в конце XX – начале XXI вв. Рассматриваются и анализируются основные причины начала применения данной политики на современном этапе. Приводятся базовые идеи реформ Ху Цзиньтао в начале 2000х гг. Перечисляются и анализируются основные результаты проведения данной политики на основе статистических данных. Делается вывод об эффективности проведения политики «мягкой силы» руководством Китайской Народной Республики.

Ключевые слова и фразы: КНР, политика, мягкая сила, Ху Цзиньтао.

Nikolai Lukinskiy, 1st year master student
Department of oriental studies
Tomsk State University
nikolai.lukinsky2015@yandex.ru

RESULTS OF THE “SOFT POWER” POLICY OF THE CHINESE PEOPLE'S REPUBLIC AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract. The article briefly discusses the initial period of application of the soft power policy by the People's Republic of China at the end of the 20th - the beginning of the 21st century. The main reasons for the beginning of the application of this policy are considered and analyzed. The essential ideas of Hu Jintao's reforms in the early 2000s are given. The main results of this policy based on statistical data are listed and analyzed. The conclusion is made about the effectiveness of the policy of “soft power” by the leaders of the People's Republic of China.

Key words and phrases: PRC, politics, soft power, Hu Jintao.

Активное практическое применение идей «мягкой силы» руководством КНР началось в конце 90-х – начале 2000-х гг. Причиной тому послужили в первую очередь «вызовы», с которыми Китай столкнулся в переходный период 1990-х гг.

Во-первых, произошедшие в 1989 году события на Площади Тяньаньмэнь стали настоящим испытанием для китайского руководства, так как государство попало в международную изоляцию по причине жёсткого подавления митингующих. Опросы, проведённые в США в тот период времени, показывали, что доля американских граждан с положительным взглядом на КНР в целом упала с 72% (до событий на Площади Тяньаньмэнь) до 34% после [5]. Более того, данные события продемонстрировали невозможность предоставления полной независимости и свободы интеллигенции, так же как и перехода к абсолютной демократии [2].

Во-вторых, период 90-х годов XX века был ознаменован падением Союза Советских Социалистических Республик и биполярной системы деления мира, так как социалистический лагерь – противовес капиталистического, фактически прекратил своё существование. При этом китайскими специалистами отмечается, что СССР распался не в результате потери

военного или экономического преимущества (т.е. жёсткой силы), а именно в результате культурного поражения (т.е. в сфере мягкой силы) [3], в частности Дж. Най, расценивает категории «перестройки» и «гласности» в качестве идей, появившихся под американским влиянием и непосредственно поспособствовавших падению коммунистического строя СССР [3].

Китай, оставшийся на тот момент единственной крупной страной с официально коммунистической идеологией, не желал повторить судьбу Советского Союза, что стало очередным «вызовом» - Китайское государство вынуждено было принять своеобразную «эстафету» от СССР как коммунистического государства. Для защиты собственного режима от подобного культурного поражения Китаю необходимо было разработать собственную внутреннюю и внешнюю политику, результатом которых должно было стать превращение Поднебесной в современную, развитую державу, не потерявшую при этом собственную уникальную культуру.

Для построения позитивного имиджа страны в международном сообществе Китаю, в частности, необходимо было избавиться от существовавшей в то время идеи «китайской угрозы». Теория «китайской угрозы» представляла собой по сути опасения и тревогу зарубежных стран, расценивавших Китай как агрессивного и токсичного актора мировой политики. Возможно, подобная «демонизация» Китая происходила ввиду необходимости создания образа нового «врага», коим являлся СССР до своего падения. Эта идея часто возникала в западных СМИ, а также политических, экономических, военных, культурных и дипломатических сферах.

В своей работе «Опыт Китая в построении культуры «гармоничного мира»» [1], О.И. Бодрова подробно описывает деятельность Ху Цзиньтао (Председатель КНР в 2003-2013 гг.) по превращению Китая в полноценного члена международного сообщества путём реформации внешней и внутренней политики. Главной основой его идей стала концепция «гармонии»: построение «гармоничного общества» внутри КНР, а затем и построение «гармоничного мира» как основы миропорядка путём равноправного сотрудничества всех стран в сферах политики, культуры, экономики и пр.

Выделение таких категорий, как гармоничное развитие всех сфер жизни, приоритет личности каждого отдельно взятого человека, мирное развитие, сохранение культурного разнообразия и т.д., по нашему мнению, представляет собой проявление идей мягкой силы.

Очевидно, что добиться «гармоничного мира», в котором мирно сосуществуют и развиваются все нации, путём применения лишь методов жёсткой силы, невозможно. Именно поэтому столь большой акцент стал делаться на культурное взаимодействие в международном обществе. Более того, как было указано выше, Китай не желал повторить судьбу СССР – потерпеть «культурное поражение» в борьбе со странами Запада. Чтобы избежать этого, Поднебесная стала применять другую тактику – транслировать свою собственную культуру во всё её многообразии вместо копирования западных ценностей, которые, пусть и проникали в китайское общество, не становились преобладающими. Примерами проявления данной тактики может являться деятельность Институтов Конфуция и мировые гастроли трупп Пекинской оперы.

В период с 2004 по 2007 годы высшие руководители КНР, включая Председателя Ху Цзиньтао, неоднократно подчёркивали, что Китаю необходимо прилагать усилия к продвижению собственной мягкой силы. Благодаря тому, что высший руководитель государства акцентировал такое внимание на вопросах мягкой силы и культуры, они также стали предметом обсуждения на съездах ВСНП и Госсовета КНР. [3] Таким образом, в XXI веке «мягкая сила» прочно вошла в идеологический пласт Китайского государства и получила активную поддержку со стороны руководства КНР.

Столь активная работа государства в направлении культурного развития и продвижения мягкой силы с целью улучшения международного имиджа дали свои плоды: согласно результатам опросов, проведённых Pew Research Centre в 2014 году, в среднем мировое общество положительно относится к КНР (49% граждан отвечает положительно, 32% - не-

гativamente, остальные – воздержались от ответа). В первую очередь деятельность Китая положительно оценивается жителями Латинской Америки (67% граждан Венесуэлы, 60% граждан Чили, 56% граждан Перу, 58% граждан Никарагуа и т.д.), Африки (77% граждан Танзании, 74% граждан Кении, 71% граждан Кении, 61% граждан Уганды), Азии (78% граждан Пакистана, 74% граждан Малайзии, 72% граждан Тайланда, 66% граждан Индонезии, 56% граждан Южной Кореи), а также жителями Украины (64% граждан) и России (64% граждан). [4]

Однако в некоторых странах дела обстоят иначе. К примеру, в Японии, ближайшем региональном соседе КНР, действия Китая в целом оцениваются негативно (91% граждан), так же как и во Вьетнаме (78% граждан). Жители европейских государств также относятся к Китаю крайне неоднозначно, например, 53% французских граждан оценивают действия Китая отрицательно, 47% - положительно; 38% граждан Соединённого Королевства – отрицательно, 47% - положительно; 55% испанских граждан – отрицательно, 39% - положительно. Наконец, граждане США расценивают КНР скорее отрицательно (55% негативных ответов против 35% положительных).

Более современные данные агентства Pew Research Centre дают понять, что, несмотря на незначительные изменения в процентном отношении, в целом тенденции изменения отношения к КНР остаются неизменными.

Подобные условия сформировались по нескольким причинам. Так, в 2012 году был проведён опрос среди граждан США, целью которого было узнать причину беспокойства по отношению к КНР. Среди них были:

1. Доля Китая в госдолге США (78% респондентов);
2. Переход производств от США к КНР (71% респондентов);
3. Торговый дефицит США с КНР (61% респондентов);
4. Кибератаки со стороны КНР (50% респондентов);
5. Влияние КНР на глобальную окружающую среду (50% респондентов);
6. Рост военной мощи КНР (49% респондентов);
7. Политика КНР по отношению к правам человека (48% респондентов);
8. Напряжённые отношения КНР и Тайваня (27% респондентов) [4].

Исходя из результатов опроса, можно прийти к выводу, что американское общество наиболее обеспокоено экономической угрозой со стороны Китая, однако «демонизация» КНР, существовавшая в 1990-х гг., на данный момент не проявляется столь сильно.

В целом, из среднемировых показателей опросов можно понять, что культурная деятельность Китая по улучшению собственного национального имиджа даёт положительные результаты, особенно в странах, где культурное проникновение Китая наиболее обширно (страны Азии, Африки, Латинской Америки, Россия). Тем не менее ряд государств имеет неоднозначное мнение о КНР в целом. Это связано прежде всего с недемократическим строем, цензурой, политикой КНР в сфере прав человека и авторских прав.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Бодрова О.И. Опыт Китая в построении культуры «гармоничного мира». [Электронный ресурс] // Вестник ВСГУТУ. – 2013. – №3. – Режим доступа: <https://clck.ru/DaSs9> (дата обращения: 30.03.19).
2. Турушева Н.В. Политика коммунистической партии Китая в области культуры в период реформ (1978-2012 гг.): дисс. ... канд. ист. наук / Н.В. Турушева. – Томск, 2013. – 196 с.
3. Mattias Munk-Petersen. Soft Power in China: A historical analysis of the notion and role of soft power International Affairs – Culture and Global Studies, Aalborg University. – Spring 2013. – 75 p.
4. Ratings for China generally favorable. / Pew research center. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pewglobal.org/2014/07/14/global-opposition-to-u-s-surveillance-and->

drones-but-limited-harm-to-americas-image/pg-2014-07-14-balance-of-power-2-01/ (дата обращения: 30.03.19).

5. Tianmen, China and the U.S. public opinion / Pewresearch. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/06/03/how-americas-opinion-of-china-has-changed-since-tiananmen/> (дата обращения: 30.03.19).

Лэй Шуан, аспирант политологии, лектор

Кафедра политологии Восточного института — Школы международных и региональных исследований

Дальневосточный федеральный университет

183609095@qq.com

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИДЕЯХ «ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» СИ ЦЗИНЬПИНА

УДК 328

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии китайского лидера Си Цзиньпин во внутренней и внешней политике, дипломатической деятельности в последние годы. Используя древнюю китайскую мудрость и глобальное мышление с международным видением, председатель Си обладает острым чутьем в тенденциях развития мира; активно продвигает развитие разнообразия в современном мире с помощью мышления о сосуществовании и сохранении многообразия в эпоху глобализации; используя мышление независимости и самостоятельности, стремится к установлению справедливого и равноправного миропорядка; использует понятие великой державы, с благородством и душевной чистотой относится к внутренним делам и международным отношениям и старается прорваться через барьеры западного гегемонизма и торгового протекционизма. Благодаря его комплексному использованию передовых средств, таких как международное сотрудничество и интернет, усилиям по реконструкции нового ландшафта Сообщества единой судьбы человечества, у председателя Си есть все предпосылки к тому, чтобы помочь народам всех стран встать на быстрый путь, который ускорит переход в новую эру глобализации.

Ключевые слова и фразы: международное сотрудничество, Сообщество единой судьбы человечества.

AN ANALYSIS OF XI JINPING'S "STRATEGIC THOUGHTS ON GREAT POWER DIPLOMACY"

Lei Shuang, PhD student of political science, Lecturer

Department of political science of the Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies

Far Eastern Federal University

183609095@qq.com

Abstract: The article discusses the strategy of the Chinese leader Xi Jinping in domestic and foreign policy, as well as overall diplomatic activities in recent years. Using ancient Chinese wisdom and global thinking with an international vision, Chairman Xi has a keen sense of world development; he actively promotes the development of diversity in the modern world through thinking about the coexistence and preservation of diversity in the era of globalization; using the thinking of independence Xi seeks to establish a fair and equitable world order; he also uses the notion of a great power, with nobility and spiritual purity, relates to internal affairs and international relations, and tries to break through the barriers of Western hegemonism and trade protectionism. Thanks to his integrated use of advanced tools, such as international cooperation and the Internet, to reconstruct the new landscape of the Shared future of Mankind, Chairman Xi has all the prerequisites to help the people of all countries embark on a fast path that will accelerate their transition to a new era of globalization.

Key words and phrases: international cooperation, community of shared future for mankind.

С момента своего образования дипломатическая стратегия Китая постоянно корректировалась в соответствии с тенденциями времени. С 50-х годов XX в. в соответствии с потребностями развития Китая, определился дипломатический курс “Независимость и самостоятельность”, а затем возникла стратегия “Пяти принципов мирного сосуществования” для лучшего развития отношения с соседними и развивающимися странами, в 60-х и 70-х годах, с нормализацией китайско-американских и китайско-японских отношений, Китай стал расширять свою дипломатию. После 3-го пленума ЦК 11-го созыва китайская независимая мирная внешняя политика совершенствовалась все больше и больше; кроме того, к этому моменту уже сложилась дипломатия, во всех ее аспектах, на разных уровнях и в более глубоких областях. Сегодня ситуация в стране и за рубежом становится все более сложной и изменчивой, и Китай должен более внимательно следить за пульсом времени и использовать более интеллектуальную, долгосрочную и открытую стратегию, чтобы продвигать дипломатическую работу. Идеи Си Цзиньпина о дипломатических стратегиях в новой эпохе имеют важное значение для реализации “Китайской мечты” о великом возрождении китайской нации и целей, намеченных к “двум приближающимся столетним юбилеям”, а также для решения многих важных проблем международного сообщества китайской мудростью и инициативами.

В условиях ускорения экономической глобализации, информатизации и модернизации, ухудшения экологической среды, обострения локальных войн и региональной нестабильности и слабости мировой экономики, судьба и интересы всех стран более тесно связаны. Си Цзиньпин своевременно предложил создать “Сообщество единой судьбы человечества”. В своем 19-м докладе он вновь выступал с призывом к миру “Мы призываем народы всех стран общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества, и создать тем самым чистый и прекрасный мир, где царит долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность”, также он выдвинул китайскую инициативу о глобальном комплексном управлении: “Необходимо в целом учитывать внутреннюю и внешнюю обстановку, неизменно идти по пути мирного развития, реализовывать стратегию открытости, ориентированную на взаимную выгоду и совместный выигрыш. Твердо придерживаясь правильного понимания справедливости и выгоды, следует утвердить новую стратегию, основанную на сотрудничестве концепцию всеобщей, комплексной и устойчивой безопасности. Необходимо стремиться к открытому, инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию, содействовать межцивилизационным обменам, предполагающим гармоничное сосуществование при сохранении своеобразия, взаимовосприятие и взаимодополнение, создавать экологическую систему, уважающую природу и зеленое развитие. Китай будет неизменно стимулировать мир во всем мире, вносить свой вклад в глобальное развитие и защищать международный порядок”[6].

Глобальное мышление с международным видением, владение тенденциями развития мира. Глобальное мышление - это метод мышления, законов развития мира, планирование внутренних дел, адаптирование и владение ситуацией в мире, учитывая внутреннюю и внешнюю обстановку с глобальной и локальной точки зрения. Оно требует хладнокровного наблюдения и понимания мировых ситуаций, законов мирового развития, разумного функционального позиционирования своей страны, понимания возможностей и проблем определения национальных стратегий и тактик для адаптации к миру, всеобщему развитию и стремлению к глобализации.

Под предпосылкой ухудшения состояния окружающей среды в мире и усиления загрязнения планеты председатель Си Цзиньпин отмечал: “У человечества есть только одна земля, и все народы живут вместе в одном мире. Общее развитие является основой устойчивого развития и отвечает долгосрочным и фундаментальным интересам всех народов. Мы живем в одной и той же глобальной деревне, мы должны твердо установить чувство сообщества и общей судьбы, следовать тенденциям времени, понимать правильное направление развития, настаивать на совместной работе, чтобы способствовать развитию Азии и мира на новом уровне” Экология во всем мире является относительно независимой и в то же время

взаимозависимой. Существует взаимная связь и взаимное сообщение в сфере климата, моря и суши. Человечество и природа находятся в одной симбиотической биологической цепочке и цикле. Усугубление пагубного влияния на окружающую среду, стремительное развитие науки и технологий, интернета, веб-потока, логистики, потока информации и пассажиропотока стимулируют развитие экономических и культурных связей между странами и делают их все более тесными. Экологическая судьба человечества тесно связана. Таким образом, народы всех стран должны объединить свои усилия для поддержания упорядоченного функционирования и верного цикла глобальной экологической системы в целом.

Главным трендом сейчас является мирное развитие, сотрудничество и «совместный выигрыш». Китай, как ответственная держава, давно привержен внешнеполитическим целям «защита мира во всём мире и продвижение совместного развития» [6]. Столкнувшись с международными проблемами, различными рисками и благоприятными возможностями, председатель Си Цзиньпин активно выступает за усиление макроэкономического регулирования в мире и повышает ведущую и координирующую роль Китая в "Большой двадцатке", а также в АТЭС.

Во-первых, для этого необходимо принять ответственную макроэкономическую политику. Несмотря на то, что субъекты международного рынка являются разнородными, а рыночные операции и международная торговля свободными и независимыми, многие общественные ресурсы в мире являются глобальными, целостными и ограниченными, и для преодоления сбоев и слепых зон в механизмах мирового рынка необходимо усилить макроконтроль.

Во-вторых, следует совместно поддерживать и развивать открытую мировую экономику. «Открытость ведет к прогрессу, а замкнутость — к отсталости. Открытые двери Китая не закроются, они будут распахиваться всё шире. Делая упор на реализацию инициативы «Один пояс - один путь», следует и дальше уделять одинаковое внимание заимствованию извне и выходу вовне, руководствуясь принципом «совместное консультирование, совместное строительство и совместное использование», расширять открытость и сотрудничество в сфере инновационного потенциала, сформировать архитектуру открытости, отличающуюся взаимодействием сторон на суше и на море, в Китае и за рубежом, а также взаимной выгодой» [5].

В-третьих, необходимо обеспечить совершенствование глобального экономического управления и сделать его более справедливым. Руководствоваться основополагающими принципами и ценностями, направленными на защиту общих и долгосрочных интересов народов мира, а также на поощрение справедливой торговли и равноправной конкуренции на международных рынках, проводить борьбу с незаконной торговлей и противодействовать торговому протекционизму и экономической монополии.

В-четвертых, содействовать взаимовыгодному сотрудничеству и взаимодействию между странами. Опираясь на экономические и технические преимущества каждой страны, мы должны дополнять друг друга и развивать активное экономическое сотрудничество, создавая тем самым экономическую систему, в которой сильные стороны участников дополняют друг друга, развиваются структурная оптимизация и взаимовыгодное сотрудничество. Мир - это система универсальных связей, страны должны осуществлять сотрудничество и взаимодействие в поддержании глобальных комплексных выгод и ценностей устойчивого развития, а также способствовать оптимальному распределению мировых ресурсов и правовому циклу на основе соблюдения законов экономического развития. Китай должен «обновить подход к инвестициям за границу; содействовать международному сотрудничеству в области производственных мощностей; формировать глобальную торговую, инвестиционную и финансовую, производственную и сервисную сети; ускорить развитие новых преимуществ в международном экономическом сотрудничестве и конкуренциях» [5]. Используя свои позиции и преимущества на мировой арене, Китай будет вести соответствующие страны к совместному развитию. Нам следует идти в ногу со временем, противостоять различным формам протекционизма, использовать как внутренний, так и внешний рынок, два вида ресурсов. На Сам-

мите форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества Си Цзиньпин отметил: “В 2014 году мы разработали план взаимодействия АТЭС. Мы должны руководствоваться этим планом, чтобы создать всеобъемлющую, многоуровневую, сложную сеть взаимодействия АТР. Мы должны в полной мере использовать роль функции стимулирования взаимосвязанности в отношении реальной экономики, и так преодолеть барьеры в развитии, высвободить потенциал развития и сформировать модель скоординированного совместного развития”. Это свидетельствует о том, что продвижение международного сотрудничества, взаимодействия и взаимосвязанность стало важной характеристикой и неизбежной тенденцией новой эры глобализации. Китай должен прорваться через старые стереотипы мышления и старые рамки: “нельзя физически войти в 21-й век, а мышление остаться в прошлом” [6], Китай возьмет на себя роль проводника мира к созданию Сообщества единой судьбы человечества с сознанием интересов всех народов мира.

Дальнейшее разъяснение принципов китайской дипломатии : Обогащение коннотации мирного пути развития, обозначение национальных интересов. Дипломатические идеи Си Цзиньпина также обогатили и внесли новшества в содержание мирного пути развития Китая.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что мир - это необходимый компонент жизни, такой же как воздух и солнце . 28-го марта 2014 года по приглашению немецкого фонда Кольбера, председатель Си выступил с речью в Берлине, отметив, что Китай неуклонно идет по пути мирного развития, что является реакцией страны на то, что международное сообщество следит за её развитием, а также на уверенность и самоосознание китайского народа в достижении своих целей в области развития. Эта самоуверенность и самосознание исходит из глубоких корней китайской цивилизации, от осознания условий для достижения целей развития Китая, до понимания потенциала мирового развития. Си Цзиньпин неоднократно подчеркнул, что Китай идет по пути мирного развития, не по целесообразности и не по дипломатической риторике, а по историческому, реалистическому, объективному суждению о будущем, что является органическим соединением мысли, уверенности в себе и осознанной практики. И нет никаких причин для того, чтобы не настаивать на том, чтобы путь мирного развития был, как это доказано, разумным путем для Китая и для всего мира.

Более четкое распределение национальных интересов. На 18-м съезде партии председатель Си подчеркнул, что для китайской дипломатии критически важно твердо отстаивать национальные интересы и придерживаться общего положения национальных интересов. В своем выступлении на третьем коллективном обучении в Политбюро Си Цзиньпин отметил, что: “Мы должны идти по пути мирного развития, но не должны отказываться от наших законных прав и интересов, а также жертвовать основными национальными интересами”. В своем докладе на девятнадцатом всекитайском съезде КПК он вновь подтвердил, что Китай никогда не будет развивать себя в ущерб интересам других стран и никогда не будет отказываться от своих законных прав и интересов, поэтому не стоит питать иллюзии о том, что Китай позволит кому-либо подрывать его собственные интересы.

Уделение более пристального внимания гарантиям мира: создание сильной народной армии. Генеральный секретарь Си Цзиньпин считает, что “в китайской цивилизации всегда исповедовался принцип “мирного содружества с другими странами”, а также “достижения согласия при наличии разногласий” и Китай всегда “дорожит миром”. Он также ясно подчеркнул, что нынешняя ситуация в мире далека от спокойной и нуждается в защите. Сегодня мы ближе, чем когда-либо в истории, к цели великого возрождения китайской нации, и больше, чем в любой другой период в истории, нуждаемся в сильной народной армии. Мы должны неуклонно идти по пути формирования сильной армии с китайскими характеристиками и воспитывать армию по стандартам мирового класса.

Стремление к единению при сохранении различий: содействие развитию разнообразия в мире, достижение согласия при наличии разногласий. Ныне в западной цивилизации отсутствует толерантность к разнообразию цивилизаций, однако китайская философия всегда пользовалась принципом “достижения согласия при наличии разногласий”, эта традиционная философская идея была воплощена в дипломатии Си Цзиньпина. “Китайская мечта” устано-

вила новую концепцию ценности для современного мира по принципу “достижения согласия при наличии разногласий”. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил 29 ноября 2012 г. выставку «Путь к возрождению» в Китайском национальном музее. Там он впервые выдвинул новый лозунг о «китайской мечте» (чжунго мэн), в основе которой лежит реализация великого возрождения китайской нации [3]. “Китайская мечта” - это великое возрождение китайской нации. Процветающий, демократический, цивилизованный и гармоничный социалистический современный Китай может эффективнее использовать практические действия, чтобы приложить свои собственные усилия и внести свой вклад в реализацию мировой мечты. Лозунг «китайская мечта» стал одной из главных внешнеполитических новаций Си Цзиньпина [4].

Национальные интересы представляют собой сложный комплекс, который представляет собой непримиримую основу для того, чтобы страны могли эффективно сотрудничать с другими странами. Нынешнее руководство КНР централизует принятие решений по любым важным внешнеполитическим вопросам, что выражается в принципе «сверху вниз» (top-level design, динцэн шэцзи), при этом на высшем уровне пытаются тщательно оценивать: каким образом те или иные события в отношениях с зарубежными государствами и международными организациями повлияют на состояние китайской экономики и внутрисполитическую стабильность в Китае [2]. При стремления страны к своему собственному развитию, она должна позволить развиваться и другим. Концепция этой цели не только защищает национальные интересы страны, но и позволяет лучше регулировать отношения между Китаем и другими странами, а также стремится к взаимовыгодному и гармоничному сотрудничеству. При совместном письменном интервью с тремя латиноамериканскими СМИ председатель Си Цзиньпин отметил: “Мы не только привержены собственному развитию, но и подчеркиваем свою ответственность и вклад в мир в целом, чтобы принести пользу не только китайскому народу, но и народам мира”. Это дипломатическое новшество является балансом между своими собственными интересами и международной ответственностью, найденным председателем Си Цзиньпином, который не только создает благоприятные внешние условия для реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации, но и способствует мирному развитию во всем мире, поддерживает справедливость в мире и формирует хороший международный имидж Китая. Это и является ответным ударом “Китайской угрозе”. В последние годы, по мере непрерывного увеличения совокупной мощи Китая, он стал второй по величине экономикой в мире. Некоторые страны выражают беспокойство по поводу растущей мощи Китая, апеллируя тем, что “сильная страна обязательно является узурпатором”, чтобы преднамеренно внести зерно сомнения и напомнить о “Китайской угрозе”. В ответ на эти замечания председатель Си Цзиньпин представил концепцию “Мечты мира” на основе “Китайской мечты” и активно отстаивает концепцию “Сообщество единой судьбы человечества”, подчеркивая, что все в мире тесно связано между собой, таким является его ответ на теорию “Китайской угрозы”. Он заявляет всему миру, что Китай, независимо от статуса, придерживается мирного стремления к развитию и росту, с целью ослабить международное давление и укрепить политическое взаимное доверие.

Концепция “Стремления к единению при сохранении различий” - это не только способ мышления для стремления к основному общему знаменателю содействия развитию мира во всем мире и взаимовыгодного сотрудничества, но и способ сохранения собственных преимуществ стран, для продвижения развития разнообразия в мире.

Независимое мышление: создание справедливого и равноправного миропорядка. Независимое мышление - это равное отношение к суверенным правам стран, сохранение относительной независимости государств, справедливый подход к защите интересов народов разных стран. Китай настаивает: “Все страны, большие или малые, сильные или слабые, богатые или бедные, должны быть равноправны”, восстанавливает справедливость, распространяет здоровую атмосферу, твердо выступает против притеснения, угнетения и третирования малых, бедных и слабых стран большими, богатыми и более могущественными странами и вмешательства во внутренние дела других государств [1]. Председатель Си Цзиньпин объ-

вил: “Китай имеет уникальные культурные традиции, особую историческую судьбу и аутентичные китайские реалии. Китай должен идти по пути развития, который соответствует его характеристикам. Уникальный и многовековой духовный мир Китая дает ему сильную национальную уверенность в себе, и воспитывает национальный дух, ядром которого выступает патриотизм. Китайский народ жаждет мира, а не войны. Китай всегда строго придерживается самостоятельной, независимой и мирной внешней политики, не вмешивается во внутренние дела других государств и не дает другим государствам вмешиваться во внутренние дела Китая.

Концепция “Великая держава” - управлять большой страной через мелкие детали (эффективное управление требует минимального вмешательства). Концепция “Великая держава” состоит в том, чтобы объединить и привести несколько малых стран и их соседей к процветанию и развитию, используя позиции и конкурентные преимущества великих держав на международной арене, отстаивать справедливость, поддерживать мир и стабильность во всем мире и направить страны к лучшему будущему. Это требует от руководителей великих держав, в своей работе по решению внутренних и международных проблем, быть не только трудолюбивыми и осторожными, но и постоянно улучшать способность к стратегическому суждению, хорошо понимать тенденции и управлять рисками, имея в голове общий план, приступать к его конкретной реализации [6].

Живущий в бедности занимается лишь самим собой, постигший истину способен делать добро и для других людей. На международной арене Китай должен держать инклюзивный менталитет, а не ограничивать себя соблюдением мелких деталей. Страны или регионы, которые в истории совершили акты агрессии, в случае того, если они искренне раскаиваются в содеянном и проявляют справедливое и мирное отношение к другим странам, они могут вступать в дружественные отношения и стратегические партнерства. Китай готов вступать в подобные партнерства несмотря на прошлое каких-либо стран. Китай должен взять на себя международные обязательства и активно поддерживать малые и слабые народы и пострадавшие районы, совершать первопроходство и новаторство, сохранять и использовать международные конкурентные преимущества. Необходимо установить новые отношения с Соединенными Штатами и другими странами, способствовать союзам между могущественными странами и взаимодополняемости их преимуществ, использованию этих преимуществ для взаимодополнения, также Китаю следует играть ведущую роль в мирном доминировании крупных держав над рядом малых и соседних стран. Китай выстраивает дружеские и партнерские отношения с соседями, настаивая на принципе “Доброжелательности, искренности, взаимовыгодности и инклюзивности”, справедливо и равно относится ко всем странам [6]. Китай может в полной мере использовать свои позиции в качестве постоянного члена Организации Объединенных Наций, члена ВТО, организации по экономическому сотрудничеству в Тихоокеанском регионе, стран с формирующейся рыночной экономикой БРИКС и крупнейших развивающихся странах мира для того, чтобы направлять и реконструировать мировой экономический порядок и рациональную политическую структуру, а также поддерживать и продвигать устойчивое развитие мира, повышать мягкую силу национальной культуры. Путем различных форм международных обменов и культурных обменов Китай расширяет свое влияние на международную политику, демонстрирует свое культурное обаяние и укрепляет свою направленность на то, чтобы привести мир к более светлому будущему мира, стабильности и всеобщему процветанию, и также вносит новый и более весомый вклад в благородное дело содействия миру и развитию человечества.

Таким образом, правящая держава должна взаимодействовать с правящим миром. Китай будет придерживаться политики добрососедства и дружбы, активно поддерживать региональную стабильность и мировую безопасность, полагаясь на независимость и самообеспеченность, а также содействовать процветанию китайского народа и народов мира. Как ответственная держава, Китай должен проявлять напористость в международных отношениях и конкуренции, как крупная держава - обеспечивать безопасность и поддержание баланса в координации мировой ситуации. В настоящее время в стратегии Китая “Один пояс и один

путь” участвует более чем 100 стран и международных организаций. В масштабах Азиатского сообщества общей судьбы Китайско-латиноамериканского сообщества с единой судьбой, Китайско-африканское сообщество с единой судьбой, Китайско-арабского сообщества с единой судьбой непрерывно расширяются. Китайское мышление и стратегические инициативы в области международного сотрудничества оказывают все большее влияние на рациональную адаптацию и эволюцию мирового ландшафта, китайский народ также преследует Китайскую мечту и строит Азиатско-Тихоокеанскую мечту, Латиноамериканскую мечту и Глобальную мечту в одном и том же частотном резонансе, прочно вступая в новую эру взаимосвязанной глобализации.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Взгляды Си Цзиньпина на международное сотрудничество: Создание новой структуры международного сотрудничества с помощью “Китайской мудрости” [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2014/0723/c40555-25324544.html> (Дата обращения: 08.02.2019).
2. Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2017. – № 5. – С. 83-98.
3. Ломанов А., Борох О. Первые шаги нового руководства Китая // *Проблемы Дальнего Востока.* – 2013. – № 3. – С. 16.
4. Портяков В. Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения // *Проблемы Дальнего Востока.* – 2014. – № 1. – С. 18.
5. Си Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху — Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=7069&journal=225> (Дата обращения: 08.02.2019).
6. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. – С. 206-207, 336-337.

Михалевиц Екатерина Андреевна, студент 2 курса магистратуры
Амурский государственный университет
ekaterina_mikhalevich@mail.ru

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ США И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ

УДК 327

Аннотация. В статье рассматривается современная проблема торговых войн между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республики в исследованиях экспертов американских мозговых центров RAND Corporation и Carnegie Endowment for International Peace. Проводится анализ работ американских специалистов по вопросу преодоления торгового конфликта и поиска путей выхода из кризиса в двусторонних отношениях.

Ключевые слова и фразы: Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, торговые войны, мозговой центр, RAND Corporation, Carnegie Endowment for International Peace.

Ekaterina Mikhalevich, 2 year student
Amur State University
ekaterina_mikhalevich@mail.ru

USA – PRC TRADE WARS AT THE MODERN STAGE IN THE STUDIES OF THE AMERICAN THINK TANKS

Abstract. The article examines the problem of the trade wars between United States of America and People's Republic of China in the research of experts from the American think tanks RAND Corporation and Carnegie Endowment for International Peace. The article provides an analysis of the work of American experts on overcoming the trade conflict and finding ways out of the crisis in bilateral relations.

Key words and phrases: United States of America, People's Republic of China, trade wars, think tank, RAND Corporation, Carnegie Endowment for International Peace.

В настоящее время Китайская Народная Республика является одним из самых влиятельных акторов не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. Тот факт, что КНР не собирается останавливаться на достигнутом, продолжает развиваться в духе политики реформ и открытости, реализует новые экономические стратегии, например «Один пояс и один путь», не может не приковывать к себе внимание исследователей различных областей со всего мира.

Взаимоотношения между КНР и США являются, пожалуй, самыми важными двусторонними отношениями на сегодняшний день. Эти два государства обоюдно являются друг для друга вторыми по объему торговыми партнерами, активно сотрудничают в сфере образования, борьбы с терроризмом. Несмотря на существующие точки соприкосновения, кажется, что в настоящее время причин для разногласий между двумя государствами намного больше. Китай, обладая статусом потенциальной сверхдержавы, стремится потеснить Америку, получив статус сверхдержавы реальной. Больше всего соперничество проявляется в экономической сфере.

Актуальность данной тематики диктуется, прежде всего, актуальностью самой проблемы. США рассматривает Китай, с одной стороны, в качестве одного из самых крупных и бы-

строрастущих мировых рынков. С другой стороны – КНР является серьезным соперником Соединенных Штатов, активная торговля с которым сильно подрывает экономику последних. Главной проблемой является то, что объемы американского экспорта растут не так быстро, как объемы китайского импорта. Учитывая, что конфликт обострился в 2018 году, изучение данной проблемы через призму мнения специалистов ведущих аналитических центров США позволит наблюдателям со стороны лучше понять мотивацию действий американских властей, узнать, кого считают виновной стороной, какие пути преодоления конфликта предлагают западные эксперты.

Целью данной статьи является анализ проблемы торговых войн США и КНР в исследованиях экспертов ряда американских мозговых центров.

В рамках данной статьи были выбраны два мозговых центра США – RAND Corporation и Carnegie Endowment for International Peace. Это два из самых старейших и авторитетнейших мозговых центров в США. Научные разработки этих аналитических организаций являются одними из наиболее известных для российской аудитории.

RAND – аббревиатура от полного названия центра – Research and Development («Исследования и разработка»). Центр является некоммерческой организацией, расположенной в Санта-Монике (Калифорния). Это первый в мире стратегический научно-исследовательский центр, который стали называть «фабрикой мыслей» («think tank»). RAND Corporation работает по заказам, прежде всего, правительства США, ВС США и других правительственных организаций. Это напрямую имеет отношение к каналам финансирования деятельности центра: большую часть средств на научные исследования и разработки выделяется из государственного бюджета Соединенных Штатов. Кроме этого, другими каналами финансирования являются множество частных лиц, университеты, медицинские, технические организации [4].

Поле научных исследований экспертов RAND Corporation включает в себя вопросы, касающиеся стратегических и военно-технических аспектов существующих вызовов для национальной безопасности. Из-за того, что многие проекты напрямую касаются вопросов безопасности государства, значительная часть научного материала находится под грифом секретности. Тем не менее пользователи Интернет имеют доступ к незасекреченным материалам и результатам научной мысли экспертов RAND.

В структуре RAND создан специальный исследовательский центр, занимающийся вопросами взаимодействия США и стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Центр политики АТР. При нем работает ряд экспертов, специализирующихся на различных государствах и аспектах. Большинство специалистов, естественно, ведут свои научные разработки по актуальным проблемам взаимодействия США с КНР.

Тема торговых войн США и КНР в настоящее время является одной из наиболее злободневных для исследователей RAND. После новой волны повышения таможенных тарифов для китайской продукции со стороны США летом 2018 года количество публикаций резко возросло и не перестает сокращаться по сей день ввиду введения в действие Закона об иностранных инвестициях в марте 2019 года. Формат публикаций также очень разнообразен: начиная от небольших комментариев экспертов по текущим новостям о торговых войнах, заканчивая цельными отчетными работами за определенный промежуток времени. Авторство научных работ, которые изучали мы, полностью принадлежит членам RAND Corporation, без участия приглашенных специалистов. Наибольший интерес для аналитиков представляют такие аспекты, как причины возникновения феномена торговых войн между США и КНР, сравнение позиций двух государств по данной проблеме, проектирование возможных последствий конфликта и поиск путей его решения.

Политический аналитик Али Вин, комментируя решение администрации Дональда Трампа о повышении тарифов на ввоз китайской продукции в Штаты, предупреждает о непрямой дестабилизации как национальной, так и мировой экономики. Он также обращает внимание читателей на другое важнейшее последствие данных мер – нарушение национальной безопасности. Как отмечает Вин, до недавнего времени экономические связи двух стран служили эффективным тормозом нарастания стратегического недоверия. Китай, отличаю-

щийся большей свободой в отношении экономических связей с США, может создать значительную проблему для последних не только в экономической области, но и для всей внешней политики. Последствия повышения тарифов могут означать начало стагнации американской экономики, что не сможет не повлиять на состояние всей внешней политики [6].

Директор Центра политики АТР Рафик Доссани, анализируя политику повышения тарифов, дает неоднозначные оценки действиям администрации Президента США и возможным последствиям. Позицию китайской стороны он представляет со стороны классической теории мировой экономики: в торговой войне не бывает победителя. Он также отмечает, что следует ожидать разнозначных ответов со стороны китайского правительства на действия американских властей. Тем не менее для США это не станет проблемой, так как, во-первых, экономика Штатов находится на таком высоком уровне, что ответные меры Китая не смогут нанести ей значительного ущерба. Во-вторых, даже если это приведет к эскалации конфликта, США потеряют намного меньше, чем КНР: экспорт Китая в США почти в 4 раза больше, чем экспорт США в Китай, и составляет примерно 5 % от экономики Китая, в то время, как доля Китая в экономике Америки составляет около 0,7 % [2].

С другой стороны, вполне возможно, что в этом раунде торговой войны победителем окажется все-таки Китай. Новые тарифы администрация Трампа ввела на инновационные товары, с целью недопущения реализации Китаем плана стать страной-экспортером высокотехнологичных товаров к 2025 году. От данной меры пострадают, прежде всего, американские компании, чье производство полностью построено на китайском оборудовании. Замена китайских товаров на иные может оказаться весьма дорогостоящей и долговременной процедурой. Чтобы хоть как-то снизить расходы, американские предприятия будут вынуждены сократить количество работников, что также является отрицательным явлением [2].

Что касается оценки последствий для Китая, ожидается, что КНР сможет с легкостью преодолеть временные затруднения. Дело в том, что в ответном китайском списке товаров с повышенными пошлинами в основном содержатся продукты питания, которые можно импортировать из других стран намного легче, чем высокотехнологичные товары. Таким образом, китайские экономика и потребители потеряют в целом значительно меньше от политики повышения тарифов, чем американские. Доссани предполагает, что Китай переключится на других экспортеров продуктов питания, прежде всего на Австралию [2].

Другим авторитетнейшим американским мозговым центром является Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за международный мир»). Carnegie является старейшим аналитическим центром США в области международных отношений. Головной офис расположен в Вашингтоне. Центр также имеет несколько отделений, в том числе в Китае (Цинхуа) и России (Москва). В данной статье мы будем анализировать мнения американских экспертов, трудящихся в головном офисе центра. Carnegie является некоммерческой и негосударственной организацией, финансируемой Государственным департаментом США, ВС США, ЦРУ, различными американскими университетами и фондами [1].

Данный мозговой центр занимается преимущественно политическими и экономическими исследованиями в области международных отношений. Большое внимание уделено исследованиям взаимоотношений США и Китая на современном этапе.

Торговые войны между двумя странами, пожалуй, занимают центральное место в работах американских экспертов в настоящее время. Что касается интенсивности публикаций, то как и в случае с RAND Corporation, научные работы по заданной проблематике выходят довольно часто. Событиями, которые активизировали научную мысль по данному направлению являются летняя серия повышения тарифов США и мартовский Закон КНР об иностранных инвестициях. Научные работы в большинстве своем публикуются в формате научных статей и отчетов за определенный период времени. Также встречаются небольшие комментарии отдельных экспертов, но намного реже, чем в RAND. Кроме того, на официальном сайте центра представлены работы в формате интервью с приглашенными специалистами. Например, в данной работе будет исследован материал, взятый из интервью с Юконом Хуаном, старшим научным сотрудником Азиатской программы Carnegie. Наибольший интерес

для экспертов центра вызывают вопросы, касающиеся будущего данного конфликта. Специалисты активно разрабатывают и предлагают свои пути выхода из кризисной ситуации, анализируя позиции обеих сторон.

Майкл Суэйн считает, что и Вашингтон, и Пекин в равной мере способствуют ухудшению двусторонних отношений в экономике. По мнению Суэйна, администрация Трампа является главным источником спада двустороннего взаимодействия, но председатель КНР Си Цзиньпин, в свою очередь, во многих отношениях усугубляет ситуацию и продолжает линию «неумелой политики Д. Трампа» [5].

Многие американские эксперты считают, что сдвиг в двусторонних отношениях произошел в 2008 году во время мирового экономического кризиса, когда Китай воспользовался ослабленным положением США и стал более настойчивым в вопросах суверенитета, начал проводить более резкую и смелую экономическую политику. Растущее противостояние двух государств увеличивает вероятность будущих политических и даже военных кризисов в АТР, что в итоге может привести к началу холодной войны или более худшим последствиям для США и КНР. Причина этого кроется в изменении баланса сил в азиатском регионе, а также в неспособности решить ряд неразрешенных вопросов, касающихся Корейского полуострова, острова Тайвань, существующих морских споров, связанных с военной разведкой. Все это вкупе со снижением морского господства США в АТР, по мнению эксперта, создает нестабильный паритет между Америкой и Китаем и влияет на ужесточение риторики в рамках торговой войны [5].

Суэйн также предлагает пути выхода из сложившейся ситуации. Во-первых, автор призывает влиятельным людям обеих стран, не только специалистов по американо-китайским отношениям, высказываться более решительно относительно существующих проблем. Они должны призвать к прекращению безрассудной риторики и выработать единый набор мер для борьбы с источниками недовольства и подозрительности в отношениях. Китаю со своей стороны следует привлекать западные организации и предприятия для участия в проекте «Один пояс и один путь», что значительно укрепит экономические связи с США и будет способствовать восстановлению деловых связей. Конгресс США, в свою очередь, должен провести слушания по поводу будущего стратегического баланса сил в Азии и его значения для политики США. Это мероприятие должно включать в себя полную оценку того, как среднесрочные и долгосрочные изменения в военных, экономических, политических и дипломатических ресурсах, которыми обладают Соединенные Штаты, Китай и другие азиатские государства, могут повлиять на региональную стабильность, особенно с точки зрения изменения уровней толерантности к риску и восприятия региональных угроз. По мнению Суэйна, это должно привести к нахождению точек соприкосновения мнений двух государств по поводу баланса сил в Азии и укреплению взаимного доверия [5].

Анализируя недавно принятый Закон об инвестициях КНР, Юкон Хуан рассматривает данный шаг Китая в качестве базы для мирного прекращения продолжающейся торговой войны. Автор считает, что этот нормативно-правовой акт отвечает требованиям современного экономического сообщества. В частности, законом установлено, что иностранные фирмы не должны передавать свои технологии китайским предприятиям, протекцию интеллектуальной собственности в области иностранных инвестиций следует усилить, закупки товаров не должны быть дискриминационными по отношению к иностранным фирмам, иностранные инвестиции обязаны поощряться со стороны китайских властей. Тем не менее, закон содержит множество пробелов, к примеру, законодательно не определено каким образом будет проводиться проверка защищенности интеллектуальной собственности иностранных предприятий. Также необходимо учитывать, что Китаю потребуется значительное количество времени, чтобы положения закона стали реализовываться на практике [3].

Закон об иностранных инвестициях является попыткой подтвердить намерение Китая соответствовать глобальным нормам ведения экономической деятельности. Тем не менее, данный закон не может стать окончанием текущей торговой войны, так как перед обоими сторонами стоит целый ряд структурных и острых вопросов, которые не могут быть решены

в одночасье с принятием одного нормативно-правового акта, будь то закон или даже двустороннее торговое соглашение [3].

По мнению эксперта, вероятность принятия двустороннего торгового соглашения очень высока. Тем не менее Хуан призывает думать о заключении соглашения не как об окончательном решении конфликта, а лишь как о временном перемирии. Несомненно, то, что стороны готовы взять на себя определенные обязательства – само по себе положительное явление. Тем не менее вопрос, каким образом государства будут реализовывать свои намерения, остается открытым. Специалист считает, что даже после, казалось бы, решения конфликта, будут продолжаться нарушения соглашения со стороны обеих сторон и со временем расти обоюдное осознание того, что некоторые вопросы были решены не «должным образом» [3]. Поэтому США и КНР необходимо работать над созданием более устойчивой базы, чтобы иметь возможность решать возникающие разногласия на беспристрастной основе.

Юкон Хуан отмечает, что такой базой может быть реструктурированная ВТО, в рамках которой можно бы было сесть за стол переговоров, а не обмениваться повышением тарифов на ввозимую продукцию, и прийти к консенсусу по возникающим разногласиям. Альтернативой может быть торговое соглашение, заключенное в координации с Европейским Союзом. Но в этом случае представляется, что Китай будет более зависимой от условий документа стороной, чем США. В любом случае, такие меры способствовали бы более упорядоченному процессу межгосударственного урегулирования вопросов и предоставили бы нейтральный вариант для международного арбитража по возникающим торговым спорам [3].

Как мы можем видеть, специалисты двух центров обращают внимание практически на одни и те же вопросы, которые, по-видимому, представляют наибольший интерес для американского правительства. Обе организации ставят перед собой задачу по поиску путей преодоления торгового конфликта. Исследования экспертов различных центров в большинстве своем носят системный характер, характеризуются глубиной проработки тематики и в большей степени солидарностью достигнутых заключений и выводов.

В заключение необходимо сказать, что, несмотря на тот факт, что оба мозговых центра нельзя назвать независимыми ввиду их прямого финансирования из средств правительства США, тем не менее мы могли убедиться, что эксперты, работающие над исследованиями проблемы торговой войны между Америкой и Китаем, зачастую не согласны с действиями официальной власти, критикуют ее и предлагают свои пути выхода из сложившейся ситуации. Очевидно, что данная проблематика является весьма актуальной в настоящее время. Остается надеяться, что власти обоих государств прислушаются к мнению специалистов и совместно начнут искать пути решения конфликта, чтобы он не приобрел более негативные формы.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Carnegie Endowment for International Peace [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/> (Дата обращения: 29.03.2019).
2. Dossani, Rafiq. The U.S. – China Trade War: Different Messages [Электронный ресурс] // RAND Corporation : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://www.rand.org/blog/2018/07/the-us-china-trade-war-different-messages.html> (Дата обращения: 28.03.2019).
3. Huang, Y. China's Foreign Investment Law and US – China Trade Friction [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace: офиц. сайт. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2019/03/19/china-s-foreign-investment-law-and-us-china-trade-friction-pub-78647> (Дата обращения : 29.03.2019).
4. RAND Corporation Provides Objective Research Services and Public Policy Analysis [Электронный ресурс] // RAND Corporation : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://www.rand.org/> (Дата обращения: 27.03.2019).

5. Swaine, M. The Deepening U.S. – China Crisis: Origins and Solutions [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace: офиц. сайт. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2019/02/21/deepening-u.s.-china-crisis-origins-and-solutions-pub-78429> (Дата обращения: 29.03.2019).
6. Wune, Ali. The Security Risks of a Trade War with China [Электронный ресурс] // RAND Corporation : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://www.rand.org/blog/2018/08/the-security-risks-of-a-trade-war-with-china.html> (Дата обращения: 28.03.2019).

Никulina Анна Сергеевна, старший преподаватель

Кафедра иностранных языков

Вольский Военный институт материального обеспечения (филиал) ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва»

NikulinaAS@yandex.ru

Полуев Александр Николаевич, курсант

Вольский Военный институт материального обеспечения (филиал) ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва»

NikulinaAS@yandex.ru

ДИАЛОГ РОССИИ С ВОСТОКОМ (КИТАЙ) В УСЛОВИЯХ СПОРНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ЗАПАДОМ (США): ПРОТИВОРЕЧИЯ НА ПУТИ К ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

УДК 327

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние российско-китайских и российско-американских международных отношений. Обострение отношений США и России ведет к разрушению существующего мирового порядка и значительно снижает возможности совместного оперативного реагирования на военные и техногенные катастрофы. При этом Китай, стремительно развивающаяся сверхдержава в плане технологий, связи, транспорта, робототехники, вооружения и энергетики, сегодня является наиболее надежным и существенным союзником для России. В настоящее время ведется активная работа по развитию двусторонних отношений России и Китая для повышения уровня и расширения сфер российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова и фразы: Россия, Китай, США, международные отношения, сотрудничество с Китаем.

Anna Nikulina, Senior Lecturer

Department of Foreign Languages

Volsk Military Logistics Institute

NikulinaAS@yandex.ru

Alexander Poluev, cadet

Volsk Military Logistics Institute

NikulinaAS@yandex.ru

THE DIALOGUE OF RUSSIA WITH THE EAST (CHINA) AND THE WEST (THE USA): THE CONTRADICTIONS ON THE WAY TO MILITARY AND POLITICAL AND ECONOMIC STABILITY

Abstract. The article considers the problem of the Russian-Chinese and Russian-American international relations in the modern world. Strained relations of the USA and Russia lead to destruction of the current world order and considerably reduce possibilities of joint rapid response to military and technogenic catastrophes. At the same time China, promptly developing country in respect of technologies, communication, transport, robotics, arms and power, is the most reliable and essential ally for Russia today. Nowadays Russia and China conduct an active work in their bilateral relations for expansion of spheres of the Russian-Chinese cooperation.

Key words and phrases: Russia, China, the USA, international relations, cooperation with China.

Внешняя политика России – очень древнее и историческое явление, которое берет свое начало еще задолго до образования СССР, европейских поездок Петра I и даже до крещения Руси, например «путь из варяг в греки», служивший торговым путем и возможностью связаться с другими народами.

Позже, когда международные отношения обрели более высокое значение и вес в государстве, ведущего их правильно, корректно и выгодно, их стало намного больше, и их роль сильно возвысилась в плане политики. Многие политические события, в основном войны, которые страны вели между собой, положили начало новым и более весомым связям между странами, способными поддержать словом и делом, – союзам, военным союзам, дружествам, коалициям.

Россию тоже не обошли стороной международные отношения. Так, например, существует теория, объясняющая смысл герба России, Двуглавого Орла, согласно которой его головы смотрят в разные стороны: одна направлена вправо, а другая – влево, что трактуется как ориентирование на Запад и в то же время на Восток и предполагает преемственность всех лучших качеств и их интерпретацию на русский манер. У западных стран можно было перенимать технологии, а у восточных – верность традициям, трудолюбие.

Ярким представителем Запада является США – как из географических, так и политических соображений: это крупная страна с большой территорией, развитой инфраструктурой и имеющая сильную политическую систему. Российско-американские отношения берут свои истоки задолго до начала Холодной войны (1946-1991 гг.), до образования НАТО (1949 г.), до создания и признания СССР (1922 г.).

Отношения России и США не всегда были такими напряженными. До начала Второй Мировой Войны (1939-1945 гг.) разногласий было не так много. Также известны случаи взаимовыручки и взаимопомощи, например, продовольственная и вещевая помощь со стороны США по отношению к СССР. Был также известен и «Ленд-лиз», который, безусловно, трудно назвать помощью, ведь заключен он был на взаимовыгодной основе, взамен других ресурсов: золота, денег и иных природных богатств.

Если совсем абстрагироваться от политики, обстановки на мировом рынке, международной политической арене и в целом посмотреть на взаимоотношения граждан обеих стран, можно сделать вывод, что на самом деле многие музыканты, актеры, художники, другие деятели культуры с удовольствием приезжают в Россию и остаются очень довольными, делятся в социальных сетях яркими фотографиями видов, исторических памятников, городской архитектуры нашей страны, а также незабываемыми впечатлениями о широте русской души.

В то же время наши известные и малоизвестные соотечественники посещают США, восхищаются местными достопримечательностями и общением с гражданами США, обмениваясь с ними опытом, советами, или просто хорошо проводят время.

Судя по оригинальным американским печатным изданиям и интернет-источникам, можно сделать вывод, что многие их официальные газеты пишут довольно уважительно о России и нашем Президенте, называя его зачастую «strong man» – «сильный человек» [1].

Электронное издание газеты “The New York Times” от 5 сентября 2017 года, освещая российско-американские отношения, описывает нарушение со стороны США российских дипломатических прав (депортация российских дипломатов), санкции США против России, которые Президент США, Дональд Трамп, характеризовал как «сговор Конгресса США против Москвы, без его ведома и разрешения» [2].

В свою очередь, на вопрос американского журналиста Президенту РФ В.В. Путину о том, разочарован ли он в Дональде Трампе и в их отношениях, Владимир Владимирович ответил: «Мы с ним не кумовья друг другу, мы оба – государственные деятели. У каждого государства свои интересы. Он действовал в интересах своей страны, а я [В. Путин] – в интересах своей» (перевод автора) [2].

Кроме того, большое напряжение добавляется со стороны США при развертывании ими своих баз и систем ПРО возле границ с Россией, а также ряд спорных вопросов, таких

как присоединение и вхождение Крымской Республики в состав Российской Федерации, конфликт на Восточной Украине, ситуация в Сирийской Республике.

Обострение отношений США и России ведет к разрушению существующего мирового порядка и уменьшает стратегические ресурсы решения глобальных и острейших региональных проблем безопасности. Возможности совместного оперативного реагирования на военные и техногенные катастрофы становятся минимальными со времен окончания «Холодной войны».

На сегодняшний день можно выделить ряд проблем в отношениях России и США:

- Продолжающиеся экономические санкции США против Российской Федерации.
- Непрерывающиеся споры по «Украинскому вопросу» и по вопросу возвращения Крыма.
- Непонятные и неоднозначные действия США в Сирии.
- Расширение территорий, подконтрольных НАТО.
- Увеличение числа военных баз НАТО по территории Земли и близ границ стран-участниц НАТО с Россией.
- Масштабное развертывание систем ПРО рядом с Российскими границами на территориях стран НАТО.
- Гонка вооружений между Россией и США (что ведет к большим расходам и увеличению государственного долга США).
- Стремление США поучаствовать в как можно большем количестве военных конфликтов.

Пусть сейчас отношения с Западом у России и напряженные, зато связи с Востоком, а именно с Китаем, развиваются хорошо и стремительно.

Судя по тому, что за 60-летний период отстававший и бедный Восток сумел превратиться в один из мировых центров экономики, можно уверенно говорить, что скоро будет «переполюсовка Сил» на Земле.

Китай сегодня является наиболее надежным и существенным союзником для России. Это стремительно развивающаяся сверхдержава в плане технологий, связи, транспорта, робототехники, вооружения и энергетики. С каждым годом производство и новые технологии в Китае растут, появляются новые виды роботов, машин, смартфонов, автомобилей, которые изначально предназначались для внутреннего рынка, но затем вышли в массовое производство и ценятся потребителями со всего мира, куда эти товары поставляются. Как известно, у России ни с кем нет такого тесного сотрудничества и такой крепкой, устойчивой и разветвленной сети взаимодействия и сотрудничества: встречи глав правительств, совместные саммиты, комиссии, работающие по различным направлениям в сфере энергетики, экономики, торговли, гуманитарного сотрудничества и помощи, также есть различные рабочие группы и молодежные программы по обмену.

У России сейчас много торговых связей с Китаем и много совместных союзов (содружеств), которые только помогают укреплять их авторитет:

БРИКС – (2009): Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР;

ШОС – (2001): Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан.

Также есть и «Группа двадцати», в рамках которой Россия и КНР вместе отстаивают проведение реформы международной валютно-финансовой системы, чтобы сделать ее более справедливой.

Вполне возможно, что скоро дружеские отношения перерастут в нечто большее, и появятся военные союзы с Китаем и другими восточными странами, например с Северной Кореей.

В основе сегодняшнего сотрудничества с Китаем – международное право, центральная роль ООН, недопущение вмешательства во внутренние дела. Таким образом, Россия и Китай тесно взаимодействуют по ряду международных проблем, например, по вопросам Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана, Иранской и Корейской ядерных программ, ПРО.

«Поворот к Китаю» может позволить смягчить удар от внутренних потерь России от санкционной войны с США и западными странами, а также значительно улучшить ситуацию в сферах стратегической стабильности, ядерного нераспространения, освоения космоса, борьбы с терроризмом, климатических изменений.

Стороны предпринимают новые шаги для повышения уровня и расширения сфер российско-китайского сотрудничества:

1. Налаживается тесное взаимодействие в финансовой сфере, увеличение расчетов в национальных валютах России и Китая.
2. Не ослабляются усилия по увеличению объема двустороннего товарооборота.
3. Укрепляется российско-китайское энергетическое партнерство, усиливается сотрудничество в сфере поставок природного газа и нефти.
4. Повышается кооперация в высоких технологиях, науке и технике.
5. Реализуются проекты взаимовыгодной производственной кооперации в сферах медицины, транспорта, фармацевтики, металлургии.
6. Расширяется сотрудничество в области народного хозяйства.

Стороны едины в том, что в современном мире неуклонно усиливается взаимозависимость стран и народов, взаимопроникновение их экономик и культур в условиях обострения глобальной конкуренции и соперничества.

Также Россия с Китаем поддерживают усилия сирийского правительства и мирового сообщества по выполнению условий уничтожения химического оружия Сирии, решению гуманитарных проблем Сирии и сирийских беженцев по нормам международного гуманитарного права.

Китай и Россия углубляют взаимодействия в рамках Восточноазиатского саммита (ВАС), Регионального форума АСЕАН по безопасности и других многосторонних механизмов диалога и сотрудничества в регионе. Они наращивают усилия по укреплению роли ВАС как платформы для стратегического диалога лидеров государств региона.

Но как бы хорошо или плохо ни развивались отношения на политической арене, всегда должен быть баланс, соглашение сторон, взаимопонимание, общность интересов и направлений развития, а не поиск личной выгоды и затормаживания «стран третьего мира» в развитии.

Необходимо оказывать помощь друг другу, делиться опытом и достигать общих интересов вместе, тогда будет намного меньше войн, совместными усилиями можно будет искоренить терроризм, бороться с эпидемиями и вывести человечество на новую ступень развития, сделать ее намного безопаснее и комфортнее.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Andrew Rosenthal. Is Trump Obsessed With Putin and Russia? [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/07/20/opinion/campaign-stops/is-trump-obsessed-with-putin-and-russia.html>.
2. Oleg Matsnev. Trump Is 'Not My Bride,' Putin Says [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/09/05/world/europe/vladimir-putin-donald-trump.html>.

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник

Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений

Институт Дальнего Востока РАН

petrovsk4@gmail.com

О КООРДИНАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНР И РФ

УДК 327

Аннотация. Координация внешнеполитической и международной деятельности РФ и КНР, включая согласование позиций в различных международных форматах и институтах глобального управления, а также по конкретным вопросам глобальной политики и международных отношений, является важным компонентом российско-китайских отношений стратегического партнерства и всеобъемлющего стратегического взаимодействия. Различные сферы координации внешнеполитических и международных усилий могли бы быть обобщенно изложены в специальной публичной декларации, на основе которой мог бы быть подготовлен межведомственный документ, который перевел бы уже осуществляемые усилия по координации внешней политики и международной деятельности, носящие в основном ситуационный характер, в плоскость долгосрочного стратегического планирования.

Ключевые слова и фразы: Внешняя политика, международная деятельность, глобальное управление, координация и сотрудничество, стратегическое планирование.

Vladimir Petrovskiy, Ph.D. in Political Science, Chief Academic Researcher

Center of Russia-China Studies

Institute of Far Eastern Affairs, Russian Academy of Science

petrovsk4@gmail.com

ON COORDINATION OF FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL ACTIVITIES BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Abstract. Coordination of foreign policy and international activities between Russia and China, including mutual agreement on positions in various international formats and institutes of global governance, as well as on specific issues of global politics and international relations, is a key component of the Russian-Chinese strategic partnership and comprehensive strategic cooperation. The spheres of coordination of foreign policy and international activities, as mentioned above, are to be explicitly outlined in a public declaration. It, in turn, could serve as a basis for an inter-agency document, which would convert the ongoing foreign policy coordination efforts, which are mainly of a situational nature, into the long-term strategic planning mode.

Key words and phases: Foreign policy, international activities, Global Governance, coordination and cooperation, strategic planning.

Координация внешнеполитической и международной деятельности РФ и КНР, включая согласование позиций в различных международных форматах и институтах глобального управления, а также по конкретным вопросам глобальной политики и международных отношений, является важным компонентом российско-китайских отношений стратегического партнерства и всеобъемлющего стратегического взаимодействия.

В данном контексте особенно важна координация деятельности России и Китая в рамках ООН. Наиболее успешными примером такого рода координации является согласованная

позиция двух стран по вопросу о ситуации вокруг Корейского полуострова. Консолидированная позиция двух стран по этому вопросу была отражена в «Совместном заявлении Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова» от 4 июля 2017 г.

В этом документе стороны выдвинули совместную инициативу, основанную на предложенных китайской стороной идеях «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования.

В частности, стороны предложили КНДР в качестве добровольного политического решения объявить мораторий на испытания ядерных взрывных устройств и тестовые пуски баллистических ракет, а США и Республике Корея соответственно воздерживаться от проведения крупномасштабных совместных учений. Параллельно с этим противостоящие стороны могли бы приступить к переговорам и утвердить общие принципы взаимоотношений, включающих неприменение силы, отказ от агрессии, мирное сосуществование, намерение прилагать усилия по денуклеаризации Корейского полуострова в целях комплексного урегулирования всех проблем, включая ядерную.

Все вовлеченные стороны в рамках переговорного процесса были призваны в приемлемом для них формате продвигать формирование на полуострове и в Северо-Восточной Азии механизма мира и безопасности и в итоге нормализовать отношения между соответствующими государствами («Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова»).

В рамках продвижения данной инициативы проходят регулярные «стратегические консультации по Северо-Восточной Азии» на уровне профильных заместителей министров иностранных дел двух стран. Данный механизм координации можно считать «модельным» и распространять его на другие, нижеупомянутые сферы внешней политики и международной деятельности.

В частности, необходимы консультации сторон по вопросам координации внешнеполитической деятельности в рамках ООН, таким как выработка согласованной и развернутой позиции по вопросу о реформе ООН (включая реформу Совета безопасности ООН), реализацию Целей тысячелетия в области устойчивого развития, а также согласование позиций по конкретным внешнеполитическим проблемам, требующим участия ООН (кризис в Венесуэле, вопрос о сербско-косовском урегулировании на Балканах, и пр.).

Важной темой двусторонней координации продолжает оставаться вопрос о перспективах развития и реформирования Всемирной торговой организации (ВТО), особенно на фоне усилий администрации Д. Трампа принизить ее значение в мировой торговле как «устаревшей», вплоть до полного разрушения ВТО. В данном контексте возрастает роль координации усилий КНР и РФ по обсуждению вопросов реформирования ВТО в рамках «Большой двадцатки» (G20).

Непосредственно в рамках G20 стороны могут и должны осуществлять координацию по другим вопросам мировой экономики и мировой политики, включая перспективы роста мировой экономики, усиление позиций стран с развивающейся экономикой в институтах глобального экономического управления, и пр.

Координация усилий сторон в формате Восточноазиатского саммита (ВАС) могла бы сосредоточиться на вопросах торгово-экономической интеграции в АТР, а также на продвижении совместного российско-китайского предложения о создании новой системы региональной безопасности в АТР на основе внеблокового, сетевого подхода и инклюзивности.

Координация усилий России и Китая в рамках АТЭС могла бы быть направлена на укрепление потенциала организации по обсуждению широкого круга вопросов региональной

экономической интеграции, в противовес усилиям США ослабить и принизить значение АТЭС.

Сохраняет свою актуальность согласованная позиция сторон по продолжению реформы системы квот взносов и доли стран БРИКС в Совете директоров МФВ и Всемирного банка, особенно в условиях саботажа этой реформы со стороны США. Особое значение имеет координация внешнеполитических подходов России и Китая в работе таких региональных и транс-региональных организаций и платформ по диалогу, как формат «Россия-Индия-Китай» (РИК), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС.

В формате РИК Россия призвана играть роль медиатора по урегулированию спорных и конфликтных ситуаций в китайско-индийских отношениях. На КНР и РФ как основателях ШОС лежит особая ответственность за состояние и перспективы развития организации, особенно после присоединения к ШОС Индии и Пакистана. ШОС может сыграть конструктивную роль в нормализации индо-пакистанских отношений, а также предложить региональную альтернативу укреплению режима ядерного нераспространения, поскольку Индия и Пакистан были приняты в организацию в качестве «неофициальных» ядерных держав.

Также важно отметить, что будущее региональной безопасности в зоне ответственности ШОС будет определяться стратегическим балансом «распределения ролей» России и Китая в этой организации: РФ в рамках ШОС будет уделять преимущественное внимание вопросам безопасности, а КНР – вопросам экономического развития, торговли и взаимных инвестиций. Такая стратегическая взаимодополняемость укрепит потенциал и стабильное развитие ШОС на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

На России и Китае лежит особая ответственность по сохранению и укреплению диалогового формата БРИКС, особенно после того, как в 2019 г. страной-председателем БРИКС стала Бразилия. Ее новоизбранный президент Ж. Болсонару («китайский Трамп»), известен своей склонностью к праволиберальной политике и симпатиями к Дональду Трампу, что чревато потенциальной возможностью размывания или даже полного разрушения формата БРИКС.

В этой связи КНР и РФ могли бы предпринять дополнительные согласованные усилия по обеспечению преемственности повестки дня БРИКС на стратегическую перспективу, сформулированной в ходе китайского председательства в БРИКС в 2017 г. В любом случае в повестке саммита БРИКС-2019 следовало бы отразить возможности укрепления субъектности БРИКС в мировой экономике и политике. Экономическая составляющая этого процесса могла бы включать в себя следующее:

- продвижение дальнейшей реформы системы квот в МВФ для укрепления представительства стран с развивающейся экономикой, продвижение представителей БРИКС на ключевые руководящие посты в МВФ;
- продвижение включения валют стран БРИКС в корзину резервных валют МВФ;
- укрепление Пула валютных резервов и Нового банка развития БРИКС;
- усиление координации действий Центральных банков стран БРИКС;
- создание в рамках БРИКС механизма финансирования и содействия развитию для стран с менее развитой экономикой;
- создание независимого рейтингового агентства БРИКС
- создания энергетического агентства БРИКС (в группу входят как основные производители, так и основные потребители энергоресурсов).

Что касается политической составляющей укрепления субъектности БРИКС, то она могла бы включать в себя следующие будущие действия:

- создание постоянно действующего механизма внешнеполитических консультаций;
- создание постоянно действующего механизма консультаций по вопросам международной безопасности и борьбы с терроризмом
- подготовка и подписание Декларации БРИКС о мире и сотрудничестве и, на ее основе, всеобъемлющего Договора о дружбе и сотрудничестве БРИКС;

- усиление коллективной роли БРИКС в процессе реформы ООН (особенно после возможного включения в постоянные члены Совета безопасности ООН Бразилии, Индии и ЮАР).

Несмотря на неформальный характер решений, принимаемых на саммитах БРИКС, необходимо усиление координации в рамках группы БРИКС (независимо от того, будет ли она превращаться в международную организацию или нет). В этой связи предлагается создать следующие механизмы:

- межведомственные координационные советы БРИКС
- межправительственная комиссия БРИКС по экономическому и научно-техническому сотрудничеству на уровне вице-премьеров правительств стран-членов
- межрегиональный координационный совет региональных организаций в сфере безопасности, членами которых являются страны БРИКС
- профильные подкомиссии и рабочие группы по конкретным направлениям сотрудничества
- мозговой центр по разработке «консенсуса БРИКС».

Также весьма важна координация внешнеполитических подходов КНР и РФ по ряду конкретных международных проблем, таким как урегулирование в Косово. В центре внимания участников конференции в Приштине находился вопрос об урегулировании конфликтной ситуации между провозгласившей независимость в 2008 г. Косово и Сербией, которая считает Косово своим автономным районом. Этот вопрос приобретает актуальность в рамках переговоров руководителей Сербии и Косово под эгидой ЕС (Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини), намеченного на 17 октября с. г.

Конечная цель переговоров по реализации подписанных сторонами Брюссельского соглашения 2013 г. – нормализация отношений между Косово и Сербией в ключевых областях и признание Сербией Косово в качестве независимого государства. В этом случае двум государствам обещано скорейшее принятие в ЕС.

В настоящее время 120 из 193 стран-членов ООН признали Косово в качестве независимого государства. Если это сделает Сербия, то у всех остальных, включая Россию и Китай (которые отказываются признавать Косово, не желая поощрять сепаратизм и ссылаясь на резолюцию 1244 Совета безопасности ООН), также не останется иного выбора.

По мнению автора, российская и китайская дипломатия должны готовиться к возможному изменению позиции по Косово, чтобы не «потерять лицо». Так, в одном из недавних выступлений представителя КНР на ежеквартальном обзорном заседании Совбеза ООН по Косово, наряду с традиционной позицией по непризнанию, была подчеркнута необходимость содействовать национальному примирению в Косово, которое должно стать высшим приоритетом для сторон конфликта. Подобная нюансировка позиции является примером мудрого и долгосрочного подхода к данному вопросу.

В связи с обострением ситуацией вокруг Венесуэлы стороны могли бы проводить консультации по вопросам способов и методов сохранения экономических и политических позиций КНР и РФ в Венесуэле, независимо от возможного развития событий в этой стране.

Российская и китайская сторона могут обмениваться опытом по подготовке и проведению масштабных международных форумов и саммитов. В частности, российской стороне был бы китайский опыт по подготовке форума «Китай-Африка», поскольку Россия готовит аналогичное мероприятие в октябре 2019 г. в Сочи.

Для российской стороны был бы очень важен опыт Китая по организации Саммитов Пояса и Пути, которые становятся все более масштабными, значимыми и превращаются на наших глазах в новый институт глобального управления, основанный на принципах совместного планирования, совместного участия и совместного использования результатов. Официальная оценка перспектив участия России в ИПП была и остается достаточно высокой. Однако при этом дает о себе знать и сдержанный подход. Он может быть мотивирован не

столько недоверием к Китаю, сколько «политической», а не «экономической» логикой, согласно которой позиции и статус России и Китая должны быть равны во всем, включая участие в ИПП, а экономическая выгода от участия в ней является второстепенной.

Отсюда – тезис о том, что Россия должна не просто участвовать в реализации ИП вместе с другими странами, а предложить некий свой масштабный проект, который сочетается с ИПП, и пригласить Китай к участию в нем. С этим связана идея «сопряжения» ИПП и экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также проект Большого Евразийского партнерства (БЕП).

В настоящее время процесс сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП является наиболее важным содержательным компонентом процесса формирования БЕП, который, по сути, уже начался. Первый вектор – это заключение всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Второй вектор взаимодействия ЕАЭС и Китая – формирование «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов экономик ЕАЭС с Китаем. Главным источником дорожной карты станут средне- и долгосрочные планы экономического развития государств, участвующих в инициативе.

Вышеупомянутые сферы координации внешнеполитических и международных усилий могли бы быть обобщенно изложены в специальном публичном документе («Декларация о координации внешней политики и международной деятельности КНР и РФ»), на основе которого мог бы быть подготовлен межведомственный документ, который перевел бы уже осуществляемые усилия по координации внешней политики и международной деятельности, носящие в основном ситуационный характер, в плоскость долгосрочного стратегического планирования.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. «Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова». [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662.

Серенко Ирина Николаевна, канд. пед. наук, старший научный сотрудник
Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Институт востоковедения РАН
serenko9@mail.ru

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

УДК 327

Аннотация. В статье рассматривается тенденция регионализации внешней политики государств обширного Евразийского пространства на примере реализации Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), являющегося составной частью китайской мега инициативы «Один пояс - один путь» (ОПОП). Она получила поддержку Москвы благодаря ее сопряженности с российским интеграционным проектом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), предусматривающим в перспективе возможность создания большого партнерства в Евразии с участием Индии, Ирана, Китая, Пакистана и других стран этого континента. Китайско-пакистанское сотрудничество в рамках КПЭК с подключением к нему РФ может способствовать практической имплементации российской идеи более широкой континентальной регионализации. Реализация данного совместного китайско-пакистанского экономического проекта представляет определенный интерес для Российской Федерации в условиях динамично меняющегося миропорядка, усиления в последнее время экономического, политического и дипломатического давления США на эти три государства. Обострение их отношений с Вашингтонской администрацией президента Дональда Трампа способствует сближению внешнеполитических курсов России, Китая и Пакистана, расширению межгосударственного взаимодействия как в формате двустороннего или трехстороннего сотрудничества, так и на многосторонней основе на различных международных и региональных площадках, включая ШОС.

Ключевые слова и фразы: Китай, Пакистан, Россия, ЕАЭС, КПЭК, ОПОП, региональная интеграция, ШОС.

Irina Serenko, Cand. Sc. in Education, Senior Research Associate
Centre for the Study of the Near and Middle Eastern Countries
Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences
serenko9@mail.ru

CHINA-PAKISTAN ECONOMIC CORRIDOR AND RUSSIA INTERESTS

Abstract. The article examines the current trend of the foreign policy regionalization among the states on the vast territory of Eurasia with the view on the implementation of the China-Pakistan economic corridor, which is an integral part of the Chinese mega initiative "One belt - One road" (OBOR). It was supported by Moscow due to its convergence with the Russian integration project of the Eurasian Economic Union (EAEU), which provides opportunity for the creation of a more enhanced partnership in Eurasia thanks to the inclusion in it India, Iran, China, Pakistan and other countries of the continent. China-Pakistan cooperation in the framework of CPEC with the involvement of the Russian Federation may lead to the practical implementation of the Russian vision to attain more extensive continental regionalization. The implementation of this joint China-Pakistan economic project is of definite interest for the Russian Federation in the dynamically changing world order accompanied by the USA recent increase of economic, political and diplomatic pressure on these three countries. The deterioration of their relations with the President Do-

nald Trump`s administration in Washington promote more closer relations between Russia, China and Pakistan expanding their interstate cooperation both on bilateral or trilateral level, as well as on a multilateral basis within the framework of various international and regional platforms, including SCO.

Key words and phrases: *China, Pakistan, Russia, EAEU, CPEC, OBOR, regional integration, SCO.*

В современном мире наблюдается процесс смещения вектора политической и экономической активности в сторону динамично развивающейся Азии, обладающей огромным неиспользованным ранее в полной мере потенциалом человеческих и природных ресурсов. Не в последнюю очередь повышенный интерес в мире, в частности, к странам Южной и Центральной Азии объясняется начавшимися здесь процессами транспортно-энергетической интеграции государств, расположенных вдоль возрождаемого в настоящее время Великого Шелкового пути. Этой теме посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых [1; 2, с. 75-96; 4; 6, с. 245-254; 8, с. 77-101 и др.]. Однако в них не нашли отражения возможности трансформации региональной коммуникационной интеграции Азии в более широкую Евразийско-континентальную. Эта инициатива, следует напомнить, была предложена президентом РФ В.В. Путиным во время проведения Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ 2016). Он, в частности, призвал к созданию «большого Евразийского партнерства» с участием Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также стран СНГ, Китая, Индии, Пакистана, Ирана и других заинтересованных государств и объединений этого континента [3].

Подвижки в этом направлении можно проследить на примере начавшейся с 2015 г. реализации проекта Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), который является составной частью выдвинутой в 2013 г. Пекином мега инициативы «Один пояс - один путь» (ОПОП). Она нашла поддержку среди более 100 различных международных организаций и стран мира, включая Российскую Федерацию, т. к. продвигает новую модель международного экономического сотрудничества через формирование транспортной взаимосвязанности государств с выстраиванием взаимовыгодного межгосударственного взаимодействия всех задействованных в ней участников. Они рассматривают этот проект в качестве локомотива, продвигающего формирование новой континентальной транспортной конфигурации, способной преодолеть стагнацию и застой в экономическом развитии благодаря созданию совместными усилиями системы современных транспортных коридоров для интенсификации многоплановых межгосударственных связей.

Заинтересованность большинства государств в КПЭК, включая Россию, объясняется возможностью создания устойчивой транспортной системы, способной не только связать региональные государства Центральной и Южной Азии через Пакистан, открыть им доступ к менее затратным морским торговым путям через прямой выход к Индийскому океану, но и постепенно трансформировать ее расширение в Евразийско-континентальном векторе. Совместным китайско-пакистанским долгосрочным планом развития КПЭК (2017-2030 гг.), разработанным с учетом необходимости достижения всеобщих целей устойчивого развития, предусматривается осуществление интеграционных процессов не только в области транспорта, но и в энергетике (строительство 12 энергетических станций, включая объекты с использованием энергии ветра и солнца), в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, науке, туризме и других сферах гуманитарного сотрудничества. Модернизация глубоководного международного порта Гвадар, строительство на его территории крупного железнодорожного узла и современного международного аэропорта позволят обеспечить взаимосвязанность всех видов транспорта (наземного авто- и железнодорожного, морского и воздушного). Намечено создание в Пакистане 9 свободных экономических зон во всех 4 провинциях страны, а также на территориях Гилгит Балтистана и Азад Кашмира, в зоне племен, на столичной территории Исламабада и Карачинском металлургическом заводе [10]. В це-

лом к 2019 г. из 22 запланированных объектов КПЭК 9 уже введены в эксплуатацию. Среди сданных объектов в 2018 г. и первая подземная оптико-волоконная магистральная линия связи Хунджераб-Равалпинди общей протяженностью 820 км, которая заложила основу формирования транспортно-коммуникационной состыковки телекоммуникационной инфраструктуры Китая и Пакистана [11]. Остальные 13 объектов КПЭК находятся в стадии строительства [9]. Для его превращения из транзитного транспортного коридора в экономический предстоит сделать еще очень многое, судя по поставленным в долгосрочном плане развития КПЭК задачам.

Реализация данного совместного китайско-пакистанского экономического проекта представляет определенный интерес и для Российской Федерации, в первую очередь как возможность выхода на новые азиатские рынки поставок сжиженного природного газа и альтернативы европейскому газовому потоку. Полный запуск в эксплуатацию всех участков КПЭК и осуществляемая в его рамках индустриализация Пакистана потребует значительно увеличения затрат энергоресурсов, в которых страна испытывает постоянный дефицит. Подписание в октябре 2015 г. российско-пакистанского межправительственного соглашения о строительстве газопровода «Север-Юг» (мощностью 12,4 млрд м³/год газа и протяженностью 1,1 тыс км. от южных портов Карачи и Гвадара до Лахора на севере Пакистана), как представляется, позволит в определенной мере снять проблему энергоснабжения пакистанских потребителей. На его строительство российская сторона готова выделить 2,5 млрд долл. Об этом стало известно во время визита делегации «Газпрома» в Исламабад, где его руководством 6 февраля текущего года совместно с пакистанскими партнерами был подписан межотраслевой Меморандум о взаимопонимании в энергетической сфере по прокладке морского газопровода Иран – Пакистан для поставок российской стороной сжиженного природного газа (СПГ) с целью удовлетворения энергетических потребностей пакистанского государства. Российская сторона взяла на себя разработку технико-экономического обоснования этого магистрального газопровода (МГП) с перспективой его дальнейшей прокладки в индийском направлении. Строительство ирано-пакистанской части МГП планируется начать уже в 2019 г. Сдача его в эксплуатацию намечена на 2021-2023 гг. Из общей суммы значительных инвестиций, выделяемых Россией (14 млрд долл.), 10 млрд долл. планируется затратить на прокладку подводной газовой магистрали. Остальные средства из российских вложений в пакистанскую энергетику пойдут на строительство подземных хранилищ газа на территории порта Гвадар, являющегося центральным транспортно-энергетическим звеном в КПЭК [7]. Надо сказать, что выгодное для Пакистана расширение энергетического присутствия России не вызывает возражений со стороны Китая. Он в целом признает инклюзивность этого изначально двустороннего китайско-пакистанского проекта и его возможную трансформацию в тройственный формат, как, например, уже наметившаяся перспектива расширения КПЭК в афганском направлении с дальнейшим выходом на российские транспортные маршруты или недавние предложения инвестиционного подключения к нему Саудовской Аравии (свыше 20 млрд долл.), которая, безусловно, составит конкуренцию России на расширяющемся пакистанском энергетическом рынке [5; 12].

В целом, можно констатировать, что в условиях динамично меняющегося миропорядка, усиления в последнее время экономического, политического и дипломатического давления США на Россию, Китай и Пакистан, эта тройка государств-партнеров стремится выстраивать новый формат многопланового сотрудничества (торгово-экономического, военно-технического, гуманитарного и др.). Внешние геополитические факторы, повлекшие обострение их отношений с Вашингтонской администрацией президента Дональда Трампа, способствуют сближению внешнеполитических курсов Москвы, Поднебесной и Исламабада, расширению их межгосударственного взаимодействия как в формате двустороннего или трехстороннего сотрудничества, так и на многосторонней основе на различных международных и региональных площадках, включая ШОС, куда Пакистан был принят полноправным членом в 2017 г. при активной поддержке России и Китая. Думается, что их трехстороннее взаимовыгодное региональное взаимодействие при всех возможных внутренних и внешних

вызовах и рисках в конечном итоге все же позволит им выйти на макрорегиональное сотрудничество Евразийско-континентального масштаба.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ – КНР - Центральная Азия. – М.: ИВ РАН, 2018. – 162 с.
2. Воробьев А.В. Казахстан между российским и китайским интеграционными проектами // Центральная Азия. - 2018. – №1. – С. 75-96.
3. Путин призвал создать большое Евразийское партнерство [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/pmef-2016/article/3376295>(Дата обращения: 17.02.2019).
4. Семёнова Н.К. Российско-китайское взаимодействие в Центральной Азии: нефтегазовые аспекты. – М.: ИВ РАН, 2018. – 224 с.
5. Серенко И.Н. Китайско-пакистанский экономический коридор в афганском векторе межгосударственного взаимодействия // Восточная аналитика.- 2018. - №3. - С. 98-104.
6. Фёдорова И.Е. Китайско-пакистанский экономический коридор. Проблемы и перспективы //Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы. – М.: ИВ РАН, 2018. – С. 245-254.
7. Boost for cash-strapped Pakistan as Russia plan to invest \$ 14 billion in energy sector[Электронный ресурс] URL: <https://www.financialexpress.com/economy/boost-for-cash-strapped-pakistan-as-russia-plans-to-invest-14-billion-in-energy-sector/1480194/> (Дата обращения 18.02.2019).
8. Didier Chaudet. The Rise of China and Shift from Geostrategy to Geoeconomics: Impact on South Asia //Regional Dynamics and Strategic Concerns in South Asia. – С. 77-101.
9. Friends of Silk Road Initiative Launched [Электронный ресурс].URL: <https://www.dawn.com/news/1463867/friends-of-silk-road-initiative-launched> (Дата обращения 17.02.2019).
10. Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017-2030) [Электронный ресурс]. URL:<http://сpec.gov.pk/brain/public/uploads/documents/CPEC-LTP.pdf> (Дата обращения 17.02.2019).
11. Pakistan Economic Survey 2017-2018. Government of Pakistan, Finance Division, Economic Adviser's Wing. – Islamabad. – 2018. – С. 191-192.
12. 'Pakistan will be a very important country in coming future,' says Saudi crown prince[Электронный ресурс] URL: <https://www.dawn.com/news/1464413/pakistan-will-be-a-very-important-country-in-coming-future-says-saudi-crown-prince> (Дата обращения 17.02.2019).

Цинь Дун, аспирант

кафедра международных отношений

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

dongqin@mail.ru

АРКТИКА В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И КИТАЯ

УДК 327

***Аннотация.** В последние годы российско-китайское взаимодействие в Арктике достигло определенного прогресса, но есть и много проблем. Использование Северного морского пути имеет большое значение для энергетической безопасности и социально-экономического развития Китая. В данной статье рассматривается стратегическое партнёрство России и Китая в Арктике с точки зрения использования Северного морского пути и разработки энергетики.*

***Ключевые слова и фразы:** Арктика, Россия, Китай, Северный морской путь, разработка энергетики.*

Qin Dong, Ph.D student

Department of International Relations

Far Eastern Federal University (Vladivostok)

dongqin@mail.ru

THE ARCTIC IN INTERSTATE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA

***Abstract.** In recent years, the Russian-Chinese cooperation in the Arctic has made some progress, but there are also many problems. Using the Northern Sea Route is of great significance to the energy security and the Socio-Economic development of China. This article examines the strategic partnership of Russia and China in the Arctic from the point of view of the Northern Sea Route's use and energy development.*

***Key words and phrases:** the Arctic, Russia, China, the Northern Sea Route, energy development.*

В арктическом регионе находятся богатейшие запасы природных ресурсов: например, на газ приходится более 30% от доли всех разведанных в мире запасов и примерно 13% всех мировых запасов нефти, кроме того Арктика богата углём, золотом, железом, марганцем, медью, никелем и др. [6]. Китайская экономика всё ещё показывает высокие темпы роста, растущему производству Китая необходимы большие объёмы сырья, а Арктика может послужить важной ресурсной базой для китайского импорта, в особенности газа и нефти.

Сейчас международная торговля нефтью и газом главным образом проходит через Суэцкий канал, Ормузский и Малаккский проливы и Панамский канал. Северный морской путь сравнительно короткий и безопасный (ввиду отсутствия пиратства и неподконтрольности данного пути ВМС США и их союзникам).

В начале 2018 года Информбюро Госсовета Китая выпустило «Белую книгу по арктической политике КНР» [6]. В книге говорится о большом значении Арктики, которое она приобрела в связи с изменением климата, в разных областях: политике, экономике, науке, логистике и др. В документе прописано несколько вариантов участия КНР в освоении региона, как то: стимулирование предприятий Китая к инвестированию в строительство морской инфраструктуры, разработка минеральных и биоресурсов, запуск судоходства по маршрутам в Арктике. Кроме того, провозглашается принцип устойчивого природопользования.

В Белой книге отмечено, что построение «Ледового шелкового пути» – это часть инициативы «Один пояс и один путь» [6]. Помимо этого, в документе сформулированы четыре принципа китайского участия: стабильность, взаимная выгода, уважение и сотрудничество. Также подчеркнуто, что КНР, в соответствии с международным правом, уважает права арктических стран. Китай при этом выступает за управление путями Арктики в рамках «Конвенции ООН по морскому праву» и других международных договоров.

Посол РФ в Китае А. Денисов отмечает, что КНР заинтересована в сотрудничестве в Арктике, а выпуск Белой и Синей книг по Арктике это подтверждает. Денисов заявил: «Китайские партнёры сформулировали свою позицию и подход к развитию СМП, и это – положительное изменение, так как до этого тема толковалась по-разному, что приводило к недопониманию» [2].

С точки зрения эксплуатации морского транспорта, интенсивное таяние льдов Арктики в летний период повышает преимущество использования арктических вод. Эффективность внешней торговой деятельности КНР зависит от дальности маршрутов и времени транспортировки, а открытость Северного морского пути ускорит доставку грузов, приведёт к сокращению расходов, поспособствует диверсификации международных морских маршрутов и снизит риски.

Например, суда, направляющиеся из Ямала в Шанхай, по традиции идут через Суэцкий канал и Малаккский пролив 35 дней, через Арктику время прибытия сократится до 15 дней [4]. А. Денисов упомянул, что России будет затруднительно самостоятельно реализовать проект СМП [2]. Из-за экспансии блока НАТО и падения цен на нефть возможности КНР по участию в совместном с РФ освоении и разработке энергоресурсов в арктическом регионе возросли.

Кроме того, из-за кризиса в Украине российская ОАО «НОВАТЭК» подверглась санкциям, таким образом, привлечение иностранных инвестиций для её высокочрезвычайно затратного проекта по освоению шельфа Арктики «Ямал СПГ» оказалось затруднительным делом. Банки КНР предоставили кредиты на 12 млрд. долларов США в евро и юанях, заместив тем самым западное финансирование. Фонд Шёлкового пути проинвестировал проект на 1.4 млрд. долларов США, приобретя 9.9% его акций. Все эти меры возобновили проект «НОВАТЭКа». На данный момент проект имеет следующих акционеров: «НОВАТЭКУ» принадлежит 50.1% акций, французской Total SA – 20%, китайским China Natural Petroleum Corp. и Фонду Шёлкового пути - 20% и 9.9% соответственно [1].

Кроме денежной помощи, КНР оказал проекту технологическую поддержку, предоставив большой объём оборудования. Летом 2018 года «НОВАТЭК» отправил первые танкеры со сжиженным природным газом из порта Сабетт на Ямале в порт провинции Цзянсу – Жудун. Это самая первая поставка СПГ через СМП в Китай [3]. Проект «Ямал СПГ» - первый пример полноценного сотрудничества РФ и КНР в Арктике. Это поспособствует развитию энергетики РФ и севера страны в целом, а также увеличит объём поставок экологически чистой энергии в Китай, что ускорит оптимизацию энергетической структуры Китая.

Арктика имеет стратегическое значение для Европы и Северной Америки. В краткосрочной перспективе у Китая не будет возможности для решения проблемы безопасности путём проецирования своей военно-морской силы на данный регион. Однако с расширением интересов КНР необходимо будет позаботиться о военной угрозе в Арктике. На данный момент идут споры по Арктике, в частности, по вопросу владения природными ресурсами и господства над маршрутами. Ввиду запрета на военную деятельность в регионе, Россия и Китай не могут сотрудничать в области военной безопасности в данном регионе [7].

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. «Новатэк» продал 9,9% в «Ямал СПГ» китайскому Фонду Шелкового пути [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/03/15/633666-novatek-yamal> (Дата обращения: 28.03.2019)/

2. Russian ambassador to China: Russia will find it difficult to implement the Northern Sea Route project all by itself [Electronic resources]. URL: <https://arctic.ru/news/20181226/817591.html> (Дата обращения: 28.03.2019)/
3. How China could move closer to nuclear-powered aircraft carriers – with Russia’s help [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2152785/how-china-could-move-closer-nuclear-powered-aircraft> (дата обращения: 28.03.2019)/
4. 俄罗斯到中国的北极航线通航, 省了 20 天, 1.4 万公里 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qdaily.com/articles/55280.html> (Дата обращения: 27.03.2019)
5. 张婷婷, 陈晓晨. 中俄共建冰上丝绸之路支点研究 [Электронный ресурс]. URL: <https://new.qq.com/omn/20180406/20180406A0F3PS.html> (Дата обращения: 27.03.2019)
6. 李振福. 大北极趋势中的泛东北亚地缘格局 // 学术前沿. 2017. № 6. С. 24-35.
7. 孙凯, 王晨光. 国家利益视觉下的中俄北极合作 // 东北亚论坛. 2014. № 6. С. 26-34.

Шилина Мария Геннадьевна, кандидат PhD (статус ABD),
Факультет права, Департамент общих и межотраслевых юридических дисциплин,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
mary.shilina@gmail.com

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ШОС И БРИКС

УДК 341.1/8

Аннотация: В работе рассматриваются аспекты влияния активизировавшегося экономического сотрудничества Китая и России на развитие более тесного взаимодействия между международными объединениями развивающихся стран, участниками которых они являются. Проведенный анализ показал, что более тесная взаимосвязь между ШОС и БРИКС является оптимальной. В текущих геоэкономических процессах участие России и Китая в ШОС и БРИКС определяет необходимость частичного сопряжения данных объединений. Совместное рассмотрение, обсуждение и решение государствами объединений вопросов экономического развития приведет к большей результативности принимаемых ими решений и, в результате, к усилению влияния развитых стран в мировой экономике.

Ключевые слова и фразы: Китай, Россия, экономическое сотрудничество государств, ШОС, БРИКС, экономическая интеграция.

Maria Shilina, PhD Candidate (ABD status),
Faculty of Law, School of General and Interdisciplinary Legal Studies,
National Research University «Higher School of Economics»
mary.shilina@gmail.com

CHINESE-RUSSIAN PARTNERSHIP AS A DRIVER OF THE SCO AND THE BRICS RELATIONSHIP DEVELOPMENT

Abstract. The paper examines the impact of Chinese-Russian intensified economic cooperation on the developing countries international associations. The analysis showed that a closer relationship between the SCO and the BRICS is optimal. In the current geo-economic processes, the participation of Russia and China in the SCO and the BRICS determines the need for partial merging of these associations. Joint consideration, discussion and resolution of economic development issues will lead to a greater effectiveness of their decisions, and, as a result, will increase developed countries influence in the global economy.

Key words and phrases: China, Russia, economic state interaction, SCO, BRICS, economic integration.

Вопросы повышения экономического влияния развивающихся стран Евразии и их внеконтинентальных партнеров на мировую экономику в новых геополитических и геоэкономических реалиях активно исследуются и обсуждаются.

Сегодня экономическое развитие евразийских государств в значительной степени обусловливается наличием эффективных и взаимовыгодных отношений между наиболее крупными и влиятельными государствами континента. Такими государствами сегодня представляются именно Россия и Китай. В связи с этим возникает вопрос, способно ли укрепляющееся партнерство России и Китая играть роль главной движущей силы в процессе экономического развития и процветания государств континента?

В последние два десятилетия российско-китайские отношения находятся на этапе стремительного развития, приобретают особый характер всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. В 2019 г. отмечается 70-летие установления дипломатических отношений между странами. Происходящее построение эффективных двусторонних связей в экономической сфере приносит позитивные результаты как на двустороннем уровне, так и вносит вклад в поддержание глобальной экономической стабильности [4]. В частности, президентом России В.В. Путиным в ежегодном послании Федеральному собранию 21 февраля 2019 г. отношения между двумя странами были названы «важным стабилизирующим фактором в мировых делах». В свою очередь, МИД Китая сообщил, что высоко ценит данную позитивную оценку [7].

Помимо развития двустороннего формата межгосударственного сотрудничества, взаимодействие по экономическим вопросам как между Россией и Китаем, так и между другими странами Евразийского континента, все в большей степени осуществляется в многостороннем формате, на площадках международных объединений.

Наиболее значимыми объединениями государств для укрепления сотрудничества между развивающимися странами континента и их внеконтинентальными партнерами (включая Россию, и Китай) представляются ШОС и БРИКС. Данные международные структуры представляют собой новые [16, 19] модели межгосударственного многостороннего партнерства. Оптимальность и целесообразность координации деятельности ШОС и БРИКС обуславливается тем, что взгляды на построение многополярного мира и основные ценности обоих объединений совпадают, и их членский состав частично пересекается. Государства-члены ШОС и страны БРИКС составляют ядро развивающихся стран [18] и обладают гигантским потенциалом к развитию [8]. За счет их экономического роста во многом будет обеспечиваться будущее построение мирового экономического порядка (о чем, в частности, свидетельствует сама аббревиатура «BRICS» (англ. «кирпичи»). Совместное рассмотрение, обсуждение и решение государствами объединений вопросов экономического развития приведет к большей результативности принимаемых ими решений и, в результате, к усилению влияния развитых стран в мировой экономике.

Укрепляющееся российско-китайское партнерство в значительной степени влияет на усиление координации деятельности ШОС и БРИКС. О мощном импульсе к более тесному сотрудничеству государств БРИКС и ШОС свидетельствуют проводимые совместные Саммиты, которые являются важными внешнеполитическими мероприятиями. На проводимых встречах лидеров объединений возможно оптимально реализовать практическое взаимодействие в экономической сфере, сделать акцент на таких тенденциях, как рост новых не западных финансовых институтов и институтов развития. Многообещаючи, с данной точки зрения, предстоящие саммиты ШОС и БРИКС в 2020 г. в Челябинске [13].

Интенсификация работы над конкретными взаимовыгодными проектами России и Китая способна укрепить взаимодействие государств ШОС и БРИКС и способствовать развитию обеих структур. В частности, видится действенным включение в совместную повестку дня вопросов реализации китайской инициативы «Один Пояс, Один Путь» [11] и выдвинутой российской стороной концепции Большого Евразийского партнерства [17]. Скоординированное многостороннее сотрудничество государств ШОС с государствами БРИКС по реализации конкретных совместных проектов в рамках осуществления указанных концепций будет способствовать поиску взаимоприемлемых решений, согласованию национальных интересов, и в результате позволит сформулировать экономическую стратегию развития всего континента.

Отметим, что ШОС играет существенную роль в практической реализации проектов России и Китая. В частности, геополитическое и геоэкономическое расположение стран ШОС является стратегически важным для успешного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПП) (сухопутной части китайской инициативы). Тут важно подчеркнуть необходимость дальнейшего укрепления экономического компонента деятельности ШОС, который постепенно развивается. Одним из важных проявлений данного развития яв-

ляется, например, подписание Соглашения между правительствами стран-участниц о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок на саммите ШОС в 2014 г. (вступило в силу в 2017 г.) [8]. Можно сказать, что с принятием документа ШОС, в определенной степени, внесла существенный вклад в практическое строительство ЭПШП.

Выделим несколько ключевых направлений сотрудничества БРИКС и ШОС, которые являются особенно значимыми для интересов России.

Во-первых, особенно актуально взаимодействие ШОС и БРИКС в **валютно-финансовой сфере**, создание совместных финансовых институтов в целях финансирования совместных проектов. Необходимо объединить усилия для укрепления деятельности Нового банка развития БРИКС и развития Пула условных валютных резервов БРИКС. Новый банк развития БРИКС имеет три страны-участницы ШОС (Китай, Россия и Индия) и может оказать финансовую поддержку реализации инфраструктурных проектов ШОС, в которой финансовые инструменты финансирования совместных проектов не проработаны. Финансовое укрепление обоих объединений будет способствовать формированию современной многополярной мировой финансовой системы.

Сегодня финансирование Китаем проекта «Один Пояс, Один Путь» осуществляется с помощью специально созданного национального Фонда (выделены номинированные в иностранной валюте средства из международных резервов, а также активов Китайской инвестиционной корпорации, Экспортно-импортного банка Китая и Китайского банка развития) [3]. Кроме китайских финансовых структур, в финансировании проекта принимает участие Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в уставном капитале которого участвует более 40 государств, в том числе Россия [9]. Такой вариант финансирования оптимален для России, так как не предполагает дополнительной нагрузки на бюджет государства и позволяет претендовать на участие национальных валют в проекте.

Во-вторых, Россия и государства ШОС заинтересованы в инвестициях стран БРИКС в инфраструктурные проекты. В данной связи актуальна **инвестиционная кооперация в инфраструктурных проектах** [14]. В частности, оптимально сотрудничество БРИКС и ШОС в рамках проекта объединения ЭПШП с Транссибом и БАМом. Россия и Китай могут объединить оба проекта и, используя возможности государств ШОС, получить значительный положительный эффект. Реализация проекта строительства высокоскоростной магистрали Москва – Пекин позволит подключить к взаимодействию Казахстан [6].

Перспективны в указанной сфере также проекты строительства мультимодальных транспортно-логистических комплексов. Так, построенный в Челябинской области мультимодальный транспортно-логистический комплекс «Южноуральский» [15], нацеленный на обеспечение логистического коридора поставок товаров из Китая, призван способствовать наращиванию объемов перевозимых грузов и предполагается самым большим складом товаров из Китая и Казахстана (доставка грузов из КНР займет всего 10 дней, и составит всего 3 тыс. километров) [5]. Проект имеет огромный потенциал, а препятствием планового развития комплекса является лишь общемировая тенденция замедления экономического роста.

В-третьих, перспективны для развития государств обоих объединений **совместные проекты в агропромышленном комплексе (АПК)**, которые, в частности, могут касаться инвестиционных проектов по рынкам конкретных сельскохозяйственных товаров. Так, значимы китайские проекты по выращиванию овощей на территории России, а также увеличение поставок российского зерна в Китай. Важным импульсом для наращивания поставок сельскохозяйственной продукции из России в Китай стало подписание протоколов между странами о фитосанитарных требованиях к поставляемому из России зерну в декабре 2015 г.

В-четвертых, видится действенным развитие координации ШОС и БРИКС **в сфере энергетического сотрудничества**. В настоящее время энергетическое сотрудничество России и стран ШОС развивается на двусторонней основе. Вопросы энергетики в БРИКС также не находят общего решения. Эффективным может стать создание совместного Энергетического клуба стран БРИКС и ШОС как информационной и дискуссионной площадки для об-

суждения и координации энергетических стратегий. В рамках Клуба возможно координировать энергетическую политику, развивать сотрудничество в сфере освоения новых видов энергии и других сферах, обмениваться опытом. К заседаниям Клуба действительно привлекать также представителей бизнес-сообщества.

Отметим, что в ШОС уже формируется Энергетический клуб как специализированное учреждение, объединяющее производителей, потребителей и транзитеров энергоресурсов. Клуб ШОС является неправительственным совещательным органом, объединяющим представителей государственных и деловых кругов, а также информационно-аналитических, научно-исследовательских центров, действующих в сфере топливно-энергетического комплекса государств ШОС.

В-пятых, одним из проектов сотрудничества, отвечающим интересам большинства государств как БРИКС, так и ШОС (в том числе России) видится **проект «ГЛОНАСС»**. Проект в настоящее время разворачивается как в рамках БРИКС (в Бразилии стоят станции ГЛОНАСС), так и в странах ШОС. При этом весьма существенным становится переход стран от предоставления своей территории для размещения станций ГЛОНАСС к проектам по совместному созданию модулей навигационной системы (проект России с Бразилией и Индией). Развертывание таких проектов будет способствовать технологическому и инвестиционному продвижению России в составе БРИКС и ШОС.

Важно отметить, что в конце 2018 г. Китай завершил создание аналога GPS и ГЛОНАСС, который получил название BeiDou. Государственная комиссия по китайской навигационной спутниковой системе обратилась к госкорпорации «Роскосмос» с предложением об интеграции навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и BeiDou в единый комплекс, одновременно использующий сигналы обеих систем [3].

Такой масштабный российско-китайский проект по созданию международной глобальной системы высокоточной навигации на основе ГЛОНАСС и BeiDou значим для государств БРИКС и ШОС. Его создание предусматривает разработку, изготовление и размещение Россией и Китаем наземных измерительных станций на своих территориях и на территориях государств БРИКС, ШОС и других государств, желающих участвовать в проекте. Также рассматривается возможность создания единой системы мониторинга глобальных навигационных спутниковых систем (ГНСС) на пространстве ШОС [10]. В частности, Китай предлагает в реальном времени обмениваться данными о состоянии группировок навигационных спутников, их работоспособности, качестве сигналов, передавать друг другу корректирующие поправки.

Реализация проекта России и Китая позволяет расширить использование глобальных и региональных навигационных спутниковых систем, а также открывает перед Россией перспективы обширного развития своих инновационных отраслей, создает для них огромный рынок сбыта.

Можно заключить, что России, с точки зрения национальных интересов, крайне актуально способствовать усилению взаимодействия БРИКС и ШОС. Такая интеграция основывается на взаимных интересах государств обоих объединений, отвечает интересам России, облегчает преодоление кризиса в отечественной экономике, а также влечет повышение роли государства в мировой экономике. Укрепляя экономические связи между БРИКС и ШОС, Россия получает потенциальные рынки вместо тех, которые оказались для нее в настоящее время закрытыми.

Проведенный анализ показал, что более тесная взаимосвязь между ШОС и БРИКС является оптимальной. Еще есть ряд вызовов, которые предстоит решить как ШОС, так и БРИКС: медленное развитие мировой экономики, пессимистические оценки относительно эффективности сотрудничества по направлению Юг-Юг. Тем не менее, совместные усилия России и Китая будут способствовать эффективному экономическому развитию и интеграции евразийских развивающихся стран и их внеконтинентальных партнеров. В результате может быть построен новый тип геоэкономического партнерства. Скоординированная деятельность ШОС и БРИКС, основанная, в первую очередь, на равноправном и взаимовыгод-

ном партнерстве России и Китая, в перспективе, вероятно, приведет к построению нового многополярного мирового экономического порядка.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. В Пекине начал работу Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/16/624237-v-pekine> (Дата обращения: 25.02.2019).
2. Китай. Финансы, банки - Обзор СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://polpred.com/news/?cnt=77§or=11&page=3> (Дата обращения: 25.02.2019).
3. Китай завершил создание аналога GPS и ГЛОНАСС <https://stimul.online/news/kитай-zavershil-sozdanie-analoga-gps-i-glonass/> [Электронный ресурс]. URL: (Дата обращения: 27.02.2019).
4. Лавров: тандем Москвы и Пекина стал важнейшим стабилизирующим фактором для всего мира. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/5097963> (Дата обращения: 25.02.2019).
5. Логистический комплекс «Южноуральский» и опасения зависимости от Китая. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2233550.html> (Дата обращения: 25.02.2019).
6. Минтранс: проект ВСМ Пекин - Москва - Европа будет реализован к 2035 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4431364> (Дата обращения: 25.02.2019).
7. Послание президента России Федеральному Собранию. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/poslanie-prezidenta-rossii-federalnomu-sobraniyu/> (Дата обращения: 25.02.2019).
8. Потенциал большого партнерства. Интересы стран ШОС сопрягаются с инициативой "Один пояс и один путь" // Российская газета - Спецвыпуск №7582 (119) . [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/06/03/interesy-stran-shos-sopriagaiutsia-s-iniciativoj-odin-poias-i-odin-put.html> (Дата обращения: 25.02.2019).
9. Пять лет инициативе «Один пояс, один путь». [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0807/c95181-9488532.html> (Дата обращения: 25.02.2019).
10. Россия и Китай разработали проект системы навигации для стран ШОС <https://ria.ru/20151215/1342482477.html> [Электронный ресурс]. URL: (Дата обращения: 27.02.2019).
11. Россия и Шелковый путь [Электронный ресурс]. URL: http://vch.ru/event/view.html?alias=rossiya_i_schelkovyi_put (Дата обращения: 25.02.2019).
12. СМИ: БРИКС и ШОС способствуют укреплению сотрудничества развивающихся стран. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2112624> (Дата обращения: 25.02.2019).
13. Состоялось заседание Оргкомитета по подготовке саммитов ШОС и БРИКС в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/5c1111506272697aca170000> (Дата обращения: 25.02.2019).
14. Ткаченко И.Ю. Сопряжение проектов БРИКС и ШОС: российские интересы. [Электронный ресурс]. URL: <http://grazit.ru/sopryajenie-proektov-briks-i-shos-rossijskie-interesi.html> (Дата обращения: 25.02.2019).
15. ТЛК «Южноуральский»: «контейнерный челнок» и ожидания от КНР. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2312574.html> (Дата обращения: 25.02.2019).
16. EDB: BRICS+ may become a new format for global economic integration. [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/en/press/news/edb-brics-may-become-a-new-format-for-global-economic-integration/> (Дата обращения: 25.02.2019).

17. Karaganov S. (2016). From East to West, or Greater Eurasia. [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/pubcol/From-East-to-West-or-Greater-Eurasia-18440> (Дата обращения: 25.02.2019).
18. Lisovolik Y. (2018) Imago Mundi: soglasovannye dejstviya kontinentov v napravlenii «YUg – YUg». [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/soglasovannye-deystviya-kontinentov/> (Дата обращения: 25.02.2019).
19. Lukin A. (2015). Shanghai Cooperation Organization: Looking for a New Role. Valdai International Discussion Club. [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Shanghai-Cooperation-Organization-Looking-for-a-New-Role-17576> (Дата обращения: 25.02.2019).

Шпренгель Мечислав, доктор наук, профессор
Департамент права и администрации,
Университет Адама Мицкевича (г. Познань, Польша)
sprengel@interia.pl

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С АВСТРАЛИЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИЕЙ

УДК 327

Аннотация. Статья посвящена истории и современным экономическим отношениям между Китаем, Австралией и Восточной Азией. Австралия была одной из первых стран, которые открылись для Китая и в 1972 году установили с ним дипломатические отношения. Путь к более полному сотрудничеству не был немедленным. Первым из этих элементов были экономические проблемы, то есть взаимная торговля и высокий спрос со стороны Китая на австралийское сырье. Постепенно и другие сферы стали функционировать во взаимоотношениях. Торговля услугами, прямые китайские инвестиции в Австралию и австралийские инвестиции в Китай, а также туризм и образование студентов из Китая в Австралии – это лишь некоторые примеры более тесного сотрудничества в экономической сфере. Наконец, подписание после 10 лет переговоров о ЗСТ Китая с Австралией увенчалось взаимным доверием. 17 июня 2015 года австралийский министр Эндрю Робб и китайский министр Гао Хученг подписали документ о ЗСТ, который вступил в силу 20 декабря 2015 года. Для Китая и Австралии также важно сотрудничество в регионе, в частности, по экономическим причинам. Что касается стабилизации на местах, то в мире важное значение имеют отношения Китая с Восточной Азией.

Ключевые слова и фазы: Китай, Австралия, Тихоокеанский регион.

Mieczysław Sprengel, Prof. UAM dr hab,
Department of Law and Administration,
University Adam Mickiewicz Poznań
sprengel@interia.pl

CHINA'S ECONOMIC RELATIONS WITH AUSTRALIA AND THE EAST ASIA

Abstract. The article focuses on the history and current economic relations between China and Australia and East Asia. Australia was one of the first countries to open to China and establish diplomatic relations in 1972. The road to more complete cooperation was not immediate. The first of these elements were economic issues, ie mutual trade and high demand from China for Australian raw materials. Gradually and other areas began to function in mutual relations. Trade in services, Chinese direct investment in Australia and Australian investments in China, as well as tourism and education of students from China in Australia are just some examples of closer cooperation in the economic field. Finally, signing after 10 years of China's FTA negotiations with Australia crowned mutual trust. On 17 June 2015, Australian Minister Andrew Robb and China minister Gao Hucheng signed the FTA document, which entered into force on December 20, 2015. For China and Australia, cooperation in the region is also important, for special attention for economic reasons as well as for stabilization in the field peace is played by China's relations with East Asia.

Key words and phrases: China, Australia, Pacific Region.

Дипломатические отношения между Китаем и Австралией были установлены в 1972 году. С тех пор экономические отношения между этими странами постепенно развивались.

Эти двусторонние отношения наконец достигли высокого уровня. Отношения Китая с Австралией также стали очень важными в контексте стран Тихоокеанского региона. В настоящее время Китай является растущей и важной силой в экономическом пространстве мира. Австралия, с другой стороны, для Китая является окном в другие тихоокеанские страны. Для Австралии Китай в настоящее время является крупнейшим рынком, а для Китая Австралия является важным поставщиком энергоресурсов [13]. За прошедший 47-летний период после оформления дипломатических отношений между Китаем и Австралией они стали более взаимозависимыми и взаимовыгодными. Китайско-австралийские отношения обещают быть очень многообещающими в будущем. В следующей части будут рассмотрены экономические отношения между этими партнерами, а также проведен более глубокий анализ характера этих отношений также в контексте тихоокеанского региона.

С 1972 года отношения между Китайской Народной Республикой и Австралией быстро развиваются. Экономические отношения между этими странами охватывают три основных аспекта: двусторонняя торговля, взаимные инвестиции и другие сферы экономического сотрудничества. Двусторонняя торговля между Китаем и Австралией быстро развивалась с 1972 года. Тогда товарооборот между двумя странами составлял всего 86 миллионов долларов США. Десять лет спустя, в 1982 году, объем торговли уже превысил 1 миллиард долларов США и был уже в 13 раз больше. В следующем десятилетии, с 1982 по 1992 год, эта сумма удвоилась и составила более двух миллиардов долларов США. В начале XXI века в сфере двусторонней торговли произошел большой экономический скачок вперед. В 2002 году товарооборот превысил 10 миллиардов долларов США, а в 2010 году он достиг почти 100 миллиардов австралийских долларов, что почти в 40 раз больше, чем в 1992 году, и в 80 раз больше, чем в 1982 году. В 2010 году Китай стал основным и первым торговым партнером, а Австралия для Китая оказалась на 17-м месте по объему торговли [13].

В этой таблице представлены изменения в торговле товарами между Китаем и Австралией.

Таблица 1. Торговля товарами между Китаем и Австралией с 1972 по 2010 годы (в млн. долларов США)

Год	Экспорт	Импорт	Суммарно
1972	46,97	39,46	86,43
1982	206,47	915,49	1121,96
1992	660,81	1671,16	2331,98
2002	4585,59	5850,24	10435,84
2010	27230,00	60870,00	88090,00

Источники: Editorial Board of the Yearbook of China's Foreign Economic Relations and Trade (1985-2004), Yearbook of China's Foreign Economic Relations and Trade (1984-2003); Editorial Board of China's Commerce Yearbook (2005-2011), China's Commerce Yearbook (2004-2010); ABS catalogue 536.0.55.004.

В первом десятилетии 21-го века соотношение в торговле услугами между Китаем и Австралией также резко возросло. В 2000 году объем взаимной торговли услугами составил

898 миллионов долларов США, при этом китайский экспорт в Австралию составил 436 миллионов долларов США. В принципе, торговые суммы были равны. Но с 2001 года китайский импорт из Австралии превысил китайский экспорт в Австралию. В 2010 году общая стоимость услуг достигла 7 миллиардов долларов США. Следующая таблица № 2 показывает китайско-австралийскую двустороннюю торговлю в 2000-2010 гг [13].

Таблица 2. Торговля услугами между Китаем и Австралией

Год	Экспорт	Импорт	Суммарно
2000	436	462	898
2005	920	2313	3234
2010	1575	5537	7112

Источники: United Nations Service Trade Statistics Database, <unstats.un.org/unsd/servicetrade>; Department of Foreign Affairs and Trade (2010), Australia Trade with East Asia 2010, www.dfat.gov.au/publications/stats-pubs/Australia-trade-with-East-Asia-2010.pdf>.

Китай и Австралия стали значительными экономическими партнерами благодаря росту взаимных инвестиций. Австралия начала инвестировать в Китай с 1979 года, и тогда она была одной из первых стран, которая сделала такой возврат. В период с 2000 по 2010 год Австралия ежегодно инвестировала в Китай от 0,3 млрд до 1 млрд долларов США.

В то же время австралийские инвестиции составляли от 0,41 до 1,09% всех инвестиций в Китае. В период с 1979 по 2010 год, представляющий три десятилетия открытия и реформ в Китае, иностранные инвестиции в Китай увеличились до 1 100 миллиардов долларов США. Доля Австралии в общем объеме составила 0,59% и составила эквивалент 6 миллиардов 536 миллионов. Австралийские инвестиции в Китае в основном касались архитектуры, транспорта, систем посадки самолетов, управления автомобильными системами, медицинского оборудования, информационных технологий, телекоммуникаций, права, финансов и страхования. Китайские инвестиции в Австралии резко возросли в конце 2010 года.

Количество прямых инвестиций китайских предприятий в Австралии было близко к 8 миллиардам долларов США и включало транспорт, авиацию, финансы, железную руду, сельское хозяйство, переработку продуктов, недвижимость и общественное питание [13]. Следующая таблица показывает прямые китайские инвестиции в Австралию с 2003 по 2010 год.

Таблица 3. Прямые инвестиции Китая в Австралию с 2003 по 2010 гг.

Год	Ценность китайских инвестиций в Австралии	Общая стоимость китайских иностранных инвестиций	Процент китайских иностранных инвестиций
2003	0.30	28.54	1.05
2005	1.93	122.61	1.57

2008	18.92	559.07	3.38
2010	17.01	688.10	2.47

Источники: Editorial Board of China's Commerce Yearbook (2004-2011), China's Commerce Yearbook (2004-2010).

Согласно данным таблицы 3, в период с 2003 по 2010 год совокупный объем инвестиций Китая в Австралию в нефинансовый сектор составляет около 7 миллиардов, что составляет 2,84% от общего объема иностранных инвестиций Китая. В то же время такие же инвестиции составляют 245 миллиардов долларов США для Китая в других странах. В то же время мы отмечаем быстрый рост китайских инвестиций в Австралии с 2003 года. Несмотря на это, с другой стороны, статистика показывает нестабильность китайских инвестиций в Австралии. Большая часть китайских инвестиций направлена на добычу полезных ископаемых, промышленность и значительное количество крупных проектов. Одним из значительных проектов был проект Китайской национальной оффшорной корпорации на многие доллары, посвященный добыче природного газа и программе железной руды, финансируемой Baostell Co. LTD и корпорация Shougang. Очевидно, что инвестиции Китая способствовали улучшению австралийской инфраструктуры и занятости [13].

В свою очередь, области экономического и технологического сотрудничества между Китаем и Австралией касаются технологического сотрудничества, содействия развитию энергетики и туризма. Аспект технологического сотрудничества был важен в китайско-австралийских отношениях. С тех пор как в октябре 1981 года Китай и Австралия подписали Соглашение о техническом сотрудничестве в целях развития, помощь Австралии Китаю была сосредоточена на эффективности. Китайско-австралийское экономическое сотрудничество расширилось и включает сельское хозяйство, лесное хозяйство, энергетику, горнодобывающую промышленность, транспорт, текстиль, строительные материалы, образование и развитие в области городского планирования. В то время Австралия была самой важной страной, которая предложила помощь развитию Китая. В последние годы официальная помощь правительства Австралии для Китая составляет около 55 миллионов долларов США в год. К 2010 году 71 австралийская программа была завершена. В течение первого десятилетия 21-го века были важны три ключевые области: разработка проектов, связанные с работой услуги и консультации по проектированию [13].

В настоящее время основные направления двусторонней помощи и поддержки касаются экономико-технической сферы: услуги в промышленности, защита окружающей среды и развитие в честь чистой энергии. Китайско-австралийские связи, описанные выше, предполагают, что обе стороны имеют взаимное сотрудничество и низкую конкуренцию из-за различий в их природных источниках и уровне развития. Из-за структуры торговли товарами товары, экспортируемые из Австралии в Китай, поступают из легкой промышленности, товары с большой рабочей нагрузкой и товары, полученные из ресурсов. Напротив, наиболее важными товарами, экспортируемыми из Китая в Австралию в 2010 году, являются: механические и электрические изделия, текстиль, мебель и игрушки, стоимость которых составила 24 миллиарда долларов США.

Таблица 4. Экономическое сотрудничество Китая с Австралией с 2001 по 2010 годы в отдельные годы (10 000 долларов США).

Год	Контрактные проекты	Трудовая служба	Услуги дизайнера	Всего
2001	2326	28	9	2363
2003	1726	49	4	1779
2005	1738	277	15	2030
2007	20046	351	179	20576
2009	112396	2116	NA*	114512
2010	93323	709	NA	94032

Источники: National Bureau of Statistics of people, s Republic of China (2002-2011), China Statistics Yearbook 2001-2010.

Австралия богата энергетическими и минеральными ресурсами и относительно ближе к Китаю, чем другие страны, транспортировка в Китай длится всего 9 дней. В результате Китай сильно зависит от Австралии. Для Австралии Китай теперь является импортером номер один в железной руде, номер 2 в других металлических рудах, отличных от медной и алюминиевой руды, номер 3 в медной руде, нефти и никеле. У Китая долгое время есть торговый дефицит для Австралии. Кроме того, Китай импортирует. Помимо того, что Китай импортирует гораздо больше сырья из Австралии, чем Австралия импортирует китайские товары, еще одним важным фактором является разница между применяемыми в обеих странах статистическими методами в отношении импорта и экспорта. Китайские офисы используют CIF (стоимость, страхование и фрахт), а Австралия использует FOB (бесплатно на борту) только для судов. Хотя китайско-австралийские экономические отношения развивались быстро, барьеры для более тесного сотрудничества были важной проблемой и проблемой, например, с 2005 года ведутся переговоры по Соглашению о свободной торговле (АСФТА). Ключевыми моментами на переговорах и потенциальной прорывной областью стали проблемы, связанные с сельским хозяйством и сельскохозяйственной продукцией. Самым большим барьером для Китая в экспорте сельскохозяйственной продукции в Австралию являются не тарифы, а строгие правила австралийской таможни, касающиеся проверки животных и растений. Кроме того, следует отметить, что Австралия обладает рядом преимуществ, связанных с сельским хозяйством (много земли на душу населения, намного больше, чем в Китае). Кроме того, более высокий прогресс в механизации сельского хозяйства, поэтому производительность труда на душу населения в Австралии выше, чем в Китае [13].

Чтобы уменьшить большую разницу в развитии между городской и сельской местностью, и поддерживать стабильный доход фермеров, правительство Китая использует многочисленные сельскохозяйственные субсидии. Большое количество свободно продаваемых товаров имеет явно положительное значение в торговле с Китаем. Для Австралии Китай является основным экспортным рынком для таких продуктов, как шерсть, хлопок, животные жиры и овечьи шкуры. Если в будущем китайцы уберут ограничение с границ, большое количество австралийской сельскохозяйственной продукции пойдет в Китай и, несомненно, ударит по сельскохозяйственному производству в Китае.

Важным и современным аспектом являются туристические услуги, которые доминировали в отношениях Китая с Австралией. Австралийский экспорт туристических услуг в Китай в 2016 году составил 10,1 млрд долларов США и увеличивался в среднем на 11,9% в год за последние десять лет. В течение этого периода число краткосрочных въездов туристов из Китая увеличилось с 304 400 до 1 203 300 в 2016 году. Китай стал вторым после жителей Новой Зеландии, которые посещают Австралию в краткосрочной перспективе. Экспорт австралийских туристических услуг в Китай в 2016 году. Он включал в себя услуги по организации деловых поездок на сумму 622 млн. Долл. США, туризм, связанный с образованием, на сумму 6,1 млрд. Долл. США и другие персональные туристические услуги (в основном поездки на отдых) на сумму 3,4 млрд. Долларов США [3].

Туристические услуги, связанные с образованием, являются наиболее важным экспортом австралийских услуг в Китай и составляют 53,8% от общего объема экспорта услуг в 2016 году. Китай является крупнейшим рынком для этих услуг в Австралии. Тем не менее, рост экспорта не был последовательным в течение этого периода. Сильный рост туристических услуг, связанных с туризмом, произошел в период между 2006 и 2010 годами - с 2,3 млрд. долларов США до 4,0 млрд. долларов США в 2010 году. Затем количество студентов в 2010-2013 годах сократилось с 123 234 до 110 700 человек [1]. Это стало результатом ряда проблем, в том числе обеспокоенности по поводу качества некоторых учреждений профессионального образования в Австралии, изменений в критериях получения студенческой визы, высоких курсов обмена в Австралии (за счет более дорогого образования в Австралии) и опасений по поводу личной безопасности иностранных студентов в Австралии. Туристические услуги, связанные с образованием, быстро увеличились с 4,1 млрд. долларов США до 6,1 млрд. долларов США в 2016 году с 2013 года. Большинство опасений, которые привели к падению, были устранены. Число студентов за тот же период значительно увеличилось с 110 700 до 157 000. Большинство китайских студентов поступают в высшие учебные заведения с 57,5%, а затем на интенсивные курсы английского языка для иностранных студентов (ELICOS). Студенческие визы показывают, что рост числа китайских студентов, обучающихся в Австралии, будет продолжать расти в ближайшее время [4].

Еще одним важным вопросом в рамках сотрудничества между Китаем и Австралией является сотрудничество Среднего Востока со странами Восточной Азии. Для Китая стратегическое положение и ключевые морские пути очень важны в восточноазиатском регионе. Восточная Азия - это культурная, политическая, религиозная и экономическая встреча Запада с Востоком. Этот регион стал самым динамичным в мире за последние несколько десятилетий. Многие страны региона пережили огромный экономический рост. Таким образом, следующие страны имеют дело с этим процессом: Япония 1960-х годов, затем Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур, Таиланд и Малайзия. В последние десятилетия это касается и Китая, Вьетнама, Индонезии и других. После финансового кризиса 1997 года и экономического спада в конце первого десятилетия XXI века восточноазиатский регион относительно быстро вернулся в хорошее экономическое состояние. Кроме того, структура региональной промышленности претерпевает изменения и адаптацию к модели разделения труда. Долгое время Китай считал себя региональной уникальной силой, теперь китайские власти видят себя и другие страны, рассматривая национальную стратегию как стратегию сотрудничества, а не враждебности. Таким образом, поддерживая хорошие отношения с соседями и окружающим регионом, Восточная Азия сейчас является очень важным местом в стратегических решениях Пекина. Таким образом, геополитика государств меняется. Подчеркивается сотрудничество со странами ASEAN и богатыми ресурсами странами. Для улучшения отношений с наиболее важными для Китая силами важны такие партнеры, как Япония, Индия, Россия и Австралия [11]. Китай подписал следующие документы: ASEAN's Treaty of Amity and Co-operation, Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea, stworzenie Shanghai Co-operation Organisation, Joint Declaration of ASEAN and China on Co-operation, а также развитие сотрудничества в регионе Великого Меконга. Создание ASEAN plus China и несколько двусторонних соглашений, включая переговоры о свободной торговле с Австралией. В резуль-

тате медленных переговоров в рамках глобальной торговли WTO и растущего протекционизма и политики Дональда Трампа - Восточная Азия становится все более и более важной для поддержания экономического роста Китая, что важно для вывода региона из рецессии, и сделать это быстрее, чем остальной мир. Поэтому можно предположить, что региональное соседское сотрудничество является хорошим опытом для Китая, который стремится стать полноправным экономическим лидером в мире в короткие сроки [8].

Еще одна необходимость и ценность сотрудничества Китая с Восточной Азией заключается в необходимости диверсификации рынков. Это особенно важно для китайских производителей, ориентированных на экспорт, когда рынки Северной Америки и Европы сокращаются, а государства стремятся к протекционизму. Сегодняшняя стратегия для Китая заключается в укреплении экономических связей с соседями и экономической экспансии на новые рынки в Африке и Латинской Америке. Региональное сотрудничество все еще находится на стадии проектирования, и Китай предпринимает здесь важные шаги для создания архитектуры сотрудничества.

Вывод

За 47 лет сотрудничества между Китаем и Австралией создались тесные взаимоотношения, особенно в экономической сфере, от которых обе страны имеют большие выгоды. С одной стороны, большой австралийский экспорт в Китай оказывает влияние на ВВП и занятость в Китае, а с другой стороны, австралийское сырье и источники энергии вызывают быстрое развитие Китая. Кроме того, китайско-австралийские отношения дали значительные результаты:

1) была создана основа для взаимоотношений, в результате чего Китай в значительной степени зависит от поставок сырья из Австралии, что приводит к устойчивому росту ВВП и быстрому экономическому развитию и росту занятости;

2) отношения Китая с Австралией не ограничиваются только экономическими факторами, но Китай считает, что Австралия является средней силой в регионе и элементом, стабилизирующим мир вместе с позитивным альянсом с США.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. ABS catalogue 3401.0.
2. ABS catalogue 536.0.55.004.
3. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade, Australias, Trade in services with China, <https://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/australias-trade-in-services-with-china.pdf>, p.2, (дата доступа: 29.03.2019).
4. Department of Immigration and Border Protection - Student visa and Temporary Graduate visa programme bi-annual report ending at 30 June.
5. Editorial Board of the Yearbook of China's Foreign Economic Relations and Trade (1985-2004), Yearbook of China's Foreign Economic Relations and Trade (1984-2003).
6. Editorial Board of China's Commerce Yearbook (2004-2011), China's Commerce Yearbook (2004-2010).
7. Editorial Board of China's Commerce Yearbook (2005-2011), China's Commerce Yearbook (2004-2010).
8. Feng Han, East Asian regional co-operation and sino-australian relations, [in:] J. Reilly, J. Yuan, Australia and China at 40, Sydney 2012.
9. Ministry of Commerce People,s Republic of China, China-Australia trade and economic co-operation: work in the same boat to strive for a bright future, <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/lanmubb/ChinaEU/201704/20170402560897.shtml>, (дата доступа: 29.03.2019].
10. National Bureau of Statistics of people,s Republic of China (2002-2011), China Statistics Yearbook 2001-2010.

11. Pietrasiak M., Nowe kierunki współpracy politycznej państw ASEAN, [in:] Chiny i Japonia – dylematy mocarstw w Azji Wschodniej, Łódź 2009.
12. United Nations Service Trade Statistics Database, <unstates.un.org/unsd/servicetrade>; Department of Foreign Affairs and Trade (2010), Australia Trade with East Asia 2010, www.dfat.gov.au/publications/stats-pubs/Australia-trade-with-East-Asia-2010.pdf, (дата доступа: 29.03.2019).
13. Yu Chang Sen, Sino-Australian economic relations: a general review, [in:] J. Reilly, J. Yuan, Australia and China at 40, Sydney 2012.

Ягницын Иван Петрович, студент магистратуры

Кафедра востоковедения

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ugnivan1994@yandex.ru

ПРАВОВАЯ БАЗА СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ШОС

УДК 327.7

***Аннотация.** Данная статья является анализом проблем регламентации отношений в сфере безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Рассмотрены основные документы, изданные данной международной организацией. Делается вывод об имеющихся проблемах правовой базы в сфере безопасности.*

***Ключевые слова и фразы:** ШОС, региональная безопасность, Китай, Россия.*

Ivan Iagnitcyn, Graduate student

Department of Oriental Studies

National Research Tomsk State University

ugnivan1994@yandex.ru

LEGAL FRAMEWORK OF SECURITY COOPERATION IN THE SCO

***Abstract.** The article analyzes the problems of regulation of relations in the field of security in the Shanghai cooperation organization. The main documents adopted by this international organization are reviewed. The article also highlights the actual problems of the legal base in the field of security.*

***Key words and phrases:** the SCO, regional security, China, Russia.*

Шанхайская организация сотрудничества в своём нынешнем виде сформировалась в 2001 году с изданием Декларации о создании ШОС, принятием Устава и Хартии. Не секрет, что одной из главных целей организации с самого начала были т.н. совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности [1].

Главный фундамент сотрудничества стран-членов ШОС, в первую очередь России и Китая, составили три документа: Шанхайская конвенция (2001г.), Хартия Шанхайской организации сотрудничества (2002г.) и Соглашение о региональной антитеррористической структуре (2002г.). В них и прописана большая часть пунктов, определяющих и регулирующих сотрудничество в сфере безопасности в рамках организации.

Прежде всего, стоит отметить именно Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, изданную 15 июня 2001 года. Терроризм, экстремизм и сепаратизм в данной конвенции признаются как явления, угрожающие международной безопасности и территориальной целостности сторон. Далее в конвенции, несмотря на отсутствие единого общепризнанного значения каждого из вышеперечисленных понятий, дается точное определение терроризма, экстремизма и сепаратизма, которые принимают государства-члены организации, подписавшие данный документ [6].

В Конвенции говорится об осуществлении сотрудничества в области предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с ранее упомянутыми явлениями. Предусматривается выдача другим государствам-членам ШОС по подобным преступлениям. Конвенция ШОС предусматривает прямые контакты между компетентными органами государств-членов по вопросам, связанным с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, описан поря-

док такого взаимодействия. Также перечислены непосредственно сами способы сотрудничества. Страны, подписавшие данную конвенцию, также подтвердили свое намерение о создании региональной антитеррористической структуры [6].

Не менее важным документом ШОС, в котором рассматривается именно вопрос сотрудничества в сфере безопасности, является Хартия ШОС, принятая 7 июня 2002 года. В данном документе раскрываются основные направления сотрудничества в рамках организации, поэтому немалая часть Хартии была посвящена именно вопросам безопасности. Главной целью в сфере безопасности стало совместное противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму и прочим угрозам в данной сфере.

Среди принципов организации, перечисленных в Хартии, можно отметить ненаправленность ШОС против других государств. Таким образом, сотрудничество в сфере безопасности в рамках ШОС построено вокруг “новых” угроз [5].

В пункте о направлениях сотрудничества было сказано о том, что государства-члены ШОС будут укреплять безопасность и доверие в регионе, вырабатывать и реализовывать меры по совместному противодействию терроризму, координировать действия по вопросам контроля за вооружением [5].

Следующим важным документом является Соглашение о Региональной антитеррористической структуре, заключенное в 2002 году. Оно предусматривало создание специального органа в рамках организации, которое занималось бы вопросами безопасности в ШОС, а именно вопросами, связанными с терроризмом. Цель подобной структуры – содействовать координации и взаимодействию компетентных органов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Отмечается, что РАТС имеет статус юридического лица и, соответственно, имеет право заключать договоры, возбуждать иски в судах и участвовать в судебных разбирательствах [3].

В данном документе достаточно подробно прописаны задачи и функции РАТС ШОС. Так, к ним можно отнести, например, разработку рекомендаций, содействие компетентным органам по определенным вопросам (по просьбе самих этих органов), сбор и обработка информации, поддержание рабочих контактов.

Согласно одной из статей соглашения, РАТС в своей деятельности руководствуется документами и решениями, связанными с борьбой с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, ранее принятыми в рамках Шанхайской организации сотрудничества [3].

Кроме того, договорно-концептуальная база сотрудничества по безопасности в ШОС дополнялась рядом других, менее объемных документов. К таким можно отнести, например, Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности, Соглашение между государствами-членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, а также ряд других документов.

Так, в заявлении по международной информационной безопасности говорилось о том, что в настоящее время появляется реальная опасность использования информационно-коммуникационных технологий в целях, которые были бы способны нанести довольно серьезный ущерб безопасности отдельных людей, общества и государства в нарушение основополагающих принципов равноправия и взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела суверенных государств, мирного урегулирования конфликтов, неприменения силы, соблюдения прав [2].

Во втором документе, который связан с незаконным оборотом наркотиков, говорится о необходимости сотрудничества стран-членов ШОС в данной сфере. Прописаны конкретные формы этого сотрудничества, которые зачастую сводятся к обмену информацией. Указаны конкретные компетентные органы государств, которые и будут заниматься этими вопросами в рамках ШОС [4].

Изучив вышеуказанные документы, можно сделать следующие выводы:

1. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) представляет собой некое подобие информационного центра, в который могут по собственному желанию обра-

щаться компетентные органы государств-членов ШОС. Таким образом, практически всё сотрудничество по вопросам борьбы с терроризмом происходит между отдельными странами, а не от имени организации. Расширение возможностей и полномочий РАТС вполне могло бы сделать этот орган ШОС куда более эффективным.

2. Несмотря на то, что вопрос финансирования терроризма и финансового контроля является достаточно важным, ни в одном из ранее перечисленных документов ему не уделяется должного внимания в рамках борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

3. Сторонам следует более подробно прописать порядок проведения крупных антитеррористических операций на чужой территории, чтобы избежать возможного недопонимания между государствами-членами ШОС в будущем.

4. Также стоит отметить необходимость модернизации правовой базы Шанхайской организации сотрудничества в сфере безопасности с учетом расширения состава участников. Рабочими языками в организации по-прежнему являются только русский и китайский, несмотря на недавнее вступление в ШОС Индии и Пакистана.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. 14 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (Дата обращения 25.03.2019).
2. Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности. 15 июня 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31857/102574/102589/7409849.html> (Дата обращения 26.03.2019)
3. Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. 6 июня 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3864> (Дата обращения 26.03.2019).
4. Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. 16 июня 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3920> (Дата обращения 26.03.2019).
5. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 6 июня 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (Дата обращения 25.03.2019).
6. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 14 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (Дата обращения 24.03.2019).

Ян Линьлин, аспирант
Кафедра международных отношений
Дальневосточный федеральный университет
yanglinlin@mail.ru

РОЛЬ СОТРУДНИЧЕСТВА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ С КИТАЕМ В ПРОДВИЖЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

УДК 327

Аннотация. В статье рассматривается состояние и перспективы взаимоотношений России с Китаем и со странами Северо-Восточной Азии. Рассмотрена роль Дальнего Востока России во взаимодействии России с государствами Северо-Восточной Азии. Раскрываются особенности сотрудничества России со странами СВА в области безопасности, социально-экономического развития и транспортной инфраструктуры. В статье также отмечается, что огромного развития отношений России со странами Северо-Восточной Азии под влиянием успеха отношений с Китаем не наблюдается. В некоторых аспектах можно увидеть рост торговли между странами, однако в основном крупные инвестиционные проекты пока только с Китаем.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток России, региональность Северо-Восточной Азии, региональное сотрудничество.

Yang Linlin, graduated student
Department of International Relations
Far Eastern Federal University
yanglinlin@mail.ru

THE ROLE OF COOPERATION OF THE FAR EAST OF RUSSIA WITH CHINA IN PROMOTING THE REGIONALITY OF NORTH EAST ASIA

Abstract. The article discusses the state and prospects of relations between Russia and China, and with the countries of Northeast Asia. The role of the Russian Far East in the interaction of Russia with the states of Northeast Asia is considered. The features of Russian cooperation with the Northeast Asian countries in the field of security, social and economic development, transport infrastructure are revealed. The article also highlights the tremendous development of Russia's relations with the countries of Northeast Asia under the influence of the success of relations with China. In some aspects, one can see an increase in trade between countries, but for the most part large investment projects are only with China.

Key words and phrases: The Far East of Russia, the regional integration of Northeast Asia, regional cooperation.

Северо-Восточная Азия включает в себя 6 стран – Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Япония, Тайвань, Монголия.

Сотрудничество России и Китая в первую очередь представлено взаимодействием приграничных территорий.

Северо-Восточный Китай или Дунбэй (кит. trad. 東北, упр. 东北, пиньинь: дунбэй) включает следующие территории Китайской Народной Республики: провинцию Хэйлуцзян, провинцию Ляонин и провинцию Цзилинь, суммарной площадью 1.243.571 км² (рис. 1).

Рисунок 1 – Территория Северо-Восточного Китая [3]

Эти регионы исторически входили в состав Маньчжурии (из-за чего регион нередко называют Маньчжурией), они во многом обладают общей исторической судьбой, культурными и климатическими реалиями.

На территории Северо-Восточного Китая преимущественно действуют предприятия третичного сектора, так называемые услуги. Предприятия сырьевой отрасли представлены на территории Северо-Восточного Китая слабо, а вторичной промышленности преимущественно на территории Ляонина.

Структура предприятий Северо-Восточного Китая по отраслям приведена на рисунке 2.

Рассматривая структуру предприятий Северо-Восточного Китая по отраслям, можно отметить, что в первую очередь в рассматриваемых провинциях преобладают предприятия оптовой и розничной торговли. На территории Цилинь и Хэйлунцзян также развиты предприятия сельского хозяйства, охоты и рыболовства. Значительная доля во всех исследуемых провинциях также отводится общественным и социальным организациям. На территории провинции Ляонин большую долю занимают предприятия обрабатывающей промышленности.

Современный Дальневосточный регион представлен тремя территориями, которые относятся к приграничным с Китаем, – Приморский край, Хабаровский край и Амурская область.

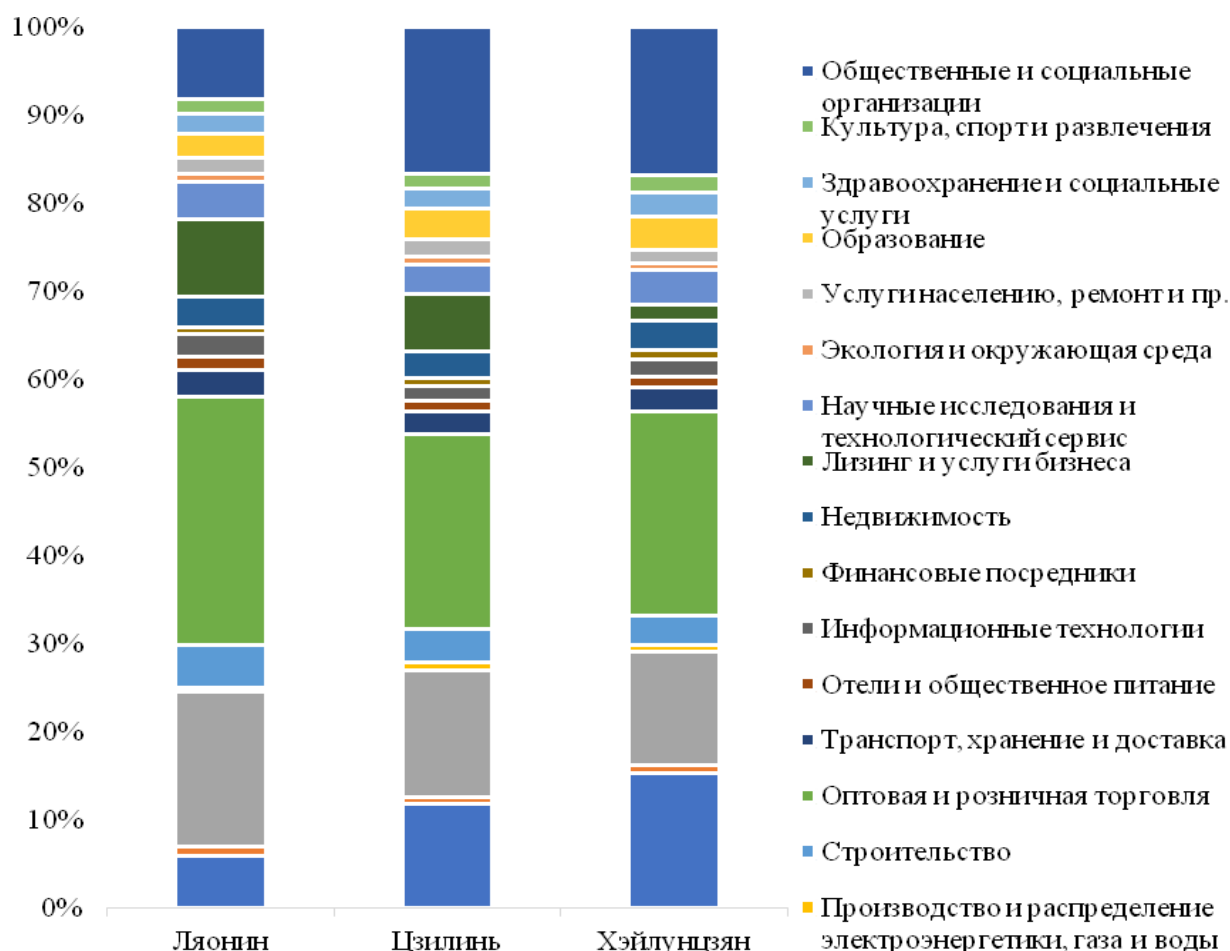

Рисунок 2 – Структура предприятий Северо-Восточного Китая по отраслям, 2017 г. [3]

Представим обобщающие показатели по предприятиям приграничных территорий Дальневосточного Федерального округа (таблица 1)

Таблица 1 – Основные показатели деятельности малых предприятий (включая микропредприятия) в ДФО за 2017 г. [4]

Регион	Количество предприятий, единиц	Средняя численность работников, чел.	Оборот предприятий, тыс. руб.	Инвестиции в основной капитал (в части новых и приобретённых по импорту основных средств), тыс. руб.
Дальневосточный федеральный округ	118802	497820	1808553670	26315054
Приморский край	45801	159553	796257335	13017084
Хабаровский край	29923	150938	400825722	1687183
Амурская область	10492	53553	134718865	3456375

Таким образом, наиболее развитым регионом с предпринимательской точки зрения в приграничных с Китаем территориях ДФО является Приморский край. В данном регионе наблюдается наибольший оборот предпринимательских структур, а также наибольший объем

инвестиций. Самой слабой с точки зрения развития предпринимательства является Амурская область.

Развитию предпринимательства ДФО РФ уделяется достаточно серьезное внимание со стороны правительства РФ, что связано с приведенной стратегической целью развития региона Дальнего Востока [1].

Согласно данным Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока в настоящий момент действует 27 государственных программ, в 23 из которых отдельно выделяются «дальневосточные разделы» [8].

Среди актуальных вопросов развития приграничных территорий:

- расширение Всероссийского детского центра «Океан» во Владивостоке;
- строительство 12 физкультурно-оздоровительных комплексов в регионах Дальнего Востока и пр.

Также стоит выделить, что в регионах Дальнего Востока для развития активно используются новые механизмы развития:

- создание ТОР на Дальнем Востоке (17 ТОР, 318 инвестиционных проекта, 1,5 трлн рублей частных инвестиций, 27 тыс. новых рабочих мест);
- создание Свободного порта Владивосток (21 резидент);
- инфраструктурная поддержка инвестиционных проектов (14 проектов, получающих федеральную субсидию на создание обеспечивающей инфраструктуры, с общим объемом инвестиций в 294 млрд. руб.);
- бесплатное предоставление земельных участков (105 тысяч заявок подано, 40 тысяч участков оформлено, появится 4 новых населенных пункта);
- снижение тарифов на электроэнергию до среднероссийского уровня;
- обеспечение доступа к природным ресурсам под инвестиционные обязательства.

Стоит отметить, что посредством активного развития взаимоотношений между Китаем и Россией через Дальний Восток стали развиваться отношения и с другими странами Северо-Восточной Азии.

Динамика внешнеторгового оборота Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии приведена в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика внешнеторгового оборота Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии, 2013-2018 гг. [2]

Страна	Экспорт					
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Китай	5448,9	5419,5	3882,7	3850,4	5079,9	6440,7
Монголия	30,1	27,1	18,39	22,4	41,2	39,5
Республика Корея	8430,9	9113,9	5936,1	4870,6	6137,5	9158,1
Япония	9135,3	8466,1	6527,1	4783,4	4821,7	6121,3
Тайвань	155,5	205,7	105,1	211,2	391,9	851,2
Страна	Импорт					
Китай	5629,1	4721,7	2503,2	2280,6	2690,4	3360,8
Монголия	0,42	0,61	0,86	0,49	0,39	2,2
Республика Корея	1458,5	1113,7	444,9	635,7	967,2	563,9
Япония	1730,5	1773,9	716,5	424,5	582,8	493,9
Тайвань	89,8	79,2	22,7	53,5	39,9	40,7

Таким образом, оценка показывает, что самые высокие темпы роста за 6 лет показывает экспорт Дальнего Востока с Тайванем (547,4%), а также импорт Дальнего Востока с Монго-

лией (523,8%). В периоды улучшения отношений Дальнего Востока с Китаем повышаются торговые обороты с такими странами, как Тайвань, Япония и Республика Корея.

В целом за последние годы наблюдается рост количества инвестиций в Россию из Северо-Восточной Азии, а также развитие совместных проектов.

Так, например, Россия активно занимается вопросами развития транспортной инфраструктуры Монголии. У российских и монгольских компаний немало совместных проектов, выгодных для обеих сторон. Россия и Монголия намерены активнее работать в области сельского хозяйства. Росатом поможет партнерам готовить специалистов-ядерщиков. В числе приоритетов транспорт. Например, Аэрофлот и монгольская авиакомпания Миат будут вместе обслуживать авиалинии. А РЖД создаст с монгольскими партнерами совместное предприятие для строительства железных дорог к перспективным месторождениям [7].

Специфика отношений между российско-китайскими границами сформирована в следующих направлениях:

- формирование и поддержание взаимосвязей между предприятиями в различных отраслях торговли, а также инвестиций;
- использование на территории государств иностранной рабочей силы;
- качественное и количественное развитие транспортной сети и маршрутов, в том числе оборудование пограничных таможенных переходов;
- охрана окружающей среды соседствующих территорий;
- развитие взаимовыгодного международного туризма;
- сотрудничество в сфере образования, науки и культуры посредством формирования специализированных программ;
- взаимовыгодное использование природных ресурсов на соседствующих территориях, выработка мер по их восстановлению.

Россия и Китай собираются строить транспортно-инфраструктурный коридор через Монголию. Это планируется в рамках масштабного и амбициозного транспортного проекта Китая «Пояс и дорога». Очевидно, что инвестиции Монголии в этом проекте будут минимальными, а основными инвесторами выступают Россия и Китай. Таким образом, Монголии представилась уникальная возможность модернизировать свою транспортную инфраструктуру [6].

Госбанк Китая в своих программах активно распространяет информацию о привлекательности Дальнего Востока для инвестиций из Китая, в силу как близкого расположения региона, так и за счет мощной платформы возможностей, созданных в регионе.

Отдельно стоит отметить, что среди перспективных направлений развития территорий следует отметить и развитие законодательной базы в части регулирования незаконного таможенного оформления, решения проблем с коррупцией как с одной, так и с другой стороны.

К сожалению, пока российский Дальний Восток не может похвастаться обилием крупных совместных проектов с Республикой Корея, особенно в инвестиционной и высокотехнологической сферах. В основном экономическое взаимодействие между нашими странами сводится к торговле. Причем Россия поставляет в Корею преимущественно сырье, а получает машины, оборудование, потребительские товары.

Реально осуществляемые крупномасштабные проекты на Дальнем Востоке с участием южнокорейских инвесторов пока можно пересчитать по пальцам одной руки. Среди недавних сделок можно отметить приход в Приморский край концерна Lotte, которой купил у другой корейской корпорации Hyundai ее гостиничный и сельскохозяйственный бизнес в Приморье. В данном случае речь, однако, идет не о новых инвестициях, а о смене владельца уже давно существующих объектов.

Самым масштабным российско-южнокорейским проектом на Дальнем Востоке на сегодня является создание комплекса по производству минеральных удобрений в поселке Козьмино Находкинского городского округа, инициатором и оператором которого выступает ЗАО «Национальная химическая группа». Стоимость комплекса, ввод которого в эксплуата-

цию планируется на 2022 год, оценивается примерно в 6 млрд долларов США. В качестве главного инвестора должна выступить Hyundai. Южнокорейский бизнес проявляет высокую заинтересованность в этом проекте и есть значительные шансы на то, что он все же будет реализован [5].

Таким образом, огромного развития отношений России со странами Северо-Восточной Азии под влиянием успеха отношений с Китаем не наблюдается. В некоторых аспектах можно увидеть рост торговли между странами, однако в основном крупные инвестиционные проекты пока только с Китаем.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razviti-dalnego-vostoka.pdf> (Дата обращения: 16.02.2019)
2. Официальный сайт Дальневосточного Таможенного управления. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=23531:--2017-&catid=340:-2017-&Itemid=307 (Дата обращения: 19.02.2019)
3. Официальный сайт Национального статистического бюро Китая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjsj/2016/indexeh.htm> (Дата обращения: 16.02.2019)
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (Дата обращения: 16.02.2019)
5. О совместных проектах Дальнего Востока России с Республикой Корея. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dvfu.ru/expertise/news/atr/on_joint_projects_of_the_russian_far_east_with_the_republic_of_korea/ (Дата обращения: 19.02.2019)
6. Россия и Китай интересуются дорогами Монголии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.if24.ru/dorogami-mongolii/> (Дата обращения: 19.02.2019)
7. Россия и Монголия будут совместно реализовывать крупные инвестиционные проекты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2009-05-13/166848-rossiya_i_mongoliya_budut_sovmestno_realizovyvat_krupnye_investitsionnye_proekty (Дата обращения: 19.02.2019)
8. 645 млрд рублей выделено на Дальний Восток в 23 госпрограммах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minvr.ru/press-center/news/11589/> (Дата обращения: 19.02.2019)

Ярлова Татьяна Викторовна, канд. пед. наук, доцент,
кафедра регионального управления и национальной политики
Факультет управления и политики
МГИМО(У) МИД России
yarovovatiana@yandex.ru

Клинов Денис Алексеевич, студент
Международный институт энергетической политики
МГИМО(У) МИД России
klincovdenis2000@gmail.com

АРКТИКА КАК ПРЕДМЕТ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

УДК 327

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возможной кооперации России и Китая в Арктическом регионе. На основе прогнозов различных аналитических агентств и центров анализируется нынешняя ситуация и перспективы сотрудничества в приарктической зоне. Особое внимание в статье отведено спорным шельфовым зонам РФ в Арктике, развитию Северного морского пути, политике РФ в отношении Арктики и прогнозируемому росту потребления энергии развивающихся азиатских стран, в частности Китая. Опираясь на изложенные в статье данные, можно ожидать возможное взаимовыгодное сотрудничество России и Китая в Арктике, которое сможет решить экономические проблемы России, укрепить энергетическую безопасность КНР, а также способствует проведению геолого-разведывательных работ в этом регионе.

Ключевые слова и фразы: Россия, Китай, Арктика, энергетика, развитие, политика, сотрудничество.

Tatyana Yarovova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Department of Regional Management and National Policy
Faculty of Management and Politics MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
yarovovatiana@yandex.ru

Denis Klintsov, Student
International Energy Policy Institute
MGIMO MFA of Russia
klincovdenis2000@gmail.com

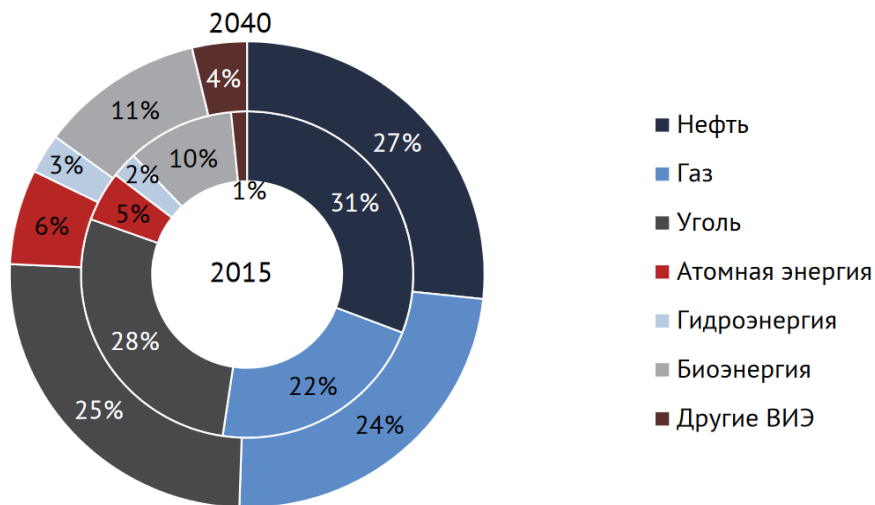
ARCTIC AS A SUBJECT OF MUTUALLY BENEFICIAL COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA

Abstract. The article discusses the issue of possible cooperation between Russia and China in the Arctic region. Based on the forecasts of various analytical agencies and centers, the current situation and prospects for cooperation in the subarctic zone are analyzed. Particular attention is paid to the controversial offshore zones of the Russian Federation in the Arctic, the development of the Northern Sea Route, the Russian policy towards the Arctic and the projected growth in energy consumption of developing Asian countries, in particular China. Based on the data presented in the article, we can expect a possible mutually beneficial cooperation between Russia and China in the Arctic, which can solve Russia's economic problems, strengthen the energy security of China, and also contributes to geological exploration in this region.

Key words and phrases: Russia, China, the Arctic, energy, development, politics, cooperation.

В рамках исследования была проведена оценочная работа по изучению возможных методов сотрудничества России и Китая по решению Арктического вопроса.

В постсанкционный период в российской экономике наметился тренд на смещение приоритетов в сторону Азии, и эта тенденция применима и для топливно-энергетического комплекса. Связано это с нестабильной политической и экономической обстановкой в Европе, что может привести к угрозам экономической стабильности Российской Федерации. Вместе с тем большинство аналитических агентств отмечает, что в ближайшее десятилетие в азиатском регионе потребности развивающихся стран в энергоресурсах будет только расти. Так, по данным Информационного управления Министерства энергетики США от 2018 года [13] потребление энергии в Китае к 2040 увеличиться на 60%, против 17% у стран – членов ОЭСР.

Структура потребления первичной энергии по видам топлива в мире в 2015 и 2040 гг. в Вероятном сценарии [1]

В то же время, согласно прогнозу развития энергетики мира и России 2016 г. [1] к 2030 году, прирост энергопотребления Китая и Индии превысит показатели прироста стран ОЭСР, к 2040 году развивающиеся страны Азии будут потреблять 44% от всего мирового энергетического потребления. Доля нефти и угля на мировом рынке энергоресурсов к 2040 сократится с 31% и 28% до 27% и 25% соответственно, однако эти виды ресурсов останутся преобладающими. Доля газа увеличится с 22% до 24%. При этом действующие месторождения газа смогут покрыть только 60% потребностей в газе. В среднесрочной перспективе отмечается увеличение добычи сланцевого газа к 2025г. до 700 млрд куб. м, из которых 600 млрд придётся на США [1], после чего добыча сланцевого газа стабилизируется и будет сохраняться до 2040г. на том же уровне.

Именно поэтому арктические страны уделяют такое большое внимание Арктике, запасы которой, по данным USGS [14], составляют 89,983.21 миллионов баррелей нефти и 1,668,657.94 миллиона квадратных футов газа.

Province Code	Province	Oil (MMBO)	Total Gas (BCFG)	NGL (MMBNGL)	BOE (MMBOE)
WSB	West Siberian Basin	3,659.88	651,498.56	20,328.69	132,571.66
AA	Arctic Alaska	29,960.94	221,397.60	5,904.97	72,765.52
EBB	East Barents Basin	7,406.49	317,557.97	1,422.28	61,755.10
EGR	East Greenland Rift Basins	8,902.13	86,180.06	8,121.57	31,387.04
YK	Yenisey-Khatanga Basin	5,583.74	99,964.26	2,675.15	24,919.61
AM	Amerasia Basin	9,723.58	56,891.21	541.69	19,747.14
WGEC	West Greenland-East Canada	7,274.40	51,818.16	1,152.59	17,063.35
LSS	Laptev Sea Shelf	3,115.57	32,562.84	867.16	9,409.87
NM	Norwegian Margin	1,437.29	32,281.01	504.73	7,322.19
BP	Barents Platform	2,055.51	26,218.67	278.71	6,704.00
EB	Eurasia Basin	1,342.15	19,475.43	520.26	5,108.31
NKB	North Kara Basins and Platforms	1,807.26	14,973.58	390.22	4,693.07
TPB	Timan-Pechora Basin	1,667.21	9,062.59	202.80	3,380.44
NGS	North Greenland Sheared Margin	1,349.80	10,207.24	273.09	3,324.09
LM	Lomonosov-Makarov	1,106.78	7,156.25	191.55	2,491.04
SB	Sverdrup Basin	851.11	8,596.36	191.20	2,475.04
LA	Lena-Anabar Basin	1,912.89	2,106.75	56.41	2,320.43
NCWF	North Chukchi-Wrangell Foreland Basin	85.99	6,065.76	106.57	1,203.52
VLK	Vilkitskii Basin	98.03	5,741.87	101.63	1,156.63
NWLS	Northwest Laptev Sea Shelf	172.24	4,488.12	119.63	1,039.90
LV	Lena-Vilyui Basin	376.86	1,335.20	35.66	635.06
ZB	Zyryanka Basin	47.82	1,505.99	40.14	338.95
ESS	East Siberian Sea Basin	19.73	618.83	10.91	133.78
HB	Hope Basin	2.47	648.17	11.37	121.87
NWC	Northwest Canada Interior Basins	23.34	305.34	15.24	89.47
MZB	Mezen' Basin	NQA	NQA	NQA	NQA
NZAA	Novaya Zemlya Basins and Admiralty Arch	NQA	NQA	NQA	NQA
TUN	Tunguska Basin	NQA	NQA	NQA	NQA
CB	Chukchi Borderland	NQA	NQA	NQA	NQA
YF	Yukon Flats (part of Central Alaska Province)	NQA	NQA	NQA	NQA
LS	Long Strait	NQA	NQA	NQA	NQA
JMM	Jan Mayen Microcontinent	NQA	NQA	NQA	NQA
FS	Franklinian Shelf	NQA	NQA	NQA	NQA
Total		89,983.21	1,668,657.84	44,064.24	412,157.09

Оценка запасов энергоресурсов, находящихся в Арктике [14]

Основным документом, регламентирующим политику РФ в отношении Арктики, являются «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», подписанный Дмитрием Медведевым 18 сентября 2008 года [3]. Согласно ему, основными национальными интересами РФ в Арктике являются:

- 1) использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны;
- 2) сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества;
- 3) сбережение уникальных экологических систем Арктики;
- 4) использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике.

Государство определило расширение ресурсной базы, обеспечение экологической и военной безопасности и проведение масштабных научных исследований природы Арктики как ключевые цели своей политики в этом регионе. Сегодня разграничение территорий в Арктике происходит согласно Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, которая провозгласи-

ла суверенное право прибрежных государств на ресурсы «исключительной экономической зоны» в пределах до 200 морских миль; их суверенное право на ресурсы континентального шельфа за пределами этой зоны. Однако, подписав это соглашение, Россия потеряла около 1,2 млн кв. км [8]. Тем не менее в 2001 г. Россия направила в Комиссию ООН по границам континентального шельфа представление о расширении своих внешних границ по арктическому шельфу. Основанием послужили исследования рельефа морского дна, в ходе которых выяснилось, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева, проходящие по дну Северного Ледовитого океана, являются продолжением Сибирской континентальной платформы. Первая заявка была отклонена, но в августе 2015 г. было подано новое представление, дополненное результатами последних исследований. Его представление в ООН состоялась 9 февраля 2016 г. 22 марта 2019г. первый заместитель министра природных ресурсов и экологии России Денис Храмов сообщил прессе о работе с ООН по согласованию представления РФ от 9 февраля 2016 г.[5]: «Мы понимаем их сложившееся мнение... Все неплохо, все идет в рабочем порядке. Подкомиссия слышит нашу аргументацию, ведем с ними рабочий диалог, думаем, что рекомендации будут подготовлены подкомиссией таким образом, что учтут всю нашу проведенную работу и представленную нами концепцию развития всего трансарктического региона». При принятии этого представления Россия может получить 4,9 миллиарда тонн условных углеводородов.

Кроме того, благодаря таянию льдов Арктики, облегчается доступ к Северному морскому пути, что позволяет увеличить товарооборот по этому маршруту. РФ обладает самой большой ледокольной группировкой в арктическом регионе и планирует сохранять за собой лидерство в этой сфере, что подтверждается закладкой трёх самых мощных ледоколов «Арктика», «Сибирь» и «Урал» проекта 22220 [6].

Особое внимание уделяется обеспечению военной безопасности над территорией Арктики. Согласно поручению президента РФ В. В. Путина от 2013 года, был выделен отдельный арктический военный округ, образованный на базе Северного флота. С 2014г. увеличилось количество учений, проводимых в приарктических территориях, а также развернут «Арктический трилистник», крупный военный центр, находящийся за полярным кругом.

27 февраля 2019г. по итогам совещания президента РФ В. В. Путина с кабмином было сформировано поручение правительству до 1 июля внести в Госдуму законопроект о специальных мерах господдержки инвестиций в Арктике [4].

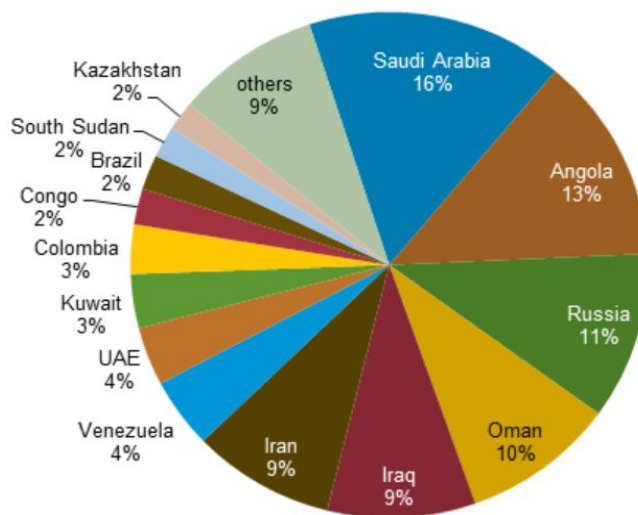
В данный момент в правительстве ведутся работы по созданию документа, определяющего стратегию развития Арктического региона до 2035 года. Связано это со скорым прекращением действия документов, регулирующих политику РФ в Арктике

Российская Федерация намерена и дальше защищать свои национальные интересы в Арктике, поскольку в этой области сосредоточены большие запасы сырьевых ресурсов, которые могут быть поставлены на экспорт или использованы для нужд собственного производства.

Китай не является арктической страной и не имеет территорий в Арктическом регионе, однако его потребление первичной энергии стремительно растёт и уже сейчас составляет свыше 10% от всего мирового потребления энергии. При этом Китай очень зависим от внешних поставок [10]: порядка 60% нефти и 30% природного газа, потребляемых Китаем, импортируется. Часть стран-импортёров энергоресурсов находятся на Ближнем Востоке, что тоже не добавляет стабильности поставок в КНР. Именно поэтому Китай ведёт активное сотрудничество со всеми арктическими странами по изучению и возможному участию в разработке месторождений в Арктике. Так, China National Offshore Oil Corporation совместно с Eukon Energy и Petro в 2018 году завершила изучение возможных путей добычи энергоресурсов в территориальных водах Исландии [11], China National Petroleum Corporation подписала ряд соглашений с ПАО «Роснефть» по совместной добыче, научному сотрудничеству и поставкам нефти из Сибири и арктических шельфовых месторождений [7]. Помимо этого, CNPC приобрела у "Новатэк" 20% акций проекта "Ямал СПГ", включающего в себя строительство завода по производству СПГ мощностью 16,5 млн. т в год на ресурсной базе Юж-

но Тамбейского месторождения, строительство морского порта в поселке Сабетта и создание танкерного флота ледового класса [9]. Также, стоит отметить, что в марте 2013 года Китай получил статус постоянного наблюдателя Арктического совета [2].

China's crude oil imports by source, 2014

Sources: FACTS Global Energy, Global Trade Information Services, Inc.

Импорт сырой нефти в Китай по источникам [12]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Китай в данный момент ищет новых стабильных импортёров энергоресурсов, сотрудничество с которыми будет рассматриваться в долгосрочной перспективе. Это сотрудничество позволит укрепить энергетическую безопасность КНР, а также поспособствует ускоренному росту промышленности и ВВП страны.

Сотрудничество в Арктике между Россией и Китаем может решить проблемы обоих государств: Россия сможет заключить многомиллиардные контракты на разработку месторождений и поставку энергоресурсов в Азию, привлечь иностранные инвестиции в свою экономику и преодолеть технологическое отставание в глубинном бурении, а также развить приморские города и наладить торговое сообщение через Северный морской путь. Китай, в свою очередь, получит надёжного экспортёра нефти и газа, с хорошей энергетической и судоходной инфраструктурой, возможность пользоваться портовой системой Северного морского пути.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что стратегическое сотрудничество России и Китая в Арктике может принести значительные дивиденды для обеих стран-участниц, упрочить взаимоотношения между странами, поспособствовать исследованию Арктических территорий и решить вопросы национальной важности в долгосрочной перспективе.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Прогноз развития энергетики мира и России 2016 / под ред. А.А. Макарова, Л.М. Григорьева, Т.А. Митровой. – М.: ИНЭИ РАН–АЦ при Правительстве РФ, 2016. – 200 с.
2. Арктический совет, Наблюдатели [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org/index.php/ru/about-us/arctic-council/observers> (дата обращения 01.04.19).
3. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденный Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым 18 сентября 2008 г. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (дата обращения 01.04.19).

4. Парламентская газета. Путин поручил внести в проект о господдержке инвестиций в Арктике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/economics/putin-poruchil-vnesti-v-proekt-o-gospodderzhke-investiciy-v-arktike.html> (дата обращения 01.04.19).
5. РИА. В ООН определили отношение к заявке России по расширению шельфа в Арктике [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190322/1552012553.html> (дата обращения 01.04.19).
6. Росатом. Состояние атомного ледокольного флота РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosatom.ru/production/fleet/> (дата обращения 01.04.19).
7. Роснефть. Роснефть укрепляет сотрудничество с КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/185281/> (дата обращения 01.04.19).
8. ТАСС. Российские владения в Арктике. Досье [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/2505058> (дата обращения 01.04.19).
9. Forbes, Правительство разрешило китайской CNPC купить 20% в «Ямал СПГ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/news/247237-pravitelstvo-razreshilo-kitaiskoi-cnpc-kupit-20-v-yamal-spg> (дата обращения 01.04.19).
10. Foreign Affairs. China's Search for a New Energy Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2013-06-04/chinas-search-new-energy-strategy> (дата обращения 01.04.19).
11. Iceland Magazine. Oil exploration in Icelandic waters comes to an end: Too expensive and too risky [Электронный ресурс]. URL: <https://icelandmag.is/article/oil-exploration-icelandic-waters-comes-end-too-expensive-and-too-risky> (дата обращения 01.04.19).
12. U.S. Energy Information Administration. China Overview [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eia.gov/beta/international/analysis.php?iso=CHN> (дата обращения 01.04.19).
13. U.S. Energy Information Administration. International Energy Outlook 2018 Energy implications of China's transition toward consumption-led growth [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/ieo/china/> (дата обращения 01.04.19).
14. U.S. Geological Survey. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle by U.S. Geological Survey [Электронный ресурс]. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/> (дата обращения 01.04.19).

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И КИТАЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Алферов Павел Олегович, Золотухин Иван Николаевич ОПЫТ КНР ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С НАРКОТРАФИКОМ В РАМКАХ ШОС.....	5
Аристова Людмила Борисовна, Семенова Нелли Кимовна ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ: КОНСТРУКТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО ДИАЛОГА В ФОРМАТЕ РФ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – КНР.....	9
Бояркина Анна Владимировна, Печерица Владимир Федорович ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ С КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИЕЙ «ПОЯС И ПУТЬ».....	15
Бракунов Михаил Дмитриевич СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО ЦЕНТРА МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА И РОЛЬ РОССИИ В ДАННОМ ПРОЦЕССЕ.....	27
Бурганова Инна Николаевна ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И США: ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ.....	32
Гамерман Евгений Вячеславович ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ И МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ.....	36
Горбатко Анастасия Анатольевна, Эпштейн Виталий Анатольевич РОЛЬ «ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА» В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	40
Грозин Андрей Валентинович СИНОФОБИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ МИФОЛОГИИ К ИНСТРУМЕНТУ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ.....	47
Дрожжих Евгения Валерьевна РОЛЬ РОССИИ И КИТАЯ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ В КОСМОСЕ.....	57
Егорова Мария Владимировна ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И СТРАН «ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА» В РАМКАХ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАРКОТИКОВ.....	66
Журавель Наталья Анатольевна УЧАСТИЕ КИТАЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА МУЗЕЕВ В XXI ВЕКЕ.....	74

Карелина Екатерина Вячеславовна СОПЕРНИЧЕСТВО США И КНР В АФРИКЕ В XXI ВЕКЕ.....	82
Кузнецов Дмитрий Владиславович КИТАЙ В СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США (1987-2015 гг.).....	91
Кун Дэжунь РОССИЯ: ОТ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ С КНР В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ».....	109
Кухаренко Сергей Владимирович О ВАЖНОСТИ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ».....	116
Лацкова Елизавета Сергеевна, Саввин Александр Викторович РОССИЯ И КИТАЙ: ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ОБЩЕГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА.	120
Лексютина Яна Валерьевна КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ПОЯС И ПУТЬ» И ЯПОНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «КАЧЕСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ».....	123
Лукинский Николай Александрович РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	129
Лэй Шуан О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИДЕЯХ «ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» СИ ЦЗИНЬПИНА.....	133
Михалевич Екатерина Андреевна ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ США И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ.....	140
Никулина Анна Сергеевна, Полуев Александр Николаевич ДИАЛОГ РОССИИ С ВОСТОКОМ (КИТАЙ) В УСЛОВИЯХ СПОРНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ЗАПАДОМ (США): ПРОТИВОРЕЧИЯ НА ПУТИ К ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ....	146
Петровский Владимир Евгеньевич О КООРДИНАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНР И РФ.....	150
Серенко Ирина Николаевна КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ.....	155
Цинь Дун АРКТИКА В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И КИТАЯ.....	159
Шилина Мария Геннадьевна РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ШОС И БРИКС.....	162
Шпренгель Мечислав ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С АВСТРАЛИЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИЕЙ.....	168
Ягницын Иван Петрович ПРАВОВАЯ БАЗА СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ШОС.....	176
Ян Линьлинь РОЛЬ СОТРУДНИЧЕСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ С КИТАЕМ В ПРОДВИЖЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	179

Ярлова Татьяна Викторовна, Клинов Денис Алексеевич АРКТИКА КАК ПРЕДМЕТ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ.....	185
---	-----

РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА:
Материалы IX международной
научно-практической конференции
(Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г.)

Выпуск 9

Часть 7

Ответственный редактор: Д.В. Кузнецов

Редактор – Е.Д. Кузнецова, Д.В. Кузнецов

Дизайн обложки – Д. Железняк

Лицензия ЛР № 040326 от 19.XII.1997 г.

Подписано к печати 15.05.2017

Формат бумаги 60x84 1/8

Бумага тип. № 1

Уч. - изд. л. ...

Тираж 100 экз.

Заказ № ...

Издательство Благовещенского государственного педагогического университета.
Типография БГПУ. 675000, Амурская обл., г. Благовещенск,
ул. Ленина, 104

